

А. Н. ГЕНКО

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. Н. ГЕНКО

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
НАРЕЧИЯ ТАПАНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

К. В. ЛОМТАТИДЗЕ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

В работе проф. А. Н. Генко «Абазинский язык», законченной еще в 1934 г., но своевременно не опубликованной, анализируется структура одного из абазинских диалектов — тапантского диалекта, который лежит в основе абазинского литературного языка.

В отдельных случаях у автора приводятся данные и из других абхазско-абазинских диалектов.

Работа проф. А. Н. Генко представляет большой интерес как первый опыт изучения тапантского диалекта и как наиболее полный обзор абазинской речи (т. е. речи тапантинцев); в ней рассмотрены основные вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Следует отметить, что ряд вопросов, как, например, вопрос об абазинских диалектах, вопрос о делении тапантского диалекта на говоры и т. д., в специальной литературе трактуется и иначе¹. Спорным следует считать положение автора о долготе согласных и об их фонематичности².

Без специального экспериментального исследования трудно разделить положение автора относительно слоговости спирантов и аффрикат и некоторых других согласных. В указанных автором случаях при разделении слов на слоги всегда налицо иррациональный гласный *y*; при отсутствии же *y* число слогов уменьшается, что явствует из примеров, приводимых самим автором, например, *a-m(y)ʃ-a-ra* «выгрызать», но параллельно *am-ʃa/a-ra* и т. д.

В области морфологии трудно согласиться с положением автора о падежности форм имени — определенной (*atшы*), неопределенной

¹ См. K. Bouda. Das Abasinische, eine unbekannte abchasische Mundart. «Zeitschrift d. DMG», B. 94. Leipzig, 1940; К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944; К. В. Ломтатидзе. Ашхарекий диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954.

² См. К. В. Ломтатидзе. О функциях редупликации в абхазском языке. «Известия ИЯИМК», вып. VI—VII. Тбилиси, 1940, стр. 115—135; Ее же. Тапантский диалект абхазского языка, стр. 39—40; Ее же. Некоторые замечания на работы проф. Г. П. Сердюченко по абазинскому языку. «Труды Абхазского научно-исследовательского института», вып. XXIII, 1949, стр. 171.

(*тшы*), единичной (*тшыкI*), отсутствия (*тшыда*) и т. д.¹, а также и с толкованием глагольных категорий переходности, непереходности, побудительности и т. д. как залога и др.

Мы не внесли в работу проф. А. Н. Генко никаких изменений, кроме поправок чисто технического порядка. Отдельные, явно не соответствующие действительному положению толкования языковых фактов, имеющиеся в работе проф. А. Н. Генко, оговорены в наших примечаниях.

¹ См. К. В. Ломтатидзе. К вопросу о склонении в абхазском языке. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942; Е е же. Тапантакский диалект абхазского языка, стр. 78—93, 227—228.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АБАЗИНАХ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Расселение абазин-тапанта¹. На абазинском языке, систематическому обзору основных норм которого посвящается в нижеследующем изложении наше внимание, говорит в настоящее время население 10 аулов, расположенных на северо-западном Кавказе, в бассейне рек Кубани (с ее притоками — Большим и Малым Зеленчуками) и Кумы, на территории преимущественно Черкесской автономной области. Аулы эти следующие: 1) Псыж (абаз. *Псыжэ*, прежнее название Дударуковский, абаз. *Дарыкъвакыт*, современное название кабардинского происхождения и означает «Кубань»), расположен на левом берегу Кубани, против административного центра Черкесской автономной области города Черкесска, бывш. Баталпашинска (в просторечии обычно называвшегося Пашинкой, абаз. *Пашынка* или *Пашынска*), по переписи 1926 г. насчитывал 2010 жит.; 2) Кубина (абаз. *Къыбыйна*, прежнее название Лоовско-Кубанский, абаз. *Къыбыйна Лаукыт*), также на левом берегу Кубани, но выше по течению, против сел. Джигутинского (абаз. *Джыгват*), по переписи 1926 г. — 1963 жит.; 3) Красно-восточный (прежнее название Кумско-Лоовский, абаз. *Гыи Лаукыт*), расположен к юго-востоку от Черкесска, на левом берегу Кумы, недалеко от ее истоков, по переписи 1926 г. насчитывал 2351 жит.; 4) Койдан (абаз. *Къвайдэн*), отселок из аула Красно-восточного, расположен в верховьях Абазинки, правого притока Кубани (абаз. *Къвайдэн*), по переписи 1926 г. насчитывал 248 жит.; 5) Карапаго (абаз. *Къарапэгва*), отселок из аула Кубина, расположен на водоразделе между Кубанью и Малым Зеленчуком к северо-западу от аула Кубина, по переписи 1926 г. насчитывал 308 жит.; 6) Инджик-Чкун (абаз. *Инджыгъ ЧкIвын*, букв. «Малый Зеленчук», прежнее название Лоовско-Зеленчукский, абаз. *Инджыгъ Лаукыт*), расположен на правом берегу Малого Зеленчука, против кабардинского аула Хабез, бывш. Касаевского, по переписи 1926 г. насчитывал 1457 жит.,

¹ Названия селений и другие географические названия приводятся в написании автора.

7) Эльбурган (абаз. *АлбыргІан*, по имени соседней горы, прежнее название Бибердовский, абаз. *Быйбъркыт*), расположен к северу от Инджикчуна, также на правом берегу Малого Зеленчука, по переписи 1926 г. насчитывал 1268 жит.; 8) Псауча Даха (абаз. *ПсауычІа дашыа*¹, из кабард. *ПсэуіІа дашыэ*¹ «Красивая жизнь», прежнее название Клычевский, абаз. *Кълычкыт*), расположен к северу от Эльбургана, на левом берегу Малого Зеленчука, население смешанное (кабардинцы и абазыны), абазыны в 1926 г. насчитывалось 644 жит.; 9) Абазакт (абаз. *Абазакт* «Абазинское селение», прежнее название Егебоковский *Гъабакъвайкыт*), расположен к северу от Псауча Даха, на левом берегу Малого Зеленчука, население смешанное, абазыны в 1926 г. насчитывалось 404 жит.; 10) Абазахабль (абаз. *АбазахІабля*, из кабардинского *АбадзахІабль*), отселок из сел. Эльбургана и Инджик-Чкуна, расположен на водоразделе между реками Большой Зеленчук и Урун, к западу от шкараванского сел. Старо-Кувинского, по переписи 1926 г. насчитывал 249 жит.

Абазинское население аулов Псауча Даха и Абазакт (причем в последнем из названных аулов абазыны Тапанта и Шкарава живут в смешении с кабардинцами, в первом же кабардинское население численно преобладает над абазинским) заметно отделяется от остальных селений преобладанием в быту кабардинского языка.

Расселение абазыно-шкарава. К числу абазыно-шкарава в широком смысле слова относятся также жители трех селений, расположенных по течению Большого Зеленчука, к северо-западу от района расположения вышеперечисленных абазинских аулов, а именно следующих населенных пунктов: 1) Апсуа (абаз. *Апсыуа*, прежнее название Шахгиреевский, абаз. *Чагърыйа*), расположен на правом берегу Большого Зеленчука, по переписи 1926 г. насчитывал 1006 жит.; 2) и 3) Старо- и Ново-Кувинское (абаз. *Хъыжъы* и *ХъыжъыИыц*), составлявшие до 1928 г. одно селение, а после указанного года разделившиеся на два. Расположены неподалеку друг от друга и от Апсуа (к югу от последнего) на левом берегу Большого Зеленчука. В 1926 г. сел. Кувинское насчитывало 1707 жит. Причисление жителей названных трех селений к абазинам основывается на чрезвычайной взаимной близости абазинских наречий Тапанта и Шкарава в той разновидности, на которой говорят жители названных трех селений, а также на общности их культурно-исторической судьбы в течение 250—300 лет, прошедших со времени выселения шкараванцев из южных гор. Однако полному отождествлению препятствует наличие и целого ряда довольно заметных различий, главным образом в языке, а также в бытовом укладе.

В дальнейшем изложении наше внимание будет сосредоточено преимущественно на характеристике особенностей собственно абазинского языка наречия Тапанта, на котором с 1933 г. существует и развивается национальная абазинская письменность; особенности шкараванского

¹ Автор через *шъ* передает кабардинское мягкое *ж*. (Ред.).

(зеленчукского) наречия абазинского языка учтены лишь постольку, поскольку они существенно отступают от норм тапантинских.

Общая численность абазин. Суммируя вышеприведенные цифры населения абазинских аулов по данным переписи 1926 г., мы получаем цифру 13 615 чел., из коих 2713 приходится на шкараванских абазин. Однако эта цифра далеко не соответствует действительному количеству лиц, говорящих на наречиях абазинского языка; она относится к той части абазинского населения, которая живет на Северном Кавказе более или менее сплоченными группами и составляет поэтому более легкий объект статистического учета. Перепись 1926 г., помимо вышеуказанных, отметила ряд пунктов, населенных другими национальностями (черкесами, кабардинцами и др.), в которых также живут абазинцы, составляя меньшинство. Таковы, например: 1) в Черкесской автономной области совхоз «Красный горец» (13 абазин), Новохумаринский аул (6 абазин), выселок в бывш. Лоовско-Зеленчукском сельсовете (6 абазин); 2) в Адыгейской автономной области аул Кошехабль (284 абазина), аул Джиджи-Хабль (160 абазин), аул Тауй-Хабль (127 абазин), аул Джамбочи (302 абазина), аул Шагаи Черпа-Хабль (121 абазин) (см. «Поселенные итоги переписи 1926 г.», Изд-во Северо-Кавказского краевого статистического управления. Ростов-на-Дону, 1928). Но и эти дополнительные данные далеко не исчерпывают абазинского населения не только в той его части, которая по разным причинам утратила до Великой Октябрьской социалистической революции родной язык, но и в той, где родной язык сохраняется, ограничиваемый, правда, узкими рамками лишь спорадического, внутрисемейного бытового общения. Так, например, во многих аулах Адыгеи и Большой Кабарды имеются абазинские группы, сохраняющие родной язык; осуществить сколько-нибудь точный учет численности этих разбросанных групп абазинского населения не представляется в настоящее время возможным. Примерная общая цифра абазин Северного Кавказа, сохраняющих до настоящего момента в той или иной степени родной язык, колеблется, повидимому, от 20 до 25 тысяч.

Различные наименования абазин. Абазинцы сами называют себя в настоящее время абазинами (*Аб̈аза*) лишь под влиянием русского и кабардинского словоупотребления. Термин *Аб̈адзэ* или *Аб̈аза* очень давнего происхождения (первые его упоминания относятся ко времени, близкому к началу н. э., встречались уже примерно 1800 лет назад) и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и исчезнувшую ныне на Кавказе народность убухов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья (нынешние Туапсинский и Сочи́нский районы, а также Абхазская АССР). На основе этого-то черкесского термина — *Аб̈аза* (суммарно равнозначающего такому современному определению: западно-кавказский горец не черкесско-адыгского языка и культуры) возник

и с XVIII в. упрочился русский термин — абазины (абазинцы) в специальном значении абхазоязычных племен Северного Кавказа. Соответствующее русскому «абазин» национальное самоназвание Тапанта (*Tianpanta*) — иранского (осетинского) происхождения означает «равнинный житель», и прилагалось, повидимому, первоначально древнейшим иранским населением бассейна верхней Кубани к той части абхазцев, которая примерно в XII—XIII вв. н. э. спустилась в северокавказские предгорья и отделилась, таким образом, от основной массы абхазов, продолжавших оставаться «горцами». В связи с этим следует отметить, что первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.

Противоположного значения Тапанта термин Шкарава (*Щхъаръау*), т. е. «горец», прилагается в настоящее время абазинами Тапанта к своим родичам, составляющим ныне население аулов Апеуа и Кувинского; термин указывает на сравнительно недавнее пребывание предков этого населения в горах, отчасти в бассейнах верхнего течения впадающих в Черное море рек: Мдзымта, Псеу и Бзыб, отчасти на верховьях притоков Кубани — Урупа, Большой и Малой Лабы. В течение XVII в. жившие здесь горные племена продвинулись заметно на север и оказались, подобно абазинам-тапанта, жителями равнины. Многие особенности, ныне уже почти изгладившиеся, как устройство аулов, отдельного дома с прилегающей к нему усадебной территорией, отличали в недалеком прошлом новых переселенцев с гор от их соотечественников — Тапанта.

Соответствующими абазино-абхазским терминам Тапанта и Шкарава кабардинскими названиями служили: Басхъг (кабард. *Басхъагъ* = абаз. *Tianpanta*) и Кушхажане (кабард. *Къыщхъа-жъанъ* = абаз. *Щхъаръау*); в последнем из этих названий, имеющем не совсем ясное этимологическое происхождение, мы имеем также (в первой его части) указание на недавнее происхождение соответствующего населения с гор (*Къыщхъа* значит «гора»). В популярной и научной литературе часто встречается также погайское название абазин — Алты Кесек Абаза (а ранее — Беш Кесек Абаза), ведущее свое происхождение от счета населения по числу феодальных родов, распоряжавшихся судьбами подвластных им соответственных частей абазинского народа. Таких родов (или отдельных ветвей династии местных князьков, ведущей свое происхождение по одной версии предания от одного общего родоначальника) насчитывалось первоначально — до XVIII в. — пять (отсюда Беш Кесек — «пять частей», — т. е., подразумевается, абазинский народ), впоследствии шесть (отсюда Алты Кесек — «шесть частей»).

Абхазцы, живущие на юге от Главного Кавказского хребта, на берегу Черного моря, называют северокавказскую равнину особым термином: *Ашвэ* или *Ашвадэвэ*, абазин соответственно называют *Аш-вэуаа* (ср. выражения *Ашвэжъа дцэйтI*¹ «он отправился на Северный

¹ Обычная форма *дцэйтI*. (Ред.).

Кавказ», *AшәытIв дайтI* «он прибыл с Северного Кавказа»). Слово *Aшәыт* восходит к той эпохе, когда абазинского населения на Северном Кавказе еще не существовало, и имеет в виду древнейшее (а впоследствии, во времена, непосредственно предшествующие появлению там абазин, определяемое как осетино-иранское) население бассейна Кубани и ее притоков; таким образом абазины унаследовали с уст своих абхазских соотечественников наименование, первоначально с ними никак не связанное. Правда, абхазцам известно и национально-абазинское самоназвание Тапанта, но в значении ослабленном и смутном. Желая отметить несообразность чьего-либо поведения, абхазцы спрашивают: *TiapanatIvy uaydyma?* «ты пришел из Тапанта?» (прибл. соответствует русскому «что ты, с неба упал что ли?»).

Взаимоотношения абазин и абхазцев. Оценивая в этой связи вообще степень интенсивности и частоты культурных взаимоотношений закавказских абхазцев и абазин, приходится отметить, не взирая на только что приведенное абхазское выражение, свидетельствующее о крайней неопределенности представления, связываемого абхазцами со словом Тапанта, что абхазцы в общем всегда лучше знали абазин, чем абазины абхазцев, и чаще бывали на Северном Кавказе. Объяснялось это в дореволюционное время тем, что многих абхазцев к абазинам влекла экономическая заинтересованность. Существовали целые группы абхазцев, систематически, из года в год посещавших абазинские аулы, знакомившихся с их жизнью и бытом попутно, при совершении своих торговых операций по закупке скота и кубанского хлеба.

Такая почти полная оторванность абазин от Абхазии служит достаточно хорошим объяснением тех особенностей абазинского языка, которые дают основание, как мы увидим ниже, противопоставлять абазинские наречия и говоры в качестве самостоятельного языка всей остальной массе абазинских наречий, с которыми они в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было гораздо легче достижимо, чем в настоящее время.

Историческое прошлое абазин. Восстановить в деталях историю абазинского народа за время, протекшее от его обособления от остальной массы абхазских племен до момента расселения по существующим в настоящее время аулам, нелегко. Весьма характерным признаком малоблагоприятных в прошлом условий существования абазинского народа, в частности по отношению к возможности развития своей самобытной культуры, служит, наряду с некоторыми другими моментами, и то, что абазины почти лишены сколько-нибудь оригинального фольклора, обнаруженные до настоящего момента образцы абазинского песнетворчества не превышают двух-трех, притом фрагментарно сохранившихся, номеров.

Скудость и противоречивость наших источников, где главное внимание уделено не абазинам, а экономически, политически и культурно господствовавшим над ними кабардинским феодалам, в сочетании

с чрезвычайной подвижностью кабардинского и абазинского населения (в связи с полукочевым-полуседлым характером его хозяйственного быта), испытавшего к тому же все превратности судьбы, вроде частых насильственных массовых переселений, в зависимости от случайного оборота во взаимоотношениях вечно враждовавших между собой и с соседями владельцев, лишает нас возможности восстановить во всех подробностях судьбу отдельных частей абазинского народа, на которые он распадался до самого последнего времени. Между тем восстановление этой судьбы могло бы, вероятно, во многом разъяснить некоторые подробности диалектического дробления абазинского языка на говоры, наблюдаемые нами в настоящее время.

Отдельные части абазинского народа носили названия по именам своих владельцев: *Дарыкъва, Лау, Джьантаймыр, Быйбард, Къаче, Кълыч*.

Родовой состав абазинских селений. Однородным по родовому составу своему не является, конечно, в настоящее время ни один из существующих населенных пунктов. Интересные данные, позволяющие в известной мере судить о чрезвычайной пестроте состава и смешанности всех ветвей абазинского народа между собой и с иноплеменниками, собрал в 1883 г. Е. Д. Фелицин. Эти данные были в свое время опубликованы в «Сборнике сведений о Кавказе», изданном Кавказским статистическим комитетом в Тифлисе¹.

В указанном году племенной состав населения девяти из вышеперечисленных аулов (остальные возникли лишь в следующие за Великой Октябрьской социалистической революцией годы) представлялся в следующем виде: 1) Псыж (Дударуковский) — Тапанта-Даруко (1312 жит.); 2) Кубина (Лоовско-Кубанский) — Тапанта Басхяг (1000 жит.); 3) Красно-восточный (Кумско-Лоовский) — Тапанта Басхяг (1089 жит.), Тапанта Кяч (15 жит.), Тапанта Клыч (5 жит.), Бракий (4 жит.), представители разных черкесских племен (34 жит.), представители тюркских народов (30 жит.), 4) Инджик-Чкун (Лоовско-Зеленчукский) — Тапанта Лоу (540 жит.), Тапанта Бибсрд (7 жит.), Тапанта Даруко (10 жит.), Мыссылпара Башильбай (74 жит.), Бракий (12 жит.), Шегерай (11 жит.), Там (13 жит.), Кизилбек (10 жит.), представители разных черкесских племен (60 жит.); 5) Эльбурган (Бибсрдовский) — Тапанта Басхяг (735 жит.), Мыссылпара Башильбай (19 жит.), Кизилбек (11 жит.), представители разных черкесских племен (119 жит.); 6) Псавуча Даха (Клычевский) — Тапанта Клыч (86 жит.), Тапанта Лоу (97 жит.), Тапанта Джантемир (45 жит.), Тапанта Басхяг (37 жит.), Тапанта Бибсрд (9 жит.), Мыссылпара Башильбай (59 жит.), Кизилбек (6 жит.), кабардинцы (254 жит.), прочие черкесы (79 жит.), турки (6 жит.); 7) Абазакыт (Егибоковский) — Тапанта Кяч (30 жит.), Тапанта Басхяг (8 жит.), Мыссылпара Башильбай (45 жит.), Медозюй (7 жит.), Шегерай (5 жит.), представители различных черкесских пле-

¹ «Сборник сведений о Кавказе», т. IX. Тифлис, 1885, стр. 51—99.

мен (45 жит.), крымские татары (26 жит.); 8) Апсуа (Шахгиреевский) — Шегерай (530 жит.), Кизилбек (154 жит.), Бракий (44 жит.), Баг (11 жит.), кабардинцы (3 жит.); 9) Кувинский — Там (416 жит.), Кизилбек (231 жит.), Медозой (391 жит.), Бракий (7 жит.), Шегерай (79 жит.), Мыссылпара Башильбай (53 жит.), Тапанта Басхяг (17 жит.), Тапанта Клым (14 жит.). Приведенные данные требуют разъяснения в части племенных терминов: Тапанта Басхяг по недоразумению противопоставляются другим подразделениям Тапанта (для Эльбургана это по преимуществу Тапанта Биберд, для Кубины — Тапанта Лоу, для Красно-восточного — Тапанта Лоу); прочие названия (Мыссылпара Башильбай, Бракий, Там и т. д.) означают различные подразделения ныне более не существующих северокавказских абхазских племен.

Следует отметить, что данные Е. Д. Фелицина в известной мере имели значение для существующей группировки селений по говорам.

Большое количество абазин и северных абхазцев рассеялось по разным черкесским, ногойским и другим аулам. Тапанта были представлены мелкими группами, по сведениям Фелицина, в тогдашних селениях Блечепсин, Кошехабль, Ходзь, Бжедуг Хабль, Уляб, Абата Хабль (Эрсаковский), Тхазартукай, Хатавжукай, Кассай Хабль, Хагундукай, Тохтамышевском, Балтинском, Баташевском, Тебердинском, Докшуковском, Мансуровском, Хумаринском, Маринском, Джегутинском, Карт Джюрте, Шабазовском, Уруском. Шкарава — в Уляб (где они составляли 775 жит. из общего числа 1648; остальные жит. в большинстве черкесы, главным образом бесленевского племени), Блечепсин, Ходз, Пшиж Хабль, Унароко Хабль, Хакурино Хабль, Кош Хабль, Хатавжукай, Абата Хабль, Хагундукай, Ашхошехуаж, Тхазартукай, Кассай Хабль, Кургокай, Джегутинском, Тебердинском, Маринском, Уруском, Тохтамышевском, Докшуковском.

Всего в Кубанской области абазин-тапанта насчитывалось 5872 чел., абазин-шкарава — 3878 чел. Населенные преимущественно тапантинцами и шкараванцами аулы дали за время с 1871 по 1884 г. весьма значительный процент выселенцев в Турцию (всего из девяти названных селений ушло за это время около 2 тысяч жит. из общего числа на всю Кубанскую область около 135 тысяч).

История существующих селений. Каждый из существующих абазинских аулов имеет свою историю, сохраняемую в устных источниках. Большинство из них существует на том месте, где мы их видим сейчас, со времени окончания так называемой Кавказской войны, т. е. все они не древнее 60-х годов прошлого столетия (за единственным исключением селений Псыж, Дударуковского, существующего на нынешнем месте, по преданию, с конца XVIII в., 1782 г.; все остальные хорошо помнят обстоятельства своего поселения на том месте, где они ныне существуют). Предание гласит, что Красно-восточный (Кумско-Лоовский) аул находится там, где он сейчас, с 1861 г., до этого он находился ниже по течению Кумы, в районе станицы Бекешевской; Кубина (Кубано-Лоовский) существует с 1862 г., до этого он был на

месте селения Джегутинского; Инджикчун (Зеленчукско-Лоовский) существует с 1861 г., до этого был расположен на реке *Уыжкыд* (русс. назв. Учкурка, приток Кубани с правой стороны выше Джигуты); Эльбурган (Бибердовский) до 1865 г. был расположен на Кубани, в местности *Джъанатацъ*, где ныне селение Ново-Георгиевское, и т. д. Из зеленчукских селений Апсуа существует там, где оно находится сейчас, также с 1861 г.; до этого оно было в разных местах (на реке Ходзь и др.); Кувинское на нынешнем месте с 1867 г., до этого в течение трех лет — на Урупе (около станицы Передовой) и т. д.

Классификация языков и наречий «абаза». Как уже сказано выше, многовековая обособленность абазин от остальной части абхазцев служит главным основанием обособленному, самостоятельному положению абазинского языка *Тапанта бызигъ* или *Абаза бызигъ* среди других наречий абхазского языка. Классифицируя все разновидности абазинского языка (в первоначальном смысле термина «абаза», о котором сказано выше), как они существуют на территории СССР, мы можем представить группировку языков и наречий народов Абаза в следующей схеме:

I. Абазинский язык *Тапанта* распадается на говоры:

1) Дударуновско-Бибердовский (сюда же Клыч и, повидимому, Абазахабль);

2) Лоовско-Кубанский и Зеленчукский (сюда же Каранаго);

3) Кумско-Лоовский (сюда же Койдан);

сюда же относится, повидимому,

4) Егибоковский (смешанный тапанта-шкараванский) говор.

II. Абазинский язык *Шкарава* (зеленчукское наречие абазинского языка) представлен говорами расположенных на Большом Зеленчуке селений Апсуа, Кувинского и отчасти Абазакыт (говор Егибоковский. Шкарава стоит на грани между наречиями абхазского языка и языком абазинским Тапанта и служит, таким образом, связующим звеном между крайними представителями группы языков Абаза.

III. Абхазский язык распадается на два основных наречия:

1) Кодорское (или «южно-абхазское» наречие)¹, в его разновидностях — говорах Абжуйском и Самурзаканском (различаются незначительными особенностями произношения и главным образом по словарному запасу).

На этом наречии с конца прошлого века начал развиваться абхазский литературный язык, получивший благоприятные условия для своего существования лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Распространено в абхазских селениях к югу от нижнего течения реки Кодор, впадающей в Черное море;

2) Бзыбское (или «североабхазское» наречие) распространено в абхазских селениях к югу от нижнего течения реки Бзыб, также впадающей в Черное море.

¹ То же самое абжуйское наречие. (Ред.).

Примеры звуковых и морфологических соответствий. Предлагаемая схема обосновывается следующим рядом звуковых и морфологических соответствий. Приводим по одному примеру каждого соответствия:

1) абаз. дудар. *уычIвə* (шипящий аффрикат *чIв*), лоовск. *уычIвə* (свистящий аффрикат *чIв*), кумск. *уышIа*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *уытIва* «садись» (кувинск. *уытIə*);

2) абаз. дудар. *(а)чвə* (шипящий аффрикат *чв*), лоовск. *(а)чвə* (свистящий аффрикат *чв*), кумск. *атиə*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *атвə* «сено» (кувинск. *атə*);

3) абаз. дудар. *джвны* (шипящий аффрикат *джв*), лоовск. *джвны* (свистящий аффрикат *джв*), кумск. *джны*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *адвны* «в поле, снаружи». (кувинск. *аднə*);

4) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дыган* (*дəган*); абх., кодорск. бзыбск., абаз. зеленч. *дыкган* «он был»;

5) абаз. дудар., лоовск., кумск. *адзара*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *əвара* «реберная часть»;

6) абаз. дудар., лоовск., кумск. *(а)цIə*; абх. кодорск., бзыбск. *апIə* (*авə*) (sic! Ред.), абаз. зеленч. *(а)фIə* «тонкий»;

7) абаз. дудар., лоовск., кумск. *цба*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *фба* «шесть»;

8) абаз. дудар., лоовск., кумск. *шыəкIва*; абх., кодорск., бзыбск. *акьəкьва*, абаз. зеленч. *шыəкIва* (палатализованное *ш*) «жеребец»;

9) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ашьвəйтIра*¹; абх., кодорск., бзыбск. *əкьвəйтIра*; абаз. зеленч. *ашьвəйтIра* «свобода»;

10) абаз. дудар., лоовск., кумск. *агIəйIра*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *əйIра* «приходить»;

11) абаз. дудар., лоовск., кумск. *хIыла*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *хIəла* «наш глаз»;

12) абаз. дудар., лоовск., кумск. *йысымаб*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *йысымаупI* «я имею»;

13) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцəд*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *дцəйтI* (кувинск. *дцə(ə)тI*) «он пошел»;

14) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцыйд*; абх., кодорск. *дцүэйтI* (*дцүойтI*, *дцойтI*), бзыбск. *дцəвəйтI* (*дцəвəйтI* и т. д.), абаз. зеленч. *дцүйтI*, кувинск. *дцə(тI)*, *дцəвəй(тI)* «он идет»;

15) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дгьыгəм* (*дгьəгəм*); абх., кодорск., бзыбск. *дыгəм*, абаз. зеленч. *дгьыгəм* «его нет»;

16) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцəта* (*дцəцта*) *йыбəд*; абх. кодорск., бзыбск. *дцаны* *йыбайтI*, абаз., зеленч. (*дцəцта*) *дцаны* (*йыбай(тI)*) «он, пойдя, увидел»;

17) абаз. дудар., лоовск., кумск. *(а)хə*; абх., кодорск. *ахы*, бзыбск. *ахы* (фарингальное *х*), абаз. зеленч. *(а)хə* «голова»;

¹ Автор через *шы* передает заимствованный из кабардинского языка в абазинской речи лабиализованный спирант *ху* (Ред.).

18) абаз. дудар. *ажв* (твердый или мягкий шипящий спира́нт *жв*), лоовск. *ажв* (свистящий спира́нт *жв*), кумск. *аж*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ажв* (твердый шипящий спира́нт *жв*) «старый»;

19) абаз. дудар. *ажв* (твердый или мягкий шипящий спира́нт *жв*), лоовск. *ажв* (мягкий шипящий спира́нт *жв*), кумск. *аж*; абх. кодорск. *ажв* (твердый шипящий спира́нт *жв*), бзыбск., абаз. зеленч. *ажв* (мягкий шипящий спира́нт *жв*) «корова»;

20) абаз. дудар. *шварà* (твердый или мягкий шипящий спира́нт *шв*), лоовск. *шварà* (свистящий спира́нт *шв*), кумск. *шарà*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *шварà* (твердый шипящий спира́нт *шв*) «бояться»;

21) абаз. дудар. *шварà* (твердый или мягкий шипящий спира́нт *шв*), лоовск. *шварà* (мягкий шипящий спира́нт *шв*), кумск. *шарà*; абх. кодорск. *шварà* (твердый шипящий спира́нт *шв*), бзыбск., абаз. зеленч. *шварà* (мягкий шипящий спира́нт *шв*) «вы»;

22) абаз. дудар., лоовск. *аджвə* (заджвə) (шипящий аффри́кат *джв*), кумск. *аджə*; абх. кодорск. бзыбск., абаз. зеленч. *аджвə* (свистящий или шипящий аффри́кат *джв*) «один»;

23) абаз. дудар., лоовск. *ачв* (шипящий аффри́кат *чв*), кумск. *ати*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ачв* (свистящий или шипящий аффри́кат *чв*) «бык»;

24) абаз. дудар., лоовск. *ачIə̀* (шипящий аффри́кат *чIə̀*), кумск. *ашIə̀*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ачIə̀* (свистящий или шипящий аффри́кат *чIə̀*) «яблоко»;

25) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ацарà* (свистящий аффри́кат *ц*); абх. кодорск. *ацарà* (свистящий аффри́кат *ц*), бзыбск. *ацарà* (шипящий аффри́кат *ц*), абаз. зеленч. *ацарà* (свистящий аффри́кат *ц*) «идти»;

26) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ə̀дзын* (свистящий аффри́кат *дз*); абх. кодорск. *ə̀дзын* (свистящий аффри́кат *дз*), бзыбск. *ə̀дзын* (шипящий аффри́кат *дз*), абаз. зеленч. *ə̀дзын* (свистящий аффри́кат *дз*) «зима (абх.), осень (абаз.)»;

27) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ацIə̀бырг* (свистящий аффри́кат *цI*); абх. кодорск. *ацIə̀бырг* (свистящий аффри́кат *цI*), бзыбск. *ацIə̀бырг* (шипящий аффри́кат *цI*), абаз. зеленч. *ацIə̀бырг* (свистящий аффри́кат *цI*) «истинный»;

28) абаз. дудар., лоовск., кумск. *асə̀с* (свистящий спира́нт *с*); абх. кодорск. *асə̀с* (свистящий спира́нт *с*), бзыбск. *асə̀с* (шипящий спира́нт *с*), абаз. зеленч. *асə̀с* (свистящий спира́нт *с*) «ягненок»;

29) абаз. дудар., лоовск., кумск. *аз* (ə̀хгаз) (свистящий спира́нт *з*); абх. кодорск. *азə̀* (свистящий спира́нт *з*), бзыбск. *азə̀* (шипящий спира́нт *з*), абаз. зеленч. *азə̀* (свистящий спира́нт *з*) «для».

Различия в словаре. Иллюстрированное вышеприведенными примерами соотношение абазинского и абхазского языков в их главных паречиях имеет в виду, как нетрудно заметить, преимущественно звуковые (фонетические) особенности этих языков и наречий, лишь в меньшей степени особенности грамматические (морфологические), к последним относятся в той или иной мере примеры 3, 12, 16, 29; словарные

(лексические) расхождения игнорированы совершенно. Между тем, с точки зрения практических интересов взаимопонимания, наиболее важными по своим последствиям оказываются (как показывает опыт абазино-абхазских взаимоотношений) различия в словаре, понимая под ними не только и не столько разницу в словоупотреблении абсолютную (т. е. использование совсем различных слов, как, например, абаз. *арый зач'выйа?* «это что такое?» = абх. *арый зач'вй(за)й?*), сколько относительную (т. е. употребление одинаковых слов в разных, иногда весьма тонко различающихся смысловых оттенках, как, например, абаз. *ачапарә* «делать (всякую, преимущественно физическую, работу)» = абх. *ачапара* «мастерить, специально формовать, подковывать»; абаз. *аурә* «вызывать благоприятное действие, соглашаться» = абх. *аурә* «делать (вообще)» и т. п.). Однако, при всей чисто практической важности словарных различий, служить целям отчетливой научной классификации они не могут по той причине, что словарные особенности отличаются своей единичностью и в области словаря более чем в какой-либо другой заметна непрерывная постепенность перехода от тождества до прямой противоположности значения отдельных языковых фактов.

Различия в грамматике. Различия морфологического порядка отличаются несколько большим единообразием и потому легче поддаются систематизации. Тем не менее было бы ошибочно думать, что здесь не имеет также места несовпадение границ распространения одной грамматической особенности с границами какой-либо другой аналогичной особенности. Иначе говоря, наречия могут быть противопоставляемы друг другу не в отдельных чертах, а как совокупность известных черт, в разных пропорциях представленных в разных наречиях. В дальнейшем изложении мы увидим примеры весьма сложных грамматических взаимоотношений наречий: здесь можно привести для примера указанную выше форму глагола изъявительного наклонения законченного прошедшего времени, представляющую в абхазском два типа образования: 1) тип краткий, имеющий окончанием *-mI*, и 2) тип распространенный, имеющий окончанием *-йmI*; ср. примеры типа абаз. *дагай(x)ә* = абх. *дайтmI* (т. е. *дай + mI*) «он пришел» (здесь основа *аай*) сравнительно с примерами типа абаз. *даца(x)ә* = абх. *дацайтmI* (т. е. *даца + йmI*) «он ушел» (здесь основа *ца*).

Первый тип образования данной глагольной формы — общий для всех абазинских говоров наречия Тапанта и совпадает в абазинском со вторым: в абхазском и абазинском Шкарава мы имеем обе формы, точное распределение которых по наречиям не легко осуществить. Преимущественно в бзыбском наречии существуют такие формы на *-mI*, как *далагmI* «он начал», *далгmI* «он кончил» и т. п.; однако и в других наречиях, не исключая литературного абхазского языка, встречаем эти краткие формы для прошедшего законченного, и потому попытка классификации абхазских наречий по этому признаку не может быть вполне отчетливой.

В этом же смысле весьма характерен суффиксальный элемент *x*, представленный в приведенных примерах в скобки и наличный во всех наречиях (и абазинских и абхазских); установить точные границы распространения этих форм с полным сохранением их основного значения — значения вида повторительного — чрезвычайно трудно на материале абазинском, тогда как в абхазском соответствующие формы (в данном случае *дайхтI* или *дайхйтI* и *дцəх(ы)тI*) не вызывают никаких затруднений в этом отношении (для названных примеров значение соответственно: «он снова, вторично пришел» или «он снова, вторично ушел»).

Различия в фонетике. Таким образом, остаются различия фонетические, как отличающиеся наибольшей общностью и регулярностью, вследствие чего они по преимуществу и служат для целей классификации.

Не следует думать, что устанавливаемые на этой основе группировки только указываемыми здесь фонетическими признаками и отличаются друг от друга. Различия фонетические свидетельствуют прежде всего о различиях условий существования группы и ее языковой традиции вообще, со всеми вытекающими отсюда последствиями и для остальных элементов языка — грамматической структуры и словаря, и тем самым дают наиболее легкую возможность несколько ориентироваться в сложной картине, представляемой всей массой диалектических единиц в ее целом.

Общая характеристика взаимоотношений языков «абаза». Вышеприведенные примеры сводятся в основном к следующим общим формулам:

1) Абазинский язык (наречие Тапанта) утратил различие характерных губо-зубных вибрантов *де, те, тIе*, заменив их лабиализованными зубными аффрикатами типа *дже, че, чeI* (примеры 1, 2, 3).

2) Абазинский язык заменяет в корневых словах абхазские смычно-гортанные *кь* и *е* — посредством *з* и *дз* (примеры 4, 5).

3) Абазинский язык сохраняет в словах кабардино-черкесского происхождения звуки *шь* и *шьв*, заменяемые в абхазском посредством *кь* и *кв* (примеры 8, 9).

4) Абазинский язык сохраняет гортанный звук *гI*, тогда как абхазский его утратил; абазинский язык сохраняет также гортанный звук *хI* в сочетаниях с обоими гласными *ы* и *а* (примеры 10, 11), тогда как абхазский избегает сочетания *хI+ы*.

5) Абазинский язык заменяет в глагольных формах изъявительного наклонения абхазские смычногортанные *пI* и *тI* посредством *б* и *д* (примеры 12, 13, 14).

6) Абазинский язык имеет отличную от абхазского форму изъявительно-отрицательного наклонения (пример 15).

7) Абазинский язык утратил способ образования отглагольных форм наречного (модального) значения (деепричастий) посредством форманта *ны*, заменив его по аналогии отыменных наречий другим формантом — *цта* (пример 16).

8) Абазинский язык сохраняет различие двух мягконёбных (велярных) звуков, утраченное литературным наречием абхазского языка (пример 17).

9) Абазинский язык сохраняет (в части говоров) различие двух видов лабиализованных альвеолярных спирантов (типа *жв*, *шв*), утраченное литературным наречием абхазского языка (примеры 18, 19, 20, 21).

10) Абазинский язык замещает преобладающий в абхазских наречиях тип свистящих лабиализованных зубных аффрикат соответствующими шипящими (примеры 22, 23, 24).

11) Абазинский язык, так же как и большинство абхазских наречий, не знает различия зубных спирантов и аффрикат свистящих и шипящих (известных кабардино-черкесским языкам по противоположению *с ~ ш*, *з ~ жш*), имеющегося в бзыбском наречии абхазского языка (примеры 25, 26, 27, 28, 29).

12) Абазинский язык имеет существенно отличную от абхазской систему образования основных глагольных форм изъявительного наклонения.

Дальнейшие задачи развития абазинского литературного языка. Не останавливаясь далее на других многочисленных подробностях взаимоотношений языков и наречий Абаза (необходимо тут же заметить, что и внутри установленных выше группировок наблюдается дробление на более мелкие единицы; так, например, Дударуковский подговор отстает кое в чем от Бибердовского и Клычевского, Кувинский от Апсуа и Абазакыта и др.), так как приведенного достаточно для подтверждения предложенной классификации, и, отсылая в отношении некоторых дальнейших частных к следующим главам, нам следует сделать в заключение несколько практических выводов из установленных выше фактов.

В основу абазинского алфавита и письменности, существующей с 1933 г., положены звуковые нормы, характеризующие лишь один говор абазинского языка Тапанта, выше названный нами Дударуко-Бибердовским. Это обстоятельство ни в какой мере не должно и не может влиять на дальнейшее развитие абазинского литературного языка и школьного строительства. Принятый алфавит предопределяет лишь одну сторону дела — звуковую, так как выраженными на письме особыми начертаниями оказываются лишь те различия, которые известны в этом говоре абазинского языка; между тем практическая значимость звуковых различий, при условии их типичности (а этому условию фонетические взаимоотношения абазинских наречий и говоров отвечают вполне), обратно пропорциональна их теоретической важности для целей систематизации и классификации. Единоразы четко осознанные и усвоенные, нормы фонетических взаимоотношений наречий и говоров устраняют фактически, по повседневному опыту общения и путем сознательно автоматизированных подстановок недостающих звуков, всякие сколько-нибудь существенные затруднения во взаимопонимании. Несколько более сложными, в силу их меньшей определенности, оказываются расхождения формально грамматического порядка. В задачу правильно осуществле-

мого преподавания школьной грамматики родного языка входит в качестве ответственного раздела систематический учет важнейших особенностей этого рода в различных говорах и наречиях абазинского языка. Следует признать, что некоторые компромиссные начертания, практикуемые в настоящее время, как, например, замена тапантинских звонких *б* и *д* шкараванскими смычногортанными *пI* и *тI* в окончаниях глагольных форм (ср. приведенные выше примеры 12, 13, 14), будучи безвредными и в качестве таковых не вызывая возражений, не являются вместе с тем и сколько-нибудь существенным шагом в деле сближения соответствующих грамматических форм, каковое сближение достижимо, естественно, лишь постепенно на основе авторитетной и развитой литературной практики.

Наибольшие затруднения, согласно вышесказанному, представляют в данное время различия идиоматики и словаря. В рамках школьного обучения сколько-нибудь законченное усвоение этих различий не может быть достигнуто без ущерба для основной цели обучения родному языку, по крайней мере сейчас, когда отсутствует необходимая предпосылка такого обучения — подробный диалектологический словарь абазинского языка. Составление такого словаря и является первой и насущнейшей задачей научного изучения абазинского языка на ближайшие годы. Неотложным представляется сейчас лишь составление в самом ближайшем будущем небольшого параллельного тапантино-шкараванского словарика, который включал бы все важнейшие лексические расхождения этих двух диалектов и тем облегчил повседневную работу педагогов, переводчиков и авторов.

Глава II

ЗВУКИ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Звуки речи и звуки языка (фонемы). Всякий язык представляет собою нечто неизмеримо большее, чем то, что в нем можно только услышать; он представляет собою гармоническую систему слышимого (а следовательно, и произносимого) и понимаемого (соответственно и выражаемого). Звуки и их сочетания неотделимы от смысла, с ними связываемого, и потому правильный анализ и оценка звуков речи невозможны без полного понимания того, что она собою выражает.

Установить, сколькими и какими именно самостоятельными звуковыми единицами речи (т. е. влияющими на изменение значения типами звуков, называемыми обычно в лингвистической литературе фонемами) обладает абазинский язык (принимая этот термин здесь, и по мере надобности в дальнейшем изложении, в широком смысле, как собственно наречия абазинского языка Тапанта, так и ближайшего к нему зеленчукского наречия Шкарава), возможно только путем сопоставления отдельных сходных слов и форм слов, с постоянным учетом тех изменений значения (реального или формального), которые сопутствуют малейшему изменению произношения. Это необходимо иметь в виду в особенности и потому, что сами говорящие на абазинском языке (как, разумеется, и говорящие на любом другом языке) могут случайно, по тем или иным причинам, обратить внимание на мелочи и различать несущественные (не влияющие на изменение смысла речи, а потому лишённые фонематического значения) оттенки произношения тех или иных звуков своего языка.

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОЙ (ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ) СИСТЕМЫ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Ограниченное количество гласных звуков. Для того чтобы рассматривать звуковой состав абазинского языка под углом зрения возможного недоразличения значимых в языке звуков-фонем, охарактеризуем предварительно основные особенности звуковой системы

абазинского языка в отличие от большинства других языков. Первой особенностью абазинской системы звуков, заслуживающей того, чтобы ее отметить, служит исключительная ограниченность количества гласных звуковых оттенков, используемых для целей реально и формально смыслового различения звукосочетаний. Противоположение такого рода, как, например, *сыжвий* ~ *сыжвй* «год», *ауџа* «так» ~ *ауџс* «дело», *џгас* «гость» ~ *асџс* «ягненок», *ракI* «орех» ~ *рыкI* «войско», *анџйра* «(при)ходить туда» ~ *анџйра* «случаться»; *асџ* «било» (ткацкое) ~ *асџ* «ткань», является, по существу, единственным возможным типом противоположения. В силу особенностей способов слогообразования в абазинском языке, о котором см. далее, этот же тип представлен замаскированно и в таких примерах, как: *џлагара* «начинать» ~ *џлгара* «кончать», *џмза* «свеча» ~ *амз* «месяц», *џбза* «живой» ~ *абз* «язык», *апиџ* «ветер» ~ *апи* «подобный тому», *адзара* «воровать» ~ *адзџра* «теряться», *ахџра* «стынуть» ~ *ахџра* «рожать» и т. п.

Таким образом, абазинский язык обладает всего-навсего двумя, а если учесть некоторые особенности гласного *ы*, позволяющие считать его факультативным гласным субститутотом сонантической (слоγοобразующей) разновидности согласных, то быть может и одной гласной фонемой. В практике абазинской письменности, под влиянием плохо дифференцированного произносительно-акустического эффекта, производимого известными звукосочетаниями, применяются, правда, начертания *э(е)* и *о*, *и* и *у*, служащие, как известно, для изображения гласных звуков. Но как эта практика, так и факт действительного существования в речи подобных звуков не могут повлиять на наше суждение о количестве самостоятельных гласных фонем абазинской языковой системы.

Дело в том, что оба ряда примеров, в которых мы встречаем гласные иные, чем признанные нами за фонемы *а* и *ы*, относятся к категории различений, неспособных, иначе как случайно, создавать различия смысловые, и потому должны быть признаны не самостоятельными, а вторичными звукообразованиями, лишенными фонематического значения. Если мы имеем в русском языке: «лань» (животное), «лунь» (рыба), «лунь» (птица), или «бал» — «бил» — «бел», или, наконец, «мал» — «мосл» — «мел» — «мил» — «мул» — «мыл», то фонематическая роль такого рода противопоставлений гласных оттенков очевидна. Однако чего-либо подобного этим русским примерам абазинский язык не знает. Очевидно, что по мере обогащения абазинского языка терминами различного (интернационального или русского) происхождения, произносимыми с соблюдением подобных гласных оттенков, наступит момент, когда абазинский язык обогатится дополнительными гласными фонемами, в коренных абазинских словах не выражаемыми. По наблюдениям, производившимся нами над словарем заимствуемых терминов, такой момент пока еще в полной мере не наступил, и потому нам приходится оценивать те предположительно допустимые единичные случаи, когда возможна фонематическая роль каких-либо гласных, кроме *а* и *ы*, как

пограничные случаи между новой фонемой и комбинаторным вариантом одной из двух существующих гласных. Многочисленные факты словаря свидетельствуют о том сопротивлении, которое оказывалось до недавнего времени абазинской языковой системой всяким новообразованиям в этом направлении (ср. такие примеры, как *асталба* из русск. «столб»; *ткван* «лавка» из тур. *дукан*; *дыундй* «мир, вселенная» из тур. *дунья* и т. п.).

Значительное количество согласных звуков. Второй особенностью, несомненно стоящей в связи с первой, оказывается чрезвычайное количественное богатство фонематических различий согласных. Легко видеть, как ограниченность выразительных средств языка в области гласных естественно толкала развитие его в сторону создания иных, заменяющих и уравнивающих этот недостаток средств, представляемых богатейшей системой согласных.

Мы видим поэтому, что по сравнению с русским и другими сходными с ним языками абазинский язык обладает склонностью к расширению типичных мест артикуляции (произношения) согласных, с одной стороны, вглубь полости рта, широкое использование для звукообразования как мягкого нёба, так и гортани (сюда относится до 16 фонем, а именно, такие звуки, как *кэ, кьэ, кэв, хэ, хьэ, х, хь, хэ, хь, гьэ, г, хI, хIэ, гI, гIэ*).

Мы имеем, с другой стороны, ряд различий типов шипящих спирантов и аффрикат, прежде всего мягкой и твердой разновидностей, локализуемых в области переднего твердого нёба шипящих спирантов во всех говорах и диалектах (сюда относится противопоставление *и* — *иш, жь* — *жс*), затем свистящих и шипящих лабиализованных спирантов той же примерно локализации (в ряде говоров и диалектов противопоставление двух видов *жэ* и *ше*), наконец, свистящих и шипящих лабиализованных аффрикатов (в некоторых говорах различие двух *чIэ*, двух *джэ* и двух *че*).

Даже сам по себе, независимо от диалектических детальных различий, ряд лабиализованных спирантов и аффрикат (*жэ, ше, джэ, чIэ, че*) является весьма редким типом фонеморазличения и может считаться весьма характерной и своеобразной особенностью абазинского языка, имеющей на Кавказе аналогии только в абхазском, черкесском, убыхском и, отчасти, табасаранском языках.

В некоторой связи с различием двух типов лабиализованных спирантов стоит еще одна интересная деталь звуковой системы абазинского языка — различие (вероятно вторичного происхождения) двух заметно противопоставленных типов лабиализации — нормальной, округло-выступающей, и редкой, продолговато-оттянутой (см. ниже). В говорах, не различающих двух названных видов спирантов, хотя и менее отчетливо, но все же наблюдаются два типа лабиализации (лабиализационный тип спирантов и передненебных аффрикат отличается от соответствующего типа смычных и спирантов более глубокой локализацией).

Той же цели обогащения консонантического (т. е. касающегося согласных) состава языка призвана служить гортань не только сама по себе, как основное место артикуляции, но и в роли орудия создания дополнительных условий звукообразования. Наряду с имеющимися повсеместно рядами глухих (образующихся при помощи свободно открытой голосовой щели) и звонких (характеризуемых участием в образовании звука голосовых связок) абазинский знает, по примеру огромного большинства яфетических языков Кавказа¹, ряд так называемых смычногортанных, акустически и артикуляционно занимающих промежуточное положение между глухими и звонкими (сюда относятся целый ряд звуков: *цI, фI, чI, кI, кIь, кIе, гI, пI, кэ, кэь, кэв, тI, чIе, шI*).

Абазинский диалект шкарава использует в ряду своих фонем еще один тип звукообразования, совершенно исключительный не только с точки зрения таких языков, как русский, но и в кругу фонетически богатых языков Кавказа. Это зубо-губные аффрикаты *де, тIе, те*. Крайнее своеобразие этого типа звуков повлекло за собою их утрату всеми абазинскими говорами наречия Ташанта.

Мы сталкиваемся, далее, с редким примером исключительно последовательно проведенной через длинный ряд более глубоких по месту своей артикуляции звукообразований системой смыслового противопоставления трех видов звуков: простого, палатализованного (смягченного) и лабиализованного (огубленного); сюда относятся: *г, гь, гв; кI, кIь, кIе; к, кь, ке; кэ, кэь, кэв; гэ, гэь, гэв; х, хь, хе; хэ (хэь, гIь, хIь* отсутствуют, см. об этом ниже), *хэ; гI, гIе; хI, хIе*. Помимо своей последовательности, эта особенность абазинского языка заслуживает внимания еще и потому, что данное явление палатализации, сущность которого сводится к осложнению основной артикуляции поднятием передней части спинки языка по направлению к твердому нёбу с прижиманием краев языка к коренным зубам, при пассивном положении кончика языка, в качестве дополнительного момента, осложняющему основную артикуляцию весьма отчетливым в акустическом отношении образом, распространяясь на глубокие, локализованные у мягкого нёба типы звукообразования, представляет собою большую редкость и трудность для иноязычно воспитанных лиц. Трудность заключается главным образом в том, что при необходимости, в интересах основной артикуляции, оттягивать язык назад нелегко сохранить в передней части языка достаточную для создания четкого, различительного акустического эффекта интенсивность палатализационного положения. Это оказывается достижимым, тем не менее, в отношении звуков *кэь, хэ, гэь*. Отсутствие *хэь* вызвано, возможно, случайностью. Что же касается типов *гI* и *хI*, то артикуляционно акустическое различие вариантов палатализованного и непалатализованного имеет здесь

¹ Для иберийско-кавказских языков у автора наряду с термином «яфетические языки Кавказа» встречается также «кавказские языки». (Ред.).

место вне границ фонеморазличения, а не внутри какого-либо одного говора, а именно — абазинским непалатализованным *gIe* и *xIe* противостоят заметно палатализованные абхазские *gIe* и *xIe*.

К числу особенностей абазинской звуковой системы следует отнести также частоту появления, в большинстве случаев в сочетании отдельных морфем (т. е. самостоятельно значимых частей слов) — долгих, «геминированных» согласных. Из числа этих согласных некоторые имеют самостоятельную фонематическую значимость (сюда относятся главным образом свистящие и шипящие спиранты и аффрикаты, а именно: *сс*, *шш*, *щщ*, *шшш*, *хх*, *гггг*, *ххх*, *ггггг*, *ххх*, *ггггг*, *ттитт*, *джджж*, *чIeчIe* и др.). Сущность этой долготы сводится у длительных к примерно двойной, сравнительно с нормальной, продолжительности звука, у мгновенных (и аффрикат) — к соответствующей длительности затвора.

Факультативно при мгновенных и аффрикатах наблюдается явление настоящей геминации, когда полное образование звука (со взрывом) производится дважды (ср. *джджггггг* ~ *джж(ы)джггггг* «прачечная», *ачыкIeкIeра* ~ *ачыкIe(ы)кIeра* «выдергивать» и т. п.).

Кабардинское влияние на абазинскую фонетику. Сложная сама по себе звуковая система абазинского языка оказалась осложненной еще более в результате сильного языкового влияния, испытанного абазинами со стороны кабардинцев и бесленеевцев. В результате этого влияния получилось, во-первых, заметное увеличение количества латеральных звуков — фонем абазинского языка — с одного до четырех (*л*, *ль*, *тл*, *лI*, из них последний — относительно редкий звук и в кабардинском), во-вторых, осложнение числа спирантов среднеязычными *шь* и *шьь* (артикуляционно представленных в различных наречиях в двух разновидностях — пассивно палатальной и активно палатализованной, ср. типы немецкого *ach* и *ich* Laut'ов), в-третьих, введение в число фонем смычногортанного *фI* (редкий звук, в зеленчукском наречии существовавший, повидимому, независимо от кабардинского влияния) и, наконец, частое факультативное пользование простым и смычно-гортанным свистяще-шипящим альвеолярными спирантами (кабардинские *ц* и *жъ*, из них последний нередко заменяет в произношении «кабардинизированных» абазин абазинскую фонему того же начертания).

АБАЗИНСКИЙ АЛФАВИТ

Абазинский алфавит в том виде, как он применяется с середины 1938 г., после реформы созданного в 1933 г. первого абазинского алфавита на латинской основе, содержит 32 буквы русского алфавита и один дополнительный знак *I*, а именно: *Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ьь, Ыы, Ээ, Юю, Яя, I*.

Фонетическое значение этих букв, как увидим далее, практически почти совпадает со значением их в русском алфавите, за исключением, быть может, *у*, *х*, *ц*, *ъ*, имеющих значение: *у* — губо-губного сонор-

ного согласного, *х* — задне-небного хрипящего глухого спиранта, *ц* — передне-небного мягкого глухого спиранта и *ъ* — гортанного взрывного. Буквы *е, и, о, э, ю* и *я* ограничены в употреблении словами, усвоенными абазинской письменностью из других языков. Наблюдаемое в учебной литературе применение этих букв в коренных абазинских словах отражает недостаточно отчетливое или прямо ошибочное понимание фонетической системы языка. Так как 33 знаков недостаточно для передачи всех самостоятельных (фонемичных) звуков абазинского языка, использование знаков производится по двум принципам: 1) принципу однобуквенности, 2) принципу сочетания двух (трех) букв для выражения специфических звуков абазинского языка. В сочетании с дополнительным знаком *I* употребляется 10 букв: *п, т, к, ц, ч, ш, ф, л, г* и *х* для выражения смычногортанных звуков — *пI, тI, кI, цI, чI, шI, фI, лI* и эпиглоттальных *гI* и *хI*.

В сочетании с не имеющим самостоятельного значения мягким знаком *ь* употребляется 5 букв: *л, ж, х, г, к* для выражения палатализованных звуков *лъ, жъ, хъ, гъ, къ*, а также 3 парных сочетания букв: *кI, гъ, къ* для выражения палатализованных звуков *кIъ, гъъ* и *къъ*.

В сочетании с имеющим самостоятельное значение твердым знаком (*ъ*) употребляются 3 буквы: *г, к, х* для выражения задне-небных звуков *гъ, къ* и *хъ*.

В сочетании с имеющей самостоятельное значение губного звонкого спиранта буквой «в» употребляется 6 букв: *ж, ш, х, г, к, ч* для выражения лабиализованных звуков *жв, шв, хв, гв, кв* и *чв*, а также 8 парных сочетаний букв: *гъ, къ, хъ, гI, хI, кI, чI* и *дж* для выражения лабиализованных звуков *гъв, къв, хъв, гIв, хIв, кIв, чIв* и *джв*.

Парные сочетания: *дж, дз, тш, тл* выражают единые абазинские звуки — самостоятельные фонемы: первые три — аффрикаты и последний — глухой латеральный спирант.

В дополнение к принятым в учебной литературе по абазинскому языку буквосочетаниям, в тексте настоящего очерка применяются следующие: *шь* — в значении средне-небного глухого спиранта (выражается в учебной литературе сочетанием *х* с последующим гласным *я*), *шьв* — в значении лабиализованной разновидности *шь* (в учебной литературе не отличается от соответствующего задне-небного, выраженного *хв*) и *джь* — в значении передне-небного звонкого мягкого аффриката (выражается в учебной литературе так же, как и соответствующий твердый аффрикат, сочетанием *дж*).

Гласные фонемы абазинского языка

Отличие гласных от согласных. Гласными звуками называются вообще такие звуки, главное отличие которых от согласных состоит в относительной открытости полости рта при произнесении этих звуков; никакой иной принципиальной разницы сравнительно с согласными в них, по существу, не имеется. Благодаря отсутствию каких-либо препятствий, стесняющих идущую из легких струю воздуха, глас-

ные имеют чистый тон (отсутствующий в согласных вследствие того шума, который образуют преграды, созданные во рту для произнесения согласных). На гласных лежит основная роль в образовании того комплекса звуков, который называется слогом; при всяком сочетании гласного с согласным максимум звучности приходится, естественно, на гласный. Однако в абазинском языке, как увидим далее, в силу особого характера гласного *ы* наблюдаются случаи перемещения максимума звучности (а также и главной силы выдоха) с гласного на сочетющийся с ним согласный, и в этом случае гласный уступает свою слогаобразующую роль согласному, устранившись или совершенно (при длительных сонорных, спирантах и аффрикатах) или сокращаясь до едва заметной на слух короткости и неотчетливости (при мгновенных согласных). Основных, имеющих полное фонематическое значение гласных в абазинском языке, как указано было выше, имеется всего два — *а* и *ы*, оба кратких.

Гласный *а*. Гласный *а* произносится в наиболее открытом из встречающихся положений рта (в абазинском произношении). От русского звука «а» он отличается нормально несколько более передним положением языка и более отчетливо выраженной краткостью. С этой точки зрения интересно отметить, что в словах, заимствованных из кабардинского языка, содержащих краткое *э* (произносимое очень открыто, почти как *ä*), абазинцы не видят разницы со своим *а* и передают его этим звуком (например: *хIäблэ* «квартал, аул», *уарäд* «песня», *тIäпäд* «чулок», *тIäпкга* «корень», *шIыуна* «погреб» и т. п.). Ударение не оказывает, в силу принципиальной краткости фонемы *а*, заметного влияния на качество этого гласного, так что он звучит совершенно одинаково и под ударением и при отсутствии такового.

Тем не менее имеются, повидимому, следы существовавшего некогда влияния ударения, в смысле сильного сокращения неударного *а*, которое повлекло за собою в ряде случаев полное исчезновение его. Сюда можно отнести такие случаи, как чередование: *агIäгга* «приносить», *анäгга* «относить» из **агIäггара*, **анäггара* (ср. *агарä* «нести»); *агыIра* «вставать» из **агыIаара* (ср. *дгыIлаб* «стоит»), *ййхIед* «он сказал ему» = *ййхIвад*; *ахIыста* «нож» = *äхIваста*; *ашевыр* «плод» из *ашевыра* (ср. *ашврä* «зреть»); *хIампIäджь* «ступка» из *хIампIäдджь* (ср. *хIампIäl* «род кушанья»); *мцара* ~ *мцра* формант деепричастия (= в то время, как); *йäкI-ваб* — *йäкIеыб* «имеется»; ср. еще *напсаргвыцIа* — *напсыргвыцIа* «ладонь».

Иногда чередование вызвано очевидно причинами другого порядка, как, например, в случаях типа *дыган* ~ *дäган* «он был», *ауыга* ~ *ауäга* «там» (где гласный под ударением, ср. абх. *уакга* «там», *дыкзан* «был»). Изменение здесь вызвано соседством согласного *г*, оказывающего в данном случае ту же деформирующую произношение гласного роль, что и *хI* (ср. ниже). Неясно соотношение гласных в таких примерах, как *ашевыр* «зверь» при *шварäцра* «ходить на охоту», *шварäх* «зверь», спец. «тур» и др. Примеры на *а*: *сарä* «я», *уарä* «ты», *дарä* «они», *алäга* «глупый», *äмза* «свеча, лампа», *агIäгга* «приносить», *ауäга* «там», *ачей*

«кожа, сено», *шварà* «вы», *хIарà* «мы». Мы видим, таким образом, что *a* может встречаться как в начале, так и в середине и в конце слова, независимо от места ударения.

Комбинаторные изменения гласного *a*. Весьма существенным комбинаторным, т. е. возникающим при звукосоочетании, изменением этого гласного служит постоянный переход его в *y* под влиянием следующих за ним согласных звуков *й* и *y*, когда *a* оказывается в морфологических или синтаксических сочетаниях в составе одного с ними слога.

Наиболее типичными примерами «морфологических» сочетаний этого рода могут служить следующие:

1) Сочетание глагольной основы, оканчивающейся на *a*, с окончанием настоящего времени изъявительного наклонения: *дцыйт* «идет» (от основы *ца* «идти»); *йызбыйд* «я вижу» (от основы *ба* «видеть»); *сйчыыйд* «я засыпаю» (от основы *чва* «спать»); *сцалыйд* «я постоянно хожу» (от основы *цала* «постоянно ходить»); *дыбзыйхыйд* «он становится хорошим» (основа *бзыйха* «становиться хорошим») и т. п.

2) Сочетание глагольной основы на *a* с окончаниями: прошедшего недавнего (незаконченного), будущего неопределенного изъявительного наклонения, соответствующих этим временам форм других наклонений; настоящего времени отрицательно-изъявительного, вопросительного и вопросительно-отрицательного наклонений: *дцун* «он шел», *дцунид* «он пойдет», *дыгъццунызд* «он не шел, не ходил», *дыгъццуным* «он не пойдет», *дцунзма* «шел ли он?», *дцунима* «пойдет ли он?» и т. д., далее, *дыгъццун* «он не идет», *дцунма* «идет ли он?», *дгъымццунма* «не идет ли он?» и т. д.

3) Сочетание именной или глагольной основы на *a* с окончанием отглагольных имен (причастий) настоящего времени: *йызмъу* «имеющий» (основа *ма* «иметь»); *хIыздзхачIейу* (*адзъ*) «река, на берегу которой мы живем» (основа *дзхачIа* «сидеть рядом»); *йыгълыу* «стоящий» (основа *гыла* «стоять»); *йытмъу* «находящийся внутри» (основа *та* «находиться внутри») и т. п.

4) Сочетание глагольных форм всех времен и наклонений, образуемых от глаголов сложно-составных (т. е. имеющих модифицирующие основное значение корня или формы глагола префиксы) с местоименными показателями имени действующего лица 2-го и 3-го лица ед. числа муж. рода, например, *йышпъучпыуш* «как ты сделаешь?», *йышпъйчпыуш* «как он сделает?» (основа *шпа+чпа* «как+делать»), ср. *йышпачпыуш* «как я сделаю?»; *йалыумцIан* «не вкладывай» (основа *ла+цIа* «вкладывать»).

Передко, однако, в формах последнего рода наблюдается сохранение *a*, вызванное, как приходится думать, интересами сохранения требуемого формой смысла, меняющегося при изменении гласного.

Мы имеем здесь, таким образом, пример исключения из действия определенного фонетического закона по мотивам семасиологического (смыслового) порядка. Ср. *тшыйзыйнайрхад* «он обратился к нему» (вместо ожидавшегося **тшыйзыйнайрхад*, что значило бы «он заставил себя

поработать в его пользу»; основа *тшы + на + рха* «обращаться в ту сторону»; *йыцIайхIвйд* «он запрягает» (вместо ожидавшегося **йыцIайхIвйд*, что значило бы примерно: «он вытащил что-то из-под чего-то»; основа *цIа + хIва* «запрягать») и т. п.

Наиболее типичными примерами «синтаксических» сочетаний этого рода могут служить:

1) Сочетание имени с последующим союзом *и*: *уарйй сарйй* «ты и я» (основы *уарй + й*, *сарй + й*); *уасйй джмйй* «овца и коза» (основы *уасй + й*, *джмй + й*); *анхачвйй аут ртгIачваквйй* «крестьяне и их семьи» (основы *анхачва + й*, *ртгIачвакв + й*) и т. п.

2) Сочетание имени определяющего муж. рода с именем определяемым, образующее нормально атрибутивное словосочетание — синтагму: *кйныйуарад* «песня о Кына» (муж. собств. имя) (основа *кына + й*); *кйныйпхIа* «дочь Кына»; *мусыйхыла* «шапка Мусы» (муж. собств. имя) (основа *муса + й*); ср. далее *йарыйхъхъаз* «он о себе самом» (основа *йара + й*); далее *хъа + ахъаз* и т. п.

3) Сочетание (стоящее на грани между сочетаниями морфологическими и синтаксическими) имени с различными глагольными суффиксами, как, например: *бригъдййпхъадза* «каждая бригада» (основа *бригада + ййпхъадза*); *ажвййпхъадза* «каждое слово» (основа *ажва + ййпхъадза*); *ауыйжътара* «после этого» (вероятно из **ауа + ййжътара*, ср. аналогичное образование от глагольной основы *ца* — *сцыйжътара* «с тех пор, как я пошел») и т. п.

Обусловленность перехода гласного *а* в гласный *ы* только положением перед звуками *и* и *у* одного с ним слога доказывается сопоставлением с некоторыми из вышеприведенных других, почти синонимических (однозначных) форм, как, например, *дцауан* «он шел» (ср. выше *дцун*); *дыгъцауамызд* «он не шел» (ср. выше *дыгъцыймызд*); *йызбайа* «что он увидел?»¹ (ср. выше *йызбийд*); далее, такие примеры, как *гвалыхра йймаб* «он разбирается, понимает» (ср. выше *бригъдййпхъадза*); *анылауыла* «там и сям» (ср. выше *йыммы*) и т. п.

Дифтонги *ей* и *оу*. Совершенно другая судьба постигает звук *а* в таких сочетаниях в пределах одного слога, с согласными *и* и *у*, которые восходят к эпохе формирования наличного в абазинском языке корнеслова, т. е. того запаса слов-корней, который является в значительной мере общим для абазинского и абхазского языков, а также в тех сочетаниях морфологического порядка, о которых сказано, как об исключении из правила, выше, в пункте четвертом. К категории старых абазино-абхазских слов-корней относятся, например: *цIаулай* «глубокий» (абх. *ацIауыла*), *квайчIвай* «черный» (абх. *айквачIва*²), *майрйа* «простой» (абх. *амарйа* «легкий»), *райша* «прямой» (абх. *айаша*, ср. *арйашара* «выпрямлять») и т. п., ко второй категории — *андйра* «идти туда», *дайрытхмид* «он его учит», *пша гIвнаурйсыума* «проветриваешь ли ты?» и т. п. Кроме того, здесь следует отметить группу глагольных

¹ Следовало: «что я увидел?» (Ред.).

² Следовало: *айквачIва*. (Ред.).

и именных основ, оканчивающихся на *ай* (в произношении слышится *ей*), как *ацIхэдайра* «разводить огонь», *агвэжэдайра* «падать духом», *тшырычI-вайра* «потягиваться», *цIай* «ребенок» и др.

В сочетаниях этого рода звук *а* частично уподобляется следующему за ним согласному звуку, переходя последовательно в *е* (перед *и*) или *о* (перед *у*), сливаясь с ними в дифтонгообразные долгие гласные *ей* и *оу*, утрачивающие иногда в беглом, недостаточно отчетливом произношении вторые элементы дифтонгов и превращающиеся таким образом в несколько более длительные, чем бывают обыкновенно гласные в абазинском языке, простые гласные звуки *е* и *о*. В результате создающегося в таких условиях акустического впечатления от этих звуков и отчасти не без влияния русских графических навыков (где *е* и *о* представляются обычными, вполне заурядными гласными фонемами), появляется в абазинской письменности тенденция писать попросту *цIолаь*, *кве(и)чIеа*, *мерэ*, *реша*, *нэма* (вм. *найма* «ходил ли?»¹), *дерэпхыд*, *гIенорысыума* и т. п. Такого рода орфографическая практика должна быть признана несостоятельной по двум причинам: 1) написание в этих случаях простых *е* и *о* затемняет иногда до чрезвычайности морфологический состав слова, к большому ущербу, в частности, для интересов школьного грамматического, а соответственно и смыслового анализа; 2) простые начертания *е* и *о* отражают заведомо недостаточно точно действительное произношение соответствующих звуков, при всяком произношении сохраняющих ненормальную долготу, а чаще и дифтонгообразный характер (*ей*, *оу*).

Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм. Дело осложняется еще одним привходящим обстоятельством, заслуживающим внимания. В результате проникновения в современную абазинскую речь и письменность весьма значительного количества иноязычных терминов — главным поставщиком таких слов служит, естественно, русский язык, — содержащих в себе целый ряд гласных звуков, чуждых звуковой системе абазинского языка, получается любопытное столкновение двух принципиально отличных систем вокализма: с одной стороны, чрезвычайно узкой, двугласной, системы абазинской, с другой же стороны, относительно развитой, шестигласной системы русской. Звуковые оттенки, представляемые обычными гласными звуками, акустически легко различаются и не дают особого повода к артикуляционным затруднениям для воспроизведения их лицами, сколько-нибудь развитыми в лингвистическом отношении.

Та естественная лингвистическая школа, которую с давних пор проходили абазины в силу почти обязательного для взрослого двуязычия (говорили на родном и кабардинском языках), а в отдельных случаях многоязычия (ногайский, адыгейско-черкесский, осетинский и другие языки), устраняла ту естественную неподатливость произносительных органов, которую они проявляют по отношению ко всем артикуляциям,

¹ Скорее: «пришел ли (туда)». (Ред.).

отсутствующим в родном языке говорящего. Это давнее влияние иноязычной школы сочеталось с тем, что комбинаторные варианты гласных фонем в самом абазинском языке, как мы видели, сами толкали в сторону осложнения слишком элементарной системы новыми звуками. В результате мы наблюдаем в настоящее время приближающийся к концу процесс создания гласных фонем *e* и *o* и, как увидим далее, также *и* и *у*. Тем не менее, осмысляя звуковую систему языка в ее доминирующих элементах, мы должны признать *e* и *o* звуками, находящимися в абазинском языке лишь на правах инородных, заимствуемых вместе с новыми словами, новых гласных фонем. Интересы сохранения за той частью новой терминологии, которая имеет интернациональное значение, по возможности той графической и звуковой формы, которую они имеют в том языке-источнике, откуда они заимствуются, приводят нас к допущению, чтобы все термины не абазинского происхождения, получающие сейчас права гражданства в новой письменности, писались через *e* и *o* там, где они пишутся в соответствующих языках. В отношении же абазинских слов и форм предпочтительна, как кажется, система сохранения дифтонгов *ай* и *ау* в их морфологических правах.

Большое количество примеров на *e* и *o* дают в особенности собственные имена, в частности такие собственные имена (мужчин) различного иноязычного (арабского, турецкого и т. п.) происхождения, как, например, Осман, Исмель, Джамбок, Бестлан и т. д.

Гласный *ы*. Гласный *ы* является по сравнению с гласным *а* более закрытым, что получается веледствие более высокого положения языка. Акустически наиболее близким к нему по впечатлению гласным русского языка служит *ы*, с той существенной разницей, что русское «*ы*» артикуляционно-акустически более определенный звук; вместе с тем русское *ы* более задний и более закрытый (по положению языка). Так же, как и у *а*, краткость *ы* и в положении под ударением выражена весьма отчетливо.

В отличие от *а*, безусловно самостоятельного звука абазинского языка, *ы* приходится считать стоящим на грани между самостоятельной фонемой и лишенным самостоятельного смыслового значения звуковым оттенком. Дело в том, что в абазинском языке, так же как и в абхазском и в кабардинском, наблюдается та интереснейшая особенность, что сочетание в слого какого-либо согласного с гласным *ы* фонематически, т. е. с точки зрения реального или формально-грамматического смысла сочетания, тождественно одному данному согласному, и потому не встречается ни одного примера, когда бы такое сочетание согласного с гласным *ы*, противопоставленное одному данному согласному, в каком-либо отношении влияло на изменение значения; мы оставляем, естественно, в стороне такие примеры, где дифференцирующую роль играет ударение, имеющее в абазинском языке функцию дополнительного средства осмысления и восполняющее недостатки существующей звуковой системы (в таких примерах, как *а́лхра* «вычитание, вычитать» ~ *а́лхры* «различение, различать», *д́еймшк* «два дня» ~ *д́еймшкык*

«хороший человек» и т. п.). Эта особенность звука *ы* стоит в известной связи с тем, что система слогообразования, действующая в абазинском языке, исключает возможность открытого слога типа «долгий согласный (или аффрикат) + *ы*», если на данном слоге не лежит ударения. Иначе формулированная, особенность эта сводится к тому, что *ы* представляет собой возникающий вторично в слоге под ударением вариант нуля звука в слоге, не имеющем ударения.

Другим вполне закономерным проявлением и результатом несамостоятельной или недостаточно самостоятельной роли этого звука в абазинском языке служит невозможность для него стоять в начале слова.

Таким образом, мы имеем *ы*, как правило, только в двух положениях: 1) в открытом (оканчивающемся на гласный) слоге, в тех случаях, когда на этом слоге лежит ударение, например, *адзы* «вода», (*йы*)*сымаб* «я имею», *чы* «бык», *ацIхъа* «хвост, конец», *мивы* «медведь», *сасы* «гость», *агыларта* «место остановки, стоянка»; 2) в закрытом (оканчивающемся на согласный) слоге, например: *дымхIа* «ухо», *абыгъ* «козел», *ахыт* «селение», *хIыс* «женщина», *дыу* «большой», *бзый* «хороший», *абылрIа* «гореть», *аурыш* «русский», *мышкIы* «однажды», *адзын* «осень», *апын* «лето», *гIымзкI* «2 месяца». Гласный *ы* открытого слога, попадая в безударное положение, или исчезает совершенно, ср. *адзы*, но *адзквI* «воды» (из *адзы* + *квI*); *чы*, но *ач* «бык» (из *а* + *чы*), *ачквIа* «быки» (из *а* + *чы* + *квIа*); *мивы*, но *амш* «медведь» (из *а* + *мивы*), *амшквIа* «медведи» (из *а* + *мива* + *квIа*); *ашыта* «сыром», но *аш* «сыр» (из *а* + *шы*); или, исчезнув, стремится обнаружить свое прежнее присутствие в слоговости предшествующего согласного, например, *апын* «у, при (том)», но *ап-нгый* (знаком дефиса выражена здесь слоговость согласного *н*); иногда эта слоговость согласного переходит в более резко выраженную форму, и тогда перед согласным развивается снова гласный *ы* полного образования (например, *апынгый* «и при (том)»; *мивы*, но *м-шхIыс* (*мышхIыс*) «медвежонок»; *зны* «однажды», но *з-нIа* (*зынIа*) «сразу»; *мышIы* «дрова», но *м-шIквI* (или *мышIквIа*) «дрова», *м-шIбжъа* (или *мышIбжъа*) «охапка дров»; *бжъгIы* «семь (разумных существ)», но *бжъгIхъачквIа* «семь мужчин» (или *бжъгIхъачквIа*); *агъы* «доска», но *акIа-съ* (или *акIа-сыгъ*) «классная доска»; *абжъы* «звук», но *аб-жъквIа* (или *абыжъквIа*) «звуки»; *цIы* «ночь», но *цI-ххъчIвIа* (или *цIыххъчIвIа*) «холодная ночь»; *цI-хлацIара* (или *цIыхлацIара*) «темная ночь» и т. п.

Попадая в результате морфемосочетания в закрытое положение, утраченное *ы* восстанавливается: *апын* (из *а* + *ла* + *пын*) «взгляд», но *апынIмеIа* «путь для взора»; *амш* (из *а* + *мыш*) «день», но *амшыркъварIа* «шутить»; *мышдыургIыма* (из *мышдыургIыма*) «записался ли ты?», но *мышдыургIыд* «я записался»; *бзый* (из **бзыйы*) «хороший», но *ышпIб-зыйы* «как оно было хорошо»; *гIайра* «приходить», но *ушпIгIайы* «(что) ты пришел».

Благодаря наличию чередований *ы* и *0* (нуль) в конце морфемы, мы получаем важный признак различения морфем с точки зрения их роли

в предложении: формы на *ы* характеризуют синтаксически самостоятельные морфемы-слова и противоплагаются формам с нулем звука, как синтаксически несамостоятельным, т. е. входящим в состав сложной синтаксической единицы.

Устанавливаемая нами строгая норма исчезновения неударного *ы* в открытом слоге представляет собою особенность абазинского языка, отличающую его от абхазского, в котором проявление аналогичной тенденции сведения *ы* в указанном положении к нулю часто нарушается противодействующими интересами морфологии. Особенно ярким образчиком этого рода нарушения нормы служат в абхазском языке весьма многочисленные формы местного падежа, наречия и деепричастия, оканчивающиеся на *ны*, как-то: *йыбзыйаны* «хорошо», *йакины* «будучи», *акытакны* «в селении», *йыгIвычаны* «будучи украшен» и т. п.

В некотором противоречии с сформулированными правилами стоят, повидимому, единичные случаи написания типа *хыкIы* «метана», *тыды* «дом», *йыдыцыйд* «плавает», *йаагIыкыйд* «они им (инструментом) пилят» и т. п., где мы видим примеры сохранения *ы* в открытом слоге в неударном положении. Действительное произношение и способ слоогообразования в этих примерах различны, в зависимости от качества предшествующего гласному *ы* согласного: при мгновенных имеет место сохранение минимального, переходного к следующему согласному звука (типа *ы*), длительные (сонорные, спланты и аффрикаты) принимают на себя функцию слоогообразования, или сливаются в один слог с последующим. В некоторых особых случаях противоречия сформулированным правилам имеет место столкновение фонетических норм с интересами смысловыми, как-то: *йадылаб* «стоит вплотную около чего-либо», *йыдылаб* «стоит около чего-либо»¹, *дыадылаб* «стоит внутри чего-либо» и т. п. (вм. ожидаемого **йадылаб*, **йыдылаб* и т. п.); приведенные формы ассоциируются с *дылаб* «он стоит», *дыадылаб* «он стоит внутри чего-либо» и т. п. В произношении *дыадылаб* и т. п. замечается смысловое дополнительное ударение на гласном *ы* (следовательно, получается два ударения *дыадылаб*), ведущее нас к сложной проблеме законов абазинской акцентуации (ср. ниже).

Примеры на *ы*: *хымы* «шуба», *тыны* «лошадь», *жыны* «корова», *агны* «зима», *дымыд* «он стоит»², *апыца* «сел. Апыца», *гычкIыры* «вориска», *уыс* «дело», *арымды* «скамья», *дындыд* «он работает».

Комбинаторные изменения гласного *ы*. Подобно *а*, *и* и *у* испытывает на себе известное комбинаторное влияние *и* и *у* одного с ним слога, с тем существенным отличием, что получаемые звуковые оттенки лишены в первичной звуковой системе языка фонематического значения (тогда как переход *а* в *ы* под влиянием соседства с *и* и *у* может осмысливаться как изменение значения, ср., например, *андыра* «приходить» ~ *андыра* «случаться»).

¹ Следует: «стоит около мужчины». (Ред.).

² Следует: «становится, встает». (Ред.).

Попадая в сочетание с последующим *и* в слоге под ударением, *ы* подвергается прогрессивной ассимиляции со стороны звука *и* и образует с ним в произношении долгий дифтонгообразный гласный *и*“, например, *ары* + *й* даст *арий* (пишется *ари*) «этот здесь»; *аны* + *й* дает *аний* (пишется *ани*) «этот там»; *ажьы* + *й* дает *ажый* (пишется *ажый*) «кузнец»; *йырхы* + *й*д даст *йырхыйд* (пишется *йырхыйтI*) «они доят» и т. п. Особенно благоприятным условием перехода *ы* в *и* (гласную) служит палатальный характер предшествующего ему согласного, как, например, приведенные только что *ажый*, *йырхыйд*. Ср. еще *иагъычыйд* > *иагъычийд* «оно (животное) ворует», *гый* «и» (союз) (пишется всегда *гы*), *закIгъый гыйлышумыд* > *закIгый гыйлышумыд* «он ничего не мог».

Попадая в сочетание с предшествующим *й* в слоге под ударением, *ы* сохраняет в отчетливом произношении свой основной характер открытого неопределенного гласного *йымаб* «он имеет», *йыт* «дай ему», *йымIеа* «его путь», *ыхъыви* «его лекарство» и т. п. В сочетании с *и* в слогах без ударения *ы* исчезает в произношении, передавая свою функцию слогообразующего звука согласному *й*, как, например, *й-хIей* «скажи», *дгIай-й*д (> *дгIаиыд*) «он приходит».

Влияние следующего за *ы* согласного *й* сказывается нередко даже и в том случае, когда *й* не образует с *ы* одного слога, а относится к следующему; в ряде случаев мы имеем уподобление *ы* и переход его в *и*, как, например, *зачIей* + *йа* даст *зачIеййа* «что такое?» или *ижьыйыйд* даст *и(ы)жьыйиыд* «они куют» (пишут вместо этого *ижьыйиI*; в *иы* + *жьы* + *иыи*д на второе *ы* действует одновременно палатальность предшествующего *жь* и последующего *и*).

Действие *и* парализуется обратным действием *у* в сочетаниях типа *уыи*, например, *ауый* «тот» (пишут *ауи*), *иууыитыи*д «он дает тебе (тот предмет)» и т. п.

Сочетания с *у* оказывают аналогичное прогрессивно-ассимилирующее влияние; *уу* под ударением звучит, как долгий дифтонгообразный гласный *у*“, например, *дыу* «большой» дает *ду*“ (пишут *ду*), *йалуу* «образующий единство» даст *йалу*“ (пишут *йалу*) и т. п.; *уи* под ударением сохраняет, подобно *иы*, характер сочетания согласного *у* с неопределенным гласным *ы*, например *уыла* «твой глаз», *уыс* «целю», *ауыла* «так», *уымгеа* «твой живот» и т. п. Как *уу*, так и *уы* в слогах без ударения переходят в слогообразующее *у*, например, *у-мцан* «не ходи», *ал-у* «жернов».

Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм. Наряду с возникающими в контексте речи и не имеющими самостоятельного значения дифтонгообразными гласными *и*“ и *у*“, в абазинский язык проникает, по мере обогащения его иноязычными терминами, содержащими в своем звуковом составе простые гласные *и* и *у*, новые фонемы, положение которых совершенно тождественно положению иноязычных *е* и *о*, о которых сказано выше.

Примеры на *и*: *акIи́нга* «книга», *акIа́льи́дор* «коридор», *хIиса́н* «счет», *фа́брика* «фабрика», *брига́да* «бригада», *маши́на* «машина».

Примеры на *y*: *удърник* «ударник», *революџа* «революция», *кџульаи-сиз* (*кџульесиз*) «бедняк» (из ногайск.), *ударџена* «ударение», *сурат* «рисунк, изображение, портрет».

Согласные фонемы абазинского языка

Классификация согласных звуков. Согласными звуками называются, в отличие от гласных, такие звуки языка, которые образуются в результате столкновения струи выдыхаемого воздуха с препятствиями, создаваемыми языком и некоторыми другими органами (губами, гортанью, язычком) на пути прохождения этой струи в полости рта (или носоглоточного пространства). В зависимости от характера препятствия, которое приходится преодолевать струе выдыхаемого воздуха, согласные могут быть разделены на три основные категории: сонорные (плавные), спиранты и взрывные (смычные); особое положение занимают сочетающие в себе свойства взрывных и спирантов аффрикаты. Основная функция согласных в звукосочетании — сопутствовать гласному, объединяющему соседящие с ним согласные в некую единицу выдоха, которая именуется слогом. Как мы видели выше, характерной особенностью абазинской системы звуков служит то, что в ней эта слогообразующая роль гласных чрезвычайно часто переходит на согласные.

Сонорные фонемы абазинского языка

Общая характеристика сонорных согласных. Группа сонорных, состоящая из шести звуков-фонем *й*, *у*, *м*, *н*, *р*, *л*, объединяет в себе разнородные по месту и способу образования звуки, характеризующиеся в отличие от родственных им спирантов относительной чистотой тона и ослабленностью того шума, который сопутствует всем остальным согласным, а также своей принципиальной звонкостью, подобной звонкости гласных: звонкими являются все звуки, при образовании которых воздух, идущий из легких, сотрясает напряженные голосовые связки гортани и тем самым вызывает дополнительный звуковой оттенок, примешивающийся к основному звуку. Это их свойство стоит в зависимости от характера той щели, через которую пропускается струя воздуха: она шире, чем у других согласных, и потому сонорные звуки ближе других согласных подходят к гласным. Наиболее близки к гласным фонемы *й* и *у*, стоящие на грани между этими последними и согласными: их можно объединить под названием полугласных. Затем идут плавные *л* и *р*; из них первая образуется языком, упирающимся своим концом в нёбо и пропускающим воздух по бокам (так называемый латеральный звук), вторая образуется дрожащим кончиком языка (вибрантный звук). Наконец, мы имеем две носовые: *м* и *н*, при которых воздух проходит через носоглотку при одновременном смыке в полости рта. Ближе, чем другие согласные, с перечисленными группами сонорных сближаются четыре звука: *х*, *хџ*, *гъ*, *гџ*, относимые нами к категории задне-мягко-нёбных спирантов. Некоторые факультативные

варианты сонорных должны быть, как увидим ниже, отнесены также к спирнтам.

Фонема *й*. Фонема *й* образуется путем поднятия массы языка по направлению к твердому нёбу и создания узкой щели между ним и языком; она является, таким образом, средне-нёбным сонорным. Она сохраняет в акустически-артикуляционном отношении свой согласный характер в полной мере лишь в слогах, имеющих в качестве слогообразующего звука гласный *а*, как, например, *йа* или *йарə* «он» (сам), *йаб* «его отец», *йырхəйа* «что они сделали?», *уамдйгегган* «не надейся», *айсра* «ссориться», *агIдйра* «приходить», *адундй* «вселенная» и т. п. Разница между такой неслогообразующей согласной *й* и гласным *й* заключается только в степени открытости образующей звук щели, более узкой при *й* согласном и более широкой при *й* гласном; согласное *й* требует вместе с тем большего расходования выдыхаемого воздуха сравнительно с *й* гласным. Естественно поэтому то колебание между гласным и согласным характером этой фонемы, которое возникает в условиях нахождения ее в соседстве с неопределенным гласным *ы*: достаточно малейшего перемещения слогового максимума выдоха, и сонантическое *й* переходит на положение гласного *й* и по своей функции в словосочетании и по акустическому впечатлению. Следует отметить, что по временам, в произношении особенно сильно кабардинизированных абазин, можно наблюдать подстановку на место абазинской полугласной фонемы *й* особого гортанного (типа украинского «г») звонкого, палатализованного спиранта. В этом случае мы имеем дело с фактом прямого заимствования родственной по акустическому впечатлению фонемы чужого языка.

Важным в грамматическом отношении обстоятельством служит невозможность сочетания двух *й* рядом, прежде всего в пределах одного слога: всякая форма, в которой по грамматическим (морфологическим) соображениям должны встретиться сочетания *ййы*, *ййа* или *ййй*, *айй*, упрощается путем исчезновения одного из *й*; так, например, ожидаемое **й(ы)йймаб* «он то имеет» превращается в *йймаб* (ср. *ййлымаб* «она имеет то», *ййсымаб* «я имею то», *ййуымаб* «ты имеешь то» и т. д.); *йййцтацыйд* «они идут вслед за ним» (вм. **й(ы)йййцтацыйд*); *йахIе* «скажи ему» (вм. **й(ы)йдəхIе*, ср. *ййлахIе* «скажи ей»); *йййцынхыйд* «они вместе с ним работают» (вм. *ййййцынхыйд*, ср. *ййлыцынхыйд* «они вместе с ней работают»); *ййхIауəд* «то, что он говорит» (вм. *ййййхIауəд*) и т. п. Действие этого закона парализуется в тех случаях сочетания *йй*, в качестве местоименного притяжательного префикса 3-го лица ед. числа муж. рода, с именными (или в качестве местоименного префикса общей формы с глагольными) основами, начинающимися на *й*, когда упрощение могло бы повести к полному искажению смысла, например, *йййдəхIа* «принадлежащий ему петушинный гребень», *ййййхыйд* «она заживает» (о ране) и т. п.

Действием этого фонетического закона нарушается стройность системы личных местоименных глагольных префиксов, о которой нам

придется говорить далее. В этой же связи стоит, возможно, частичная утрата абазинским языком глагольного форманта взаимного залога *ай* путем замены его посредством *йа* с последующей затем утратой *й*, в результате осмысления его, как личного префикса 3-го лица мн. числа. (Так, повидимому, **ййабадырыйд* «они знают друг друга» от первоначальной основы взаимного залога *йабадыр* давало закономерно *йабадырыйд*, откуда, по аналогии форм типа *йыцыйд* «они идут» ~ *хIцыйд* «мы идем», получались формы типа *хIабадырыйд* «мы знаем друг друга» и отглагольное имя *абадырра* «знать друг друга»).

Фонема у. Фонема согласного *у* стоит в таком же отношении к гласному *у*, в каком согласное *и* к гласному *й*. По месту образования она является губным сонорным, образуемым при участии обеих губ; язык поднят выше, чем при образовании гласного *у*, и потому щель уже. Подобно *й*, *у* сохраняет свой вполне согласный характер лишь в слогах с гласным *а*: *уа* «эй», *уар* «ты», *уаб* «твой отец», *йыцау* «идущий», *аура* «длина», *аурам* «улица», *аундыва* «совет», *чачпау* «род женского украшения» и т. п. При сочетании *у* с гласным *ы* в одном слоге *у* имеет тенденцию переходить, как мы видели выше, на положение гласного. В произношении кабардинизированных лиц согласный — сонорный губо-губной — *у* может факультативно (по усмотрению) подменяться гортанным звонким лабиализованным спирантом (кабардинская фонема *ε*).

Так же как и сочетание двух *й* в одном слоге, по возможности устраняется и непосредственное сочетание двух *у*, например: *йыгъаууам* «не годится» дает *йыгъауам*, **йаууаид* «пригодится» дает *йауаид* **йыгъаууам* «он не получает» (тот предмет) дает *йыгъауам*, *дгырууам* «они его не принимают» (в компанию) дает *дгыруам*, *дымъауа* «не находя его» вм. *дымъаууа* и т. п. Аналогичную судьбу постигает в обычном произношении и сочетание *у* с предшествующим лабиализованным согласным; ср. такие примеры, как *йыжсгIваш* «то, что вы будете писать» вм. **йыжсгIвудаш*, *йаныргIв* «когда они пишут» вм. **йаныргIвуд*, *йыгIайкыш* «следующие» вм. **йыгIайкыуш* и т. п. Интересы сохранения морфологической ясности формы и ее должного смысла противодействуют в известных случаях и здесь действию этой фонетической тенденции, например, *йуууысым* «то, что не является твоим делом», *ууыуыйд* «ты (как собака) воешь» и т. п.

Фонема л. Фонема *л* представляет в артикуляционно-акустическом отношении точное соответствие русскому твердому «л» в таких случаях, как «лапа», «лук» и т. д.; она образуется, следовательно, концом языка при дополнительном так называемом веляризационном поднятии задней части языка по направлению к мягкому небу, отличаясь этим от звука *л* большинства европейских и кавказских языков.

Примеры: *ла* «собака», *лар* «она», *алыг* «крестьянин», *нашырла*¹ «входить», *хIампал* «род кушанья», *аьлу* «жернов», *гIалал* «приставшая овца».

¹ Следует: *нашырла*. (Ред.).

Попадая в окружение глухих звуков, *л* может утрачивать свою звонкость и становится глухим, например: *уа́кыл* «ложись» (на что-либо), *дджэ́кылхъ* «отправился» и т. п.

Фонема *р*. Фонема *р* образуется всегда с помощью кончика языка, приведенного в колебание струей выдыхаемого воздуха, и ничем не отличается от русского «р». Она встречается во всех положениях, в том числе и в начале слов, чем отличается от *р* кабардинского, занимающего это положение только в заимствованных из других языков словах. Примеры: *ра* «орех», *рашваръ* «полоть», *ар* «войско», *арый рыб* «это войско», *рымъза* «скамья».

Подобно *л*, *р* комбинаторно, в соседстве с глухими, утрачивает звонкость и становится глухим, например: *йыкыръцъад* «они положили» (на что-либо), *акырышвара* «набрасывать» и т. п.

Фонема *м*. Фонема *м* образуется сжатием губ и выходом части воздуха через нос, вполне соответствует русскому «м». Примеры: *ма* «на, возьми», *ма́ма* «мама», *ма́ра* «солнце», *амз* «луна», *йымы́на* «эпидемия», *мы́гъва* «несчастный», *йысы́мам* «пе имсю».

Фонема *н*. Фонема *н* образуется смыком, образуемым кончиком языка у верхних зубов или альвеол (т. е. у выступа десны в месте основания верхних зубов) с одновременным выходом части воздуха через нос; соответствует русскому «н». Примеры: *ана́га* «там», *ан* «мать», *лы́на* «мама, тетка», *нхаръ* «работать» (где-либо), *а́гIан* «в то время», *а́гIанын* «весна», *аны́й* «тот».

Долгие сонанты. Долгие *лл*, *рр*, *мм*, *нн* возникают лишь в отчетливо анализируемых морфологических и синтаксических сочетаниях и не имеют потому фонематического значения. Например, *лаба́* «ее палка», *арры́мIа* «воинская дорога», *а́рра* «поход», *йанна́дъ* «когда оно достигло» и т. п. Полудолгие *лл*, *рр*, *мм*, *нн* возникают иногда при эмфатическом (усиленном) произношении в начале слога под ударением, как, например, *ны́на* «тетя», *мы́ма* «мама» и т. п. Такие удлинения также, конечно, не влияют на изменение смысла и не составляют потому самостоятельных звуков-фонем.

Спирантные фонемы абазинского языка

Классификация спирантных фонем. Спирантами называются звуки, образуемые шумом от трения струи воздуха, проходящего через щель, созданную подвижными органами речи (губами, языком, гортанью) в полости рта или гортани. Все эти звуки длительные и могут быть протягиваемы по усмотрению, в чем и заключается существенное отличие их от мгновенных. Спиранты абазинского языка классифицируются по месту и способу образования на следующие группы: 1) по месту образования — губные, зубные, альвеолярные, передне-твердонебные, задне-твердонебные, мягконебные и гортанные; 2) по способу образования — звонкие, смычногортанные и глухие. Вторая классификация дополняет и уточняет первую, отличая звуки одинакового места

образования по характеру сопутствующей основной артикуляции работы гортани. Некоторые виды спирантов стоят близко к сонорным (ср. сказанное выше по поводу *х, хэ, гъ, гъэ* и латеральных *лъ, тл*), другие находятся на грани с аффрикатами (*фI, лI*, факультативное кабардинское *чIе*).

Губные спиранты. Губных (точнее губо-зубных) спирантов насчитывается три: *е, ф* и *фI*.

Звонкая губная фонема *е* возникла в современном абазинском языке вторично, при заимствовании слов из кабардинского и русского языков; в коренных абазинских словах она не встречается. Соответствует русскому «в» и кабардинскому *в*. Примеры: *власт* «власть», *совет* «совет, советский», *вальута* «валюта».

Глухая губная фонема *ф* соответствует русскому «ф» и кабардинскому *ф* (незначительное отличие абазинского и кабардинского *е* и *ф* от русских «в» и «ф» заключается в более энергичном смыкании нижней губы с краями верхних зубов). Примеры: *фарэ* «есть, кушать», *фсидэ* «выгода», *фгIеы* «запах», *фарычIе* «щеголь», *абыгIеныйфа* «провизия на дорогу», *ачыфIра* «отъедасть».

Смычногортанная губная фонема *фI* представляет в абазинском языке весьма редкий звук, встречаемый в немногих словах кабардинского происхождения, как, например, *фIей* «грязный». Образуется этот звук особо напряженным сближением нижней губы с верхними зубами; взрыв производится силой того запаса выдыхаемого воздуха, который находится в полости рта над сомкнутой гортанью. Смычка гортани происходит постепенно и длится, повидимому, дольше губо-зубного сближения, что находит нередко свое отражение в следующем за губным звуком звуке характерного постепенного размыкания голосовых связок. В произношении отдельных лиц приходилось наблюдать, в отличие от кабардинского звука, нечто вроде *пIфI*, что приближает спирант *фI* к аффрикатам.

Независимо от кабардинского языка происхождения спирант *фI* в единственной морфеме шараванского наречия *фIа* «тонкий», в абхазском звучащей *пIа* (впрочем, в некоторых говорах кодорского наречия встречается и *фIа*). Произношение этого звука в этом случае ничем не отличается от только что описанного произношения *фI* в кабардинских словах.

Зубные спиранты. Зубными спирантами абазинского языка являются *з, с, лъ, тл* и *лI*. Из них первые два — коренные абазинские звуки, остальные заимствованы из фонетической системы кабардинского языка.

Звонкая зубная фонема *з* образуется кончиком языка, помещаемым в соседстве с верхними зубами; соответствует русскому «з» и отчасти кабардинскому *з* (образуемому спинкой языка). Примеры: *закIы* «один», *зыы* «однажды», *нъаза* «кривой», *зъаза* «медлительный», *жыыъз* «одинадцать», *зымгIеа* «все», *абъазира* «жить».

В сочетаниях морфем нередко возникает долгое *з*, передаваемое

в письме двумя *эз*, как, например, *айззара* «собрание», *ахъаглырта ээлыз ахIарф* «буква, на которую приходилось ударение», *йыззхъайцIара* «которому он бы (мог) поверить» и т. п. Противопоставление в производных словах долгого *эз* простому *з* не встречается.

Глухая зубная фонема *с* стоит с *з* в парном сочетании, отличаясь от нее только отсутствием звонкости; соответствует русскому «с» и кабардинскому *с*. Примеры: *саръ* «я», *а́сра* «бить», *асъс* «теленка», *псыла* «жирный», *асы* «рубашка».

Комбинаторно, в соседстве с звонкими согласными, *с* чередуется с *з*, например, в формах 1-го лица ед. числа глаголов переходного класса, как, например, **йызбийд* вм. *йызбийд* «я вижу» (тот предмет), *йызуйд* вм. **йысуйд* «я согласился», *саръ тийызджэджвийд* вм. **саръ тийызджэджвийд* «я умываюсь» и т. п.; в других случаях стечения *с* с последующим звонким, когда действию этой фонетической тенденции противостоят интересы смысла, *с* сохраняется. Например: *йысгъалан* «я думал»; *с* всегда сохраняется в зачине слова, как, например, *сгъыгъыйд* «я надеюсь», *слабъ* «моя палка» и т. п.

Действием аналогии объясняются, очевидно, такие примеры подстановки звонкого *з* на место *с*, когда соответствующий звонкий звук отделен от *с* гласным *ы*, как, например: *йыгъымуид* «я не согласился» (вм. **йыгъымуид*), *дыгъымбъид* «я его не видел» (вм. **дыгъымбъид*); здесь *с* отделено от последующего звонкого гласным *ы* полного образования (ср. произношение *дыгъз-мбъид*, где *з* соседит со слогообразующим *м*).

В отличие от долгого *эз* долгое *сс* имеет самостоятельное фонематическое значение: в таких словах, как *ассръ* «брить» (ср. *асръ* «ткать»); *са* «било (ткацкого станка)» (ср. *сса* «мелкий»), *ассаръ* «дробить» (ср. *асаръ* «кроить»); *анссаръ* «стругать» (ср. *ансаръ* «мести»), мы имеем в долгом *сс* звуковой оттенок, противопоставленный в смысловом отношении простому *с*, что дает основание считать долгое *сс* особой фонемой абазинского языка.

Звонкая губная латеральная фонема *лъ* встречается в словах, заимствованных из кабардинского и (что реже) других языков (в последнем случае при вероятном посредничестве кабардинцев). Примеры: *Лъаб* «Лаба» (название реки), *блъын* «стена», *кIалъиддр* «коридор», *белъ* «лопата», *быйдлъ* «сени, прихожая».

Глухая зубная латеральная фонема *тл* соответствует звонкой *лъ* и встречается только в словах кабардинского происхождения, как-то: *тлапъд* «чулок», *тлапкъ* «корень, происхождение», *пIатла* «срок». В абхазских наречиях эта фонема в словах кабардино-черкесского происхождения передается через сочетание *кл*, как, например, *аклапъд* «чулок, поговица» (= *тлапъд*).

Смычногортанная зубная латеральная фонема *лI* встречается весьма редко в единичных словах, заимствованных из кабардинского языка, как, например: *лIакъвацъауа* «крестьянин», *лIыгъаба* «вдовец», *лIакъвалIац* «знатный человек» (кабард. сословно-феодалный термин) и т. п. В про-

изношении некоторых лиц приходилось наблюдать произношение этого звука как бы *mI*, в каковом случае *I* переходит из разряда спирантов в разряд аффрикат.

Альвеолярные спиранты. Группу альвеолярных спирантов абазинского языка составляют фонемы *жв* и *шв*. Обе фонемы характеризованы дополнительной лабиализацией особого типа (губы растянуты, нижняя может несколько выступать вперед, благодаря чему струя воздуха выходит не прямо, а по направлению кверху, тогда как при лабиализации господствующего типа обе губы активно участвуют в артикуляции звука, выступая более энергично вперед и образуя почти круглое отверстие). В произношении этих двух парных фонем наблюдается значительное колебание по говорам (иногда и вполне индивидуальное), вызываемое различным положением языка и степенью активности лабиализации. В сел. Псыж и Эльбурган обычно язык образует своей плоско-растянутой спинкой шепелявый звук, по акустическому впечатлению средний между русскими *з* и *ж* или *с* и *ш* (типа кабард. *ц* и *жь*), с преобладанием шипящего оттенка мягкого типа. В говоре сел. Красно-восточного и Койдан наблюдается заметная ослабленность лабиализационной работы губ и перемещение основной артикуляции несколько вглубь (получаемый акустический эффект весьма близок к звукам, выражаемым на письме посредством *ж* и *ш*).

В сел. Кубина и Инджикчкун единой фонеме *жв* формирующегося литературного языка соответствуют две различные фонемы, из коих одну можно условно обозначить *жв'*, и единой фонеме *шв* также две, из коих одну обозначим *шв'*. Различие между *жв'* и *шв'*, с одной стороны, и *жв* и *шв*, с другой, заключается: 1) в основной артикуляции, именно в положении языка, находящегося при *жв'* и *шв'* против верхних зубов, т. е. в положении, сходном с тем, какое он занимает при произнесении *с* (отличие от *с* состоит, повидимому, в более пассивном положении кончика языка при образовании *жв'* и *шв'*; 2) в губной работе, при *жв'* и *шв'* активной билабиальной (двухгубной), с лабиализацией округлого типа, тогда как при *жв* и *шв* она по преимуществу монолабиальна, одногубна (верхняя губа пассивна, выходное отверстие, образуемое нижней губой, продолговато — растянутое к краям рта). Значительная активность губной работы при произнесении *жв'* и *шв'* нередко создает акустическое впечатление, весьма близкое к *в* и *ф*. Различение двух пар фонем (*жв'* и *жв*, *шв'* и *шв*) в этом одном (условно называемом нами лоовским) говоре абазинского языка поддерживается аналогичным различием, существующим в шкараванском и североабхазском (бзыбском) наречии абхазского языка. Не входя во все детали многообразных колебаний в произношении этих звуков, заслуживающих специального фонетического исследования, следует отметить, что шкараванский, в частности, характеризуется преобладанием особо активной губной работы в звуках *жв'* и *шв'* и факультативным переходом от типа шипящего твердого спиранта к типу спиранта губо-губного (последний оттенок можно условно обозначить *в'* и *ф'*).

Примеры на звонкий спирант *жэ*: *а́жэа* «слово», *жэы* «корова», *а́ж-вынта́хэа* «старость», *а́жэла́ра* «народ», *жэшы́ыс* «телка», *жэба* «девять», *жэба́а* «десять», *а́жэа́жэ* «старик».

Звонкое *жэ* представлено также разновидностью долгого *жэ́жэ*, как, например, *а́жэ́жэ́йы́д* «вы пьете», *а́жа́кы́ды́жэ́жэ́ра* «рвать» (например, волосы на голове от отчаяния), *жэ́жэ́а́а* «борона» и т. д. Примеров противопоставления в непроезженных основах долгого *жэ́жэ* простому, повидимому, не имеется.

Примеры на глухой спирант *шэ*: *ашэ* «дверь», *шэ́кы́* «сотня», *шэ́ра* «вы», *шэ́ра* «бояться, мерить», *хэ́шыы* «порошок», *ашэ́ы* «сыр», *мышы* «медведь», *ашэ́гэ́а* «письмо», *шэ́ы́нды́кэ́ра* «сундук», *а́шэ́ма* «хозяин».

Геминированный (долгий) звук *шэ́шэ* служит самостоятельной фонемой в таких примерах, как *шэ́шэ́ра* «свистеть», (ср. *шэ́ра* «зреть»), *та́шэ́шэ́ра* «падать внутрь» (о многих мелких предметах), ср. *та́шэ́ра* «падать внутрь» (об одном предмете) и т. п.

Звук *шэ* чередуется с *жэ* в известных условиях, аналогичных условиям чередования с и з (т. е. преимущественно в глагольных формах 2-го лица мн. числа, например: *а́жэ́шэ́йы́д*, «вы видите тот предмет» (вм. **а́жэ́шэ́йы́д*), *а́жэ́шэ́у́д* «вы согласились» (вм. **а́жэ́шэ́у́д*) и т. п.

Лишенными самостоятельного значения в абазинском языке звуками являются существующие в кабардинском языке альвеолярные шипящие спиранты *жэ́* (глухой), *ч́э́* (смычногортанный) и *джэ́* (звонкий); лишь в аффрикативном произношении некоторых лиц кабардинские слова сохраняют свою первоначальную звуковую форму. Нормальным субститутом соответствующих кабардинских звуков служат абазинские *шэ́*, *ч́э́* и *жэ́*; значительно реже в той же роли выступают *шэ́*, *жэ́* (вм. *шэ́*, *жэ́*). Отдельные слова-термины, проникшие из черкесских языков в тапантипский и шкараванский, представляют значительное разнообразие в способах передачи этих звуков, отсутствующих в системе абазинского языка (ср., например, с одной стороны, нормальное *а́жа́ды́* «куриятник» = кабард. *а́жа́ды́*, с другой стороны, *а́жа́мэ́* «загон для скота» = кабард. *а́жа́мэ́*). Единичные примеры своей звуковой формой свидетельствуют об усвоении соответствующих слов не из кабардинского, а из нижнечеркесского; ср. *чэ́зэ́ба* (или *шэ́зэ́ба*) «вдова», (кабард. *фэ́зэ́ба*, адыг. *шэ́зэ́ба*); *чэ́а́х́а́ды́* «скирд сена» (кабард. *а́жа́мэ́*, адыг. *а́жа́мэ́*) и др.

Переднеязычные спиранты. Переднеязычными мягкими шипящими спирантами являются *жэ́* и *шэ́*. По акустическому впечатлению они значительно мягче русских «ш» и «ж» (занимающих вообще некое среднее положение между «щ», «жк» и «ш», «ж») и образуются, в отличие от названных русских звуков, не кончиком языка, а передней частью его спинки.

Примеры на звонкий мягкий шипящий спирант *жэ́*: *а́жэ́а* «заяц», *а́жэ́ы́* «мясо», *б́жэ́а* «оханка, мяжка», *б́жэ́ра* «обучать», *а́жэ́йы́д* «они ковали», *а́жэ́ра* «оставлять», *б́жэ́ы́* «звук, голос», *а́жа́жэ́* «желтый».

Примеры на глухой мягкий шипящий спирант: *щань* «нога», *ащъхра* «мазать», *ащта* «след», *ащъа* «сестра», *лащъара* «темный», *ащъа* «брат», *ащъащъа* «барсук».

Подобно ряду других спирантов, *щ* представлено в языке также долгой (геминированной) разновидностью *щщ*, имеющей самостоятельное фонематическое значение, как, например, *щщра* «гладить» (ср. *щра* «убивать»), *ащщъ(х)а* «тихо, 'бесшумно» (ср. *ащъа* «брат») и т. п.

Сочетанием *щщ* передается в заимствованных из русского языка словах звук «щ» (ср. *помещщик* «помещик»).

Переднеязычными твердыми шипящими спирантами являются *ж* и *ш*. Как уже указывалось, противопоставление твердых и мягких шипящих не имеет аналогии в русском языке; отсутствует оно и в кабардинском, за исключением бесленеевского паречия и также языка адыгейского, в которых мы находим совершенно аналогичную парность мягких и твердых спирантов. Разница акустического впечатления, производимого этими звуками, зависит не столько от места основной артикуляции, сколько от большей вогнутости средней части языка при твердых и меньшей при мягких разновидностях.

Звонкая твердая шипящая фонема *ж* представляет собой сравнительно редкий звук. Примеры: *жъхъа* «борода», *бжа* «половина», *бжын* «копна, куча», *мажъа* «межа», *жахъара* «жевать», *бжара* «проводить время», *йжъид* «он копает». Долгая разновидность *жж* представлена в таких словах, как, например, *хъжжъра* «переливаться».

Глухая твердая шипящая фонема *ш* встречается значительно чаще соответствующей ей звонкой. Примеры: *шара* «делить», *ашъла* «мука», *шашъхе* «узор», *аршара* «кипятить», *шкъытыу* «все», *хъашла* «седей». Долгий (геминированный) вид шипящего спиранта *шш* должен быть признаваем самостоятельной фонемой, ср. *шшра* «плести, жаловаться» (ср. *шра* «кипеть, паять»), *йшшъид* «принадлежащее ему сало» (ср. *йшъид* «доля») и т. п.

Заднеязычные спиранты. Кабардинского происхождения задне-(твердо)язычный глухой спирант *шь*, встречающийся только в немногих кабардинских словах, как то: *шьабза* «обычай, адат», *шьаква* «жеребец», *шгъа* «справедливый» и др., так же как и соответствующий лабиализованный *шьь*, например: *шьамышьь* «негодный, лентяй»; *нартышьь* «кукуруза»; *шьытныгъа* «свобода»; *шьабыж* «очень, сильно» (чаще произносится *фабыж*); *шьварашъак ва* «породистый жеребец» и т. д. Неясного происхождения *шьь* в таком слове, как *шьырчъа ва* «быстро».

Имеющийся в кабардинском языке соответствующий глухому *шь* звонкий (в кабардинском алфавите передается посредством *г*), весьма редкий звук и в самом кабардинском, в абазинской системе не представлен.

В словах, пропихивающих в паречия абхазского языка из языков черкесских, звук *шь* заменен посредством *къ* (в таких словах, как *къабз* из *шьабза*, *къакъа* из *шьакъа*, *къыа* из *шьъа*, *къагърыа*

«проводник» из *шьэчгэрэй* и т. д.), звук *шьэ* посредством *жэ* (например, *ажьытра* из *шэут*).

Мягконебные спиранты. Категория мягконебных спирантов состоит из шести фонем, различаемых по признаку звонкости и дополнительным признакам палатализации и лабиализации: *гъь*, *хъ*, *гъь*, *х*, *гъэ*, *хэ*. Дополнительная характеристика влияет на место артикуляции в том смысле, что палатализованные образуются несколько ближе, а лабиализованные несколько глубже, чем простые.

Как уже указывалось выше, мягконебные спиранты по своему акустическому характеру приближаются в известной мере к сонорным; участие в их образовании дрожащего язычка сближает эти звуки, в частности, с *р*. Мягконебные звуки существенно отличают систему абазинских звуков от русской и ей подобных фонетических систем, чуждых звуков столь глубокой локализации.

Звонкий палатализованный (смягченный) мягконебный спирант *гъь* образуется на грани твердого и мягкого неба. Примеры: *агъьма* «правый», *дуагъьыб* «он лучше тебя», *абыгъь* «козел», *алагъь* «юг», *багъьара* «условие», *бгъьы* «лист», *агъьра* «ругать». Геминированная разновидность этого спиранта представляет собой самостоятельную фонему, ср. *гъьгъьара* «царапать» (ср. *гъьара* «срастаться, заживать»). Глухим соответствием звонкого *гъь* служит глухой *хъ*. Примеры: *ахъра* «стынуть», *джыхъ*¹ «источник», *хыпхъра* «ухаживать», *ахъьсра* «прикасаться», *ахъьыз* «имя», *ахъара* «донть», *аръхъ* «сюда», *апъхъ* «впереди», *ахъIала* «в том направлении», *апхъара* «читать, учиться».

Звонкий мягконебный *гъ* представлен в таких примерах, как *агъа* «враг», *агъны* «зима», *гъаб* «грыжа», *гърджы* «мелкий дождь», *абгъа* «поясница», *абыгъра* «чесаться», *агъьцIара* «угол». Противоположение в производных основах простому *гъ* геминированного *гъгъ* наблюдается в слове *агъгъра* «рычать» (ср. *агъра* «пестрый»).

Глухой мягконебный *х* имеется, например, в *хара* «делать», *хын* «трижды», *уадырхана* «в третий раз», *ахра* «толоочь», *апсара* «менять», *ахъхара* «прять», *хы* «пуля», *мхы* «поле» (просяное), *пхты* «короста». Долгий спирант *хх* представляет собой самостоятельную фонему абазинского языка, например: *ххра* «кудахтать, резать» (ср. *хра* «косить, жать»); *адоххыра* «подбежать» (ср. *адохыра* «толкнуть»); *алаххра* «вбежать» (во что-либо) (ср. *алахра* «находиться в чем-либо и т. п.»).

Звонкий лабиализованный мягконебный *гъэ* имеется, например в *агъэы* «доска», *ачIвагъэара* «черта», *лыгъэра* «матица».

Геминированный (долгий) спирант *гъэгъэ* имеем, например, *агъэгъэара* «икать».

Соответствующий звонкому спиранту *гъэ* глухой *хэ* наблюдается, например, в словах: *хэа* «ручка», *хыцI* (sic! Ред.) «маленький», *анъхэра* «братъ», *хэра* «ранить», *хырта* «рана», *хэба* «пять». Долгое *хэхэ*, противопоставленное краткому *хэ*, имеем в таких примерах, как *рыххэра*

¹ Не *дыхъ* ли? (Ред.).

«буравить», (ср. *рыхра* «заставить просеивать»), *мышхвд* «ожерелье» (ср. *мыше* «возьми!») (sic! Ред.).

Гортанные спиранты. Группа гортанных спирантов состоит из четырех фонем: простых *ɣI* и *xI* и лабиализованных *ɣIɐ* и *xIɐ*. В образовании этих звуков наисущественнейшую роль играет надгортанник, создающий для воздуха, выдыхаемого из легких, то препятствие, которое придает этим звукам их специфическое акустическое свойство. Таким образом, эти звуки правильнее было бы называть не гортанными (в собств. смысле), а надгортанниковыми.

Звонкий спирант *ɣI* представляет в различных говорах абазинского языка существенные колебания в степени резкости, с какой слышится трение струи воздуха о надгортанник. С наибольшей силой это трение слышится в говоре сел. Псыж, где легко по первому впечатлению смешать звук *ɣI* со звуком *ɣɔ*. Более слабо слышится этот звук в остальных абазинских аулах, теряясь почти совершенно в говорах шкараванского наречия, так что звуко сочетание *ɣIa* слышится в этих последних, как долгое *ā*, едва заметно окрашенное уже чисто гортанным звонким придыханием. Как упомянуто выше, утрата надгортанникового *ɣI* характеризует в различной степени и абхазские наречия кодорское и бзыбское. При артикуляции *ɣI* наблюдается факультативное явление палатализации как самого *ɣI*, так и соседящих с ним гласных звуков.

Звонкий надгортанный *ɣI*, например: *аɣIā* «ремень», *амɣIā* «ручка», *аɣIāйра* «приходить», *аɣIbā* «восемь», *аɣIарā* «воспитывать», *аɣIyлаxIɐa* «едва, с трудом», *āɣIырбара* «оставить в покое», *āɣIбара* «быть в покое». Долгая разновидность этого звука представлена в слове *аɣIɣIра* «мычать».

Особенностью звука *ɣI* является нередко сопутствующая ему слоговость, что выражается в развитии в его зачине вторичного беглого гласного, открытого, близкого к *a* типа образования; например, *сɣIa* «мелкий» звучит зачастую, как *с(а)ɣIā*, *āлбɣIадара* «проглотить» слышится, как *āлб(а)ɣIадара*, *ɣIɣIарā* «спрашивать» слышится *ɣI(а)ɣIарā* и т. п. В очевидной связи с этой особенностью стоит и тот факт, что в ряде говоров наблюдается стремление заменить сочетание *ɣIy* или *мɣI* соответственно *ɣIa* или *аɣI*; редкость примеров сочетания *ɣI* с *y* в абазинском имеет свою аналогию и в судьбе сочетаний *xIy* ~ *yxI*, совершенно нетерпимых, как указано выше, в абхазском языке и единичных — в абазинском.

Глухой надгортанниковый *xI*, например: *xIa* «груша», *xIyбзāyыд* «мы живем», *āxIбара* «старшинство», *xIaxIра* «жрать». Звук *xI* соответствует аналогичному звуку в кабардинской звуковой системе. В тех же условиях, в каких с чередуется с *ɣ*, и *шɐ* с *жɐ*, т. е. в известных формах глаголов переходного класса (именно формах 1-го лица мн. числа), находим чередование глухого *xI* со звонким *ɣI*: *āyɣIбāyыд* «мы видим» (вм. **āyxIбāyыд*); *āyɣIyыд* «мы согласились» (вм. **āyxIyыд*) и т. п. Совсем иное историческое чередование звуков *ɣI* и *xI* имеем в таких примерах, как: *аɣIарā* «слышать» (ср. абх. *axIарā*); *xIaчIwāса* «круглый ремешок» (ср. *аɣIā* «кусочек ремня») и др. Сюда же относится,

быть может, суффикс *rgla* «люди, множество» (ср. *àkla* «больше», собств. «сравнительно с ним много»).

Звонкий лабиализованный *glɛ*, например: *glɛa* «медь», *glɛara* «берлога», *glɛy* «человек», *glɛyɔglɛyɔs* «человек», *mazglɛ* «сосна», *mgla* «дорога», *ʝɛglɛand* «небо», *ʝyʝɛglɛy* «пишите».

Долгое *glɛglɛ* возникает в морфемосочетаниях, как, например, *glɛglɛy* «пишущий».

Соответствующий глухой лабиализованный *xlɛ*, например: *xlɛa* «свинья», *xlɛaraxlɛand* «светляк», *axlɛyxlɛ* «голубь», *xlɛyɔs* «теленок», *xlɛra* «виться», *amxlɛarə* «кашлять», *ɥyɥxlɛ* «скажи ей». Долгая разновидность этого спiranта *xlɛxlɛ* имеет самостоятельное фонематическое значение, как видно из противопоставления производных основ: *xlɛarə* «говорить», ~ *xlɛxlɛarə* «кричать, обрабатывать (дерево) рапилом».

Абазинское произношение *glɛ* и *xlɛ* весьма заметно отстает от произношения этих звуков во всех наречиях абхазского языка в силу отсутствия в них палатализованности; в абхазском же и тому и другому звуку сопутствует резко выраженная, независимая от положения внутри звуко сочетания, палатализованность, помимо той разницы, что в *glɛ* и *xlɛ* абхазских участие надгортанника (аналогично тому, что имеет, как сказано, место при образовании *gl*) значительно ослаблено и, в частности, при *glɛ* отсутствует совершенно.

Абазинские звуки *gl* и *glɛ* являются нормальным субститутом кабардинских *gɛ* и *gɛɛ* в заимствованных из кабардинского языка словах и формах: *glɛaza* «руководитель» (кабард. *gɛvaze*); *glɛza* «товарищ» (кабард. *gɛvɥse* — старое слово, имеющееся и в наречиях абхазского языка в форме *aglɛvɥza*; обращает на себя внимание чередование с ~ *z*); *nyʝɛzɛglɛ* «товарищ» (кабард. *nyʝɛgɛgɛ*); *zalyɥmɥglɛ* «насилие» (кабард. *zalyɥmɥgɛ*) и т. п.

Взрывные (смычные) фонемы абазинского языка

Общая характеристика взрывных согласных. Взрывными, или смычными, звуками принято называть такие звуки, которые образуются при раскрытии (или, что бывает реже, при смыкании) плотно сомкнутых речеобразующих органов, создающих в том или ином месте полный затвор, препятствующий выходу струи выдыхаемого воздуха. В зависимости от места смыкания взрывные классифицируются на губные, зубные, переднеязычные, заднеязычные и гортанные. Количественно в системе абазинского языка взрывные уступают спiranтам первое место по числу соответствующих фонем, в свою очередь превосходя в этом отношении аффрикаты. В ряду фонем, одинаковых по месту образования, различаются по характеру участия гортани звонкий, смычногортанный и глухой варианты.

Губные взрывные. Губных взрывных фонем насчитывается три: *b*, *pl* и *p*.

Звонкое *б*, например: *барà* «ты» (женщина), *абыб*, «мелкая пыль», *баба* «пушистый», *амба́та* «кучка сена», *а́рба* «петух», *абабарà* «видеться друг с другом», *абыла́* «гореть». Долгое *бб* встречается в морфологических сочетаниях, например: *ббаб* «ты (женщина) увидишь».

Смычногортанное *пI*, например: *пIàтла* «срок», *пIапIыйна* «чуб, остроконечная шапка», *напIы* «рука», *пIу́ла* «ус», *тлàпIа* «великий», *пIыйпIый* «название птицы». Звук *пI* довольно редкий звук в абазинском языке, так же как и соответствующий смычногортанный зубной *тI*. В принятой системе орфографии *пI* служит графической заменой произносимого в действительности *б* в окончаниях некоторых глагольных форм (ср. выше).

Глухое *п*, например: *па* «сын», *парà* «плести» (шнур), *пýнцIа* «нос», *апàх* «впереди», *а́рпыз* (sic! Ред.) «малчик», *пýза* «вожак», *а́лпыха* «плоть», *а́лспà* «щенок».

Зубные взрывные. Зубных фонем имеется также три: *д*, *тI* и *т*. Образуются они спинкой языка, прижимаемой к задней поверхности верхних зубов.

Звонкое *д*, например: *да* «жила», *да́ра* «очень, весьма», *ады́на* «нечто, что-либо», *адыдра́* «греметь» (о громах), *дадыргы́* «верстено», *дцàд* «он кошел», *да́да* «иана, дядя». Долгое *дд* имеем в сочетаниях, например, *дда́гвыб* «он глухой».

Смычногортанное *тI*, например: *тIàтIа* «мягкий», *тIапIàнта* «абазин», *атIра́* «открывать», *артIла́ра* «распарывать», *тIыгв* «обух», *тIеIыш* «сера», *лымтI* «грязь» (на теле).

Глухое *т*, например: *та́ба* «сковорода», *та́ра* «футляр», *артра́* «стоять», *ты* «барае», *тыл* «шалаш», *тыутын* «табак», *а́лхьарта* «школа», *а́лсйт* «дай мне».

Переднеязычные взрывные. Передне (или твердо) небными фонемами являются *гь*, *кIь*, *кь*, *г*, *кI*, *к*, *гв*, *кIв*, *кв*. Различие между типами *гь*, *г* и *гв* заключается в дополнительных артикуляциях: палатализации при *гь*, лабиализации при *гв* и связанном с ними незначительном перемещении места смыка вперед (при палатализации) и назад (при лабиализации) сравнительно с местом образования простого *г*.

Звонкий палатализованный *гь*, например: *гьагьàра* «круг, окружность», *гьажьы́* «круглый», *агьыйн* «и так далее», *мыджьгьы́лц* «нитка, продеваемая в ушко иглы», *уадгьы́на* «колокольчик».

Звонкий *г*, например: *агàра* «люлька», *ган* «ширина», *гьларта* «стоянка», *гыррасà* «большой орех», *а́гхара* «недоставать», *а́гIаг* «принеси».

Звонкий лабиализованный *гв*, например: *гвы* «сердце», *гва́ра* «забор», *гвадз* «пшеница», *мгва* «живот», *цгвы* «кошка», *гIа́лгвыгв* «выпуклый», *гьыбзэгьàра* «рассудительность, смысленность».

Смычногортанный палатализованный *кIь*, например: *кIьа́уа* «кузнецик», *кIьàкIьàра* «верхушка», *кIьàпа* «курдюк», *кIьдарà* «подарок», *мачькIьыс* «палец», *цIынкIьàра* «бородавка», *жа́кIьа* «борода». Долгое *кIькIь* имеем в слове *акIькIьàра* «ржать».

Смычногортанный *кI*, например: *акIакIа̀на* «грецкий орех», *акIр̀а* «держать», *акIыкIа* «грудь, сосок», *акIылакIра* «втыкать», *чэкIашвар̀а* «выпасть» (из рук), *шэкIы* «сотня», *мызкIы* «один месяц», *кIыркIыла̀ш* «чечевица». Фонематическое значение имеет противопоставление долгого и краткого *кI*, например, в *кIкIара* «блестеть»; ср. *кIара* «нитка толстая» (шерстяная).

Смычногортанный лабиализованный *кIе*, например: *а̀кIеа* «пазуха», *шкIеа̀кIеа* «белый», *кIеымжэы* «черкесска», *акIеыр̀р̀а* «ползти», *кIеыуу* «курица». Долгий (геминированный) вариант *кIе́кIе* представлен, например, в слове *чы́кIе́кIе́р̀а* «выщипывать, выдергивать».

Глухой палатализованный *кь*, например: *акьа̀л* «хижина», *акьр̀а* «вздохнуть», *ласар̀а́кь* «моток шерсти», *кьым* «волчок», *цкьа* «чистый», *шва́кь* «ружье», *акьы́нды* «5 часов пополудни».

Глухой *к*, например: *ка́мса* «лохматый», *ла́кта* «лицо», *кы́т* «селение», *кша́р̀а* «бить», *клы́б* «напильник», *пы́ка* «мягкий».

Глухой лабиализованный *кэ*, например: *кэа* «дождь», *кэа́тə́н* «плуг», *кы́ныцI* «внутренность», *кэры́с* «сноп», *акэ́цIа́р̀а* «положить на что-либо», *шкэ́ы́тыу* «все», *пы́кэ* «губа».

Палатализованные *гь*, *кIь* и *кь* встречаются часто в заимствованных из кабардинского языка словах; в настоящее время в самом кабардинском эти звуки произносятся в зависимости от говора или как *гь*, *кIь*, *кь*, или как аффрикаты *джь*, *чI*, *ч*. (Последнее произношение является господствующим.)

Заднеязычные взрывные. Задне(или мягко)язычными фонемами являются: *кэ́э*, *кэ́*, *кэ́е*, *хэ́*, *хэ́е*. Из них *кэ́э* палатализованное отличается более передним местом образования сравнительно с *кэ́* и *хэ́*. Последний звук в свою очередь характеризуется той особенностью, что при произношении его (равно как и соответствующего лабиализованного *хэ́е*) язык совершает в момент взрыва движение назад, напоминая движение, которое бывает при глотании.

Палатализованный смычногортанный *кэ́э*, например: *кэ́эа́р̀а* «махать», *кэ́эы* «навоз», *хIа́кэ́эа* «плоский камень», *кэ́эа́кэ́эра* «плоскость», *цIкэ́эа́р̀а* «подкладывать, бить шерсть», *ба́цIкэ́эа* «плетень».

Смычногортанный *кэ́*, например: *кэ́а́ма* «кинжал», *кэ́а́кэ́р̀а* «дробить» (зубами), *кэ́а́зэ́кэ́* «казак», *ла́кэ́ы́рд* «насмешка», *джэ́а́нIкэ́* «стебель», *пIкэ́ы* «поясница».

Смычногортанный лабиализованный *кэ́е*, например: *кэ́еа́л* «мальчик», *а́кэ́еа́кэ́еа* «спина», *кэ́еы́рма́кэ́а́й* «кадык», *кэ́еы́ш* «умный», *а́нкэ́еа́кэ́эры́* «соревнование», *ны́кэ́эгэ́ара* «таскать на себе», *пIкэ́эы́л* «боченок, кадушка».

Глухой *хэ́*, например: *хэ́а* «голова», *хэ́а́р̀а* «далеко», *хэ́ы́бра* «крыша», *хэ́ы́мна* «шапка», *хэ́ы́пара* «перешагнуть»¹, *а́пхэ́а́* «впереди», *а́хэ́тIр̀а* «открывать», *бла́хэ́* «лопатка для мамалыги».

Глухой лабиализованный *хэ́е*, например: *хэ́еа́хэ́еа* «кривой», *хэ́еа́ра́р̀а* «душить», *хэ́еы́* «доля, пай», *хэ́еы́ц* «волос», *а́бхэ́е* «скала», *а́нхэ́еа* «теща свекровь», *хэ́еа́лны́* «вечером», *ма́хэ́еы́лэ́а́* «запястье» (руки).

¹ Точнее «перепрыгнуть». (Ред.).

Гортанный взрывной. Гортанной смычной (взрывной) фонемой является *э*; образуется этот звук путем взрыва смыка плотно сомкнутыми голосовыми связками гортани. Примеры: *дыгаб* «он существует», *ауага* «там», *азыга* «способный», *шега* «книга», *цэга* «сошка», *зэга* «мастер», *йахыгыу* «там, где оно находится», *дыгума* «существует ли он?». Необходимо отметить редкость сочетания *зы* и склонность к замене сочетания *мз* посредством *аз*; это явление имеет свою аналогию в явлениях, наблюдаемых в сочетаниях неопределенного гласного *ы* с надгортанными звуками *гI* и *хI*, о чем ср. выше.

Аффрикатные фонемы абазинского языка

Общая характеристика аффрикат. Аффрикатами называются звуки, представляющие собой такое тесное сочетание смычного с близким к нему по месту образования спирантом, что данное сочетание представляет собой единый звук, неразложимый, с точки зрения говорящего, на свои составные элементы. Сравнивая, например, такие слова, как *цIа* «тонкий», *тIса* «олово», *джымса* «бровь» и *д-жьыла* «оставлять около чего-либо», *тшйага* «тяпка» и *т-шшара* «котловина», нетрудно заметить существенную разницу: 1) в отчетливости, с какой в сочетаниях *тI-с*, *д-жь*, *т-шш* различаются составные элементы, в отличие от неразложимых *цI*, *джь*, *тш*; 2) в быстроте, с какой совершается переход от смычки к спиранту в *цI*, *джь*, *тш*, сравнительно с замедленностью и постепенностью перехода от одной работы к другой в последовательности *тI-с*, *д-жь* и *т-шш*.

Абазинский язык имеет 12 аффрикатных фонем, относящихся по месту своего образования к зубным, алвеолярным и переднеязычным. Сюда относятся: *дз*, *цI*, *ц*, *джэ*, *чIэ*, *чэ*, *джь*, *чI*, *ч*, *дж*, *шI*, *тш*.

Зубные аффрикаты. Зубных аффрикатов насчитывается три: *дз*, *цI*, *ц*. Различаются они так же, как и соответствующие зубные смычные, по характеру участия при их образовании гортани, на звонкую, смычногортанную и глухую разновидности.

Звонкий зубной аффрикат *дз*: *дзы* «вода», *адз* «иней», *амдзакI* «край», *рымдза* (чередуются с *рымза*) «скамья», *адзын* «осень», *дзбьла* «кормысло», *адзадз* «шило», *дза* «бок», *дзацIыс* «ребро». Долгое *дэдз* слышится, например, в слове *дэдзыц* «ласка».

Смычногортанный зубной аффрикат *цI*: *цIа* «тонкий», *цIацIара* «подкладывать», *цIыдз* «блоха», *ацIыцIара* «выходить из-под чего-либо», *цIырыцIыра* «кричать, визжать», *анцIара* «вкладывать», *амцIа* «перед чем-либо», *уынцI* «уйти отсюда»; долгое *цIцI* находим в сочетаниях, например: *ацIцIыхра* «уходить из-под чего-либо».

Глухой зубной аффрикат *ц*: *ца* «санетка», *цара* «сычуг», *цыца* «редька», *йацы* «вчера», *амца* «огонь», *ац* «удар грома», *цыыхцара* «завидовать», *мцы* «ложь», *рцара* «уводить, угонять».

Долгое *цц* возникает в сочетаниях, например: *аццара* «идти вместе с кем-либо».

Альвеолярные аффрикаты. Альвеолярными лабиализованными аффрикатами являются *дже*, *чIе*, *че*. В произношении этих звуков наблюдается такое же разнообразие и колебание по говорам и наречиям, какое мы видели при рассмотрении относительно *шв* и *жв*. В Дударуково-Бибердовском говоре абазинского языка они являются всегда альвеолярными лабиализованными шипящими аффрикатами, с лабиализацией продолговатого типа, характерной и для *шв*, *жв*. Кумско-Лоовский говор характеризуется заметным ослаблением лабиализации и передвижением места основной артикуляции немного вглубь, к передней части твердого неба; таким образом, звуки *дже*, *чIе* и *че* соответственно сближаются и совпадают с аффрикатами *дж*, *шI* и *ти* (о них см. ниже). В Лоовско-Кубанском говоре мы имеем два ряда фонем. Один ряд вполне соответствует шипящим *дже*, *чIе*, *че* Дударуково-Бибердовского говора; второй ряд, условно обозначаемый нами как *дзе*, *цIе* и *це*, представляет то отличие, что образуется не у альвеол, а у верхних зубов и сопровождается лабиализацией иного типа, приближающегося к господствующему типу округлой лабиализации, сопутствующей соответствующим артикуляциям взрывных и группы лабиализованных задних спирантов. Различие, представляемое лабиализованными аффрикатами в Лоовском говоре абазинского языка, отражает старое различие, существующее в абхазском языке в форме различия между зубными лабиализованными аффрикатами *де*, *тIе*, *те* и альвеолярными *дже*, *чIе*, *че*. При постепенной утрате тапантинскими говорами зубных лабиализованных Лоовский говор сохраняет зубную локализацию этих звуков, утраченную другими говорами, вследствие чего у них совпали в группе альвеолярных два первоначально различных по месту образования типа звука. В абхазских наречиях наблюдается незначительное колебание в способах образования аффрикатов *дже*, *чIе*, *че*¹; в Кодорском преобладает акустический тип свистящих и в Бзыбском (так же как и в Зеленчукском абазинском) — шипящих аффрикатов.

Звонокый лабиализованный аффрикат *дже*, например: *джвара* «рвота», *даджей* «один» (разумный), *джейкцIара* «начинать», *джейлцIара* «выходить» (наружу). Долгая разновидность, имеющая фонематическую значимость, представлена словом *джвджвара* «мыть» (ср. *джвара* «рвота»).

Смычногортанный лабиализованный аффрикат *чIе*, например: *чIе* «печень», *чIван* «суп, мясной навар», *чIвы* «собственность», *чIеры* «длинный», *рчIера* «дубить», *чIегIа* «рог», *мчIачIа* «ложка», *чIейуара* «платье», *хIвынчIей* «грязь», *чIекъа* «кислый». Долгая фонема *чIеч* представлена в противоположении *чIечIара* «переломиться» (ср. *чIа*, «сидеть»).

Глухой лабиализованный аффрикат *че*: *ча* «кожа, сено», *чагъа* «пахать», *чы* «бык», *чымла* «лестница», *бча* «весенняя шерсть бар

¹ В южноабхазских диалектах имеются лишь свистящие лабиализованные аффрикаты *дзе*, *це*, *цIе*. (Ред.).

нов», *хьырчвэгъ* «раковина», *алабъче* «растрепа», *уыче* «спи»¹, *уымчын* «не спи».

Переднеязычные аффрикаты. Переднеязычными шипящими аффрикатами являются: *джь*, *чI*, *ч*, *дж*, *шI*, *ти*. Из них первые три — мягкие и соответствуют мягким спирантам *жъ* и *щ*, последние три — твердые и соответствуют твердым спирантам *ж* и *ш*.

Звонкий, мягкий шипящий аффрикат *джь*, например: *джьаръ* «где-либо», *джьащаръ* «удивляться», *джьымсъ* «бровь», *ръйджьра* «сжегиться», *хIампIладжь* «ступка», *лактапъджь* «улитка», *чыбджьый* «переп».

Смычногортанный мягкий шипящий аффрикат *чI*, например: *чIдъчIа* «ночка», *чIахъва* «хлеб», *гъчIыс* «пыленок», *чIыда* «лишний», *мачI* «немного», *чIкIыын* «маленький», *бчIы* «корь». Долгий звук *чIчI* имеем в непроизводной основе *чIчIаръ* «трескаться» (например, о коже на руках).

Глухой мягкий шипящий аффрикат *ч*, например: *чашъ* «род печения», *чачпъу* «род женского украшения», *чыр* «сосунок», *гъычра* «воровать», *тынч* «спокойный», *мчы* «сила», *чаръ* «кушать», *гIгъыча* «одежда».

Долгий *чч* имеем, например, в сочетаниях основ, в слове *ччара* «кормушка» (для лошадей, из *ти* + *чара*) и в основе *аччъвара* «дремать».

Звонкий твердый шипящий аффрикат *дж* представляет собою редкий звук, встречающийся в единичных словах, как, например, *джыш* «чеснок», *джыр* «сталь», *хьыдж* «пень», *хьваджа* «род растения».

Смычногортанный твердый шипящий аффрикат *шI*, например: *шIа* «рот», *шIагъашIаъ* «картавший», *уашIаъ* «остановись», *шIыуна* «погреб», *шIыхра* «ломать кукурузу», *шIчIвара* «переломиться», *мишIы* «дрова», *хьшIхьшI* «хруст», *тишIыс* «жеребенок».

Глухой твердый шипящий аффрикат *ти*, например: *атиша* «матка оленя», *тишъга* «тляпка», *тицан* «кобылица» *ртишатцара* «разрыхлять землю», *тишъ* «лошадь», *тинъыла* «днем», *ртишра* «складывать». Фонематического значения противопоставление *пытиштиръ* «разбиться вдребзги» (ср. *пытиръ* «разбиться»).

Особенности смычногортанных фонем. По поводу всех вообще вышеуказанных смычногортанных звуков абазинского языка следует заметить, что характеризующая их в отчетливом произношении (особенно вне связи речи) напряженность артикуляции отсутствует нередко в нормальной разговорной речи, и смычногортанные заменяются в этом случае простыми (т. е. лишенными гортанной смычки) взрывными звуками; отличие их от соответствующих глухих состоит в этом случае в отсутствии характерного для этих последних придыхания, образуемого вследствие постепенности размыкания образующей звук смычки.

Классификация фонем абазинского языка. Таким образом, звуковая система абазинского языка насчитывает всего, включая сюда и 4 не вполне самостоятельные гласные фонемы (*е*, *о*, *и*, *у*).

¹ Следует — «засни, усни». (Ред.).

71 простую фонему (по говору, положенному в основание литературного языка) или 76 фонем (по Лоовскому говору). Если присоединить сюда и долгие фонемы, стоящие как бы на грани между звуко сочетаниями, возникающими лишь в связи речи, и самостоятельными, неразложимыми звуками (а таких насчитывается до 12), получаем цифру 83 или — по Лоовскому говору — 88 фонем, из коих 6 гласных, а 77 (или соответственно 82) согласных. Такое исключительное звуковое богатство абазинского языка выделяет его даже среди языков Кавказа и резко отличает от большинства европейских языков.

Изложенную выше и иллюстрированную примерами классификацию согласных фонем абазинского языка можно представить наглядно в виде следующих таблиц:

Таблица I

Согласные фонемы абазинского языка

Сонорные фонемы

Губной	<i>y</i>	Зубной-носовой	<i>n</i>
Губной-носовой	<i>m</i>	Альвеолярный	<i>r</i>
Зубной латеральный	<i>l</i>	Твердонебный	<i>ɣ</i>

Таблица II

Спиранты

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Губные	<i>β</i>	<i>βI</i>	<i>β̥</i>
Зубные	<i>z</i>	—	<i>z̥</i>
Зубные (латеральные)	<i>ɬ</i>	<i>ɬI</i>	<i>ɬ̥</i>
Альвеолярные (лабиализованные)	<i>ʒ</i> (<i>ʒβ</i>)	—	<i>ʒ̥</i> (<i>ʒβ̥</i>)
Переднеязычные			
а) мягкие	<i>ʃ</i>	—	<i>ʃ̥</i>
б) твердые	<i>ʒ</i>	—	<i>ʒ̥</i>
Среднеязычные			
а) простой	—	—	<i>ʃ̥</i>
б) лабиализованный	—	—	<i>ʃ̥β̥</i>
Заднеязычные			
а) палатализованные	<i>ʃ̥β̥</i>	—	<i>ʃ̥β̥</i>
б) простые	<i>ʃ̥</i>	—	<i>ʃ̥</i>
в) лабиализованные	<i>ʃ̥β̥</i>	—	<i>ʃ̥β̥</i>
Гортанные			
а) простые	<i>ʃ̥I</i>	—	<i>ʃ̥I</i>
б) лабиализованные	<i>ʃ̥Iβ̥</i>	—	<i>ʃ̥Iβ̥</i>

Таблица III

Взрывные

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Губные	<i>б</i>	<i>пI</i>	<i>п</i>
Зубные	<i>д</i>	<i>тI</i>	<i>т</i>
Переднеязычные			
а) палатализованные	<i>гъ</i>	<i>кIъ</i>	<i>къ</i>
б) простые	<i>г</i>	<i>кI</i>	<i>к</i>
в) лабиализованные	<i>гв</i>	<i>кIв</i>	<i>кв</i>
Заднеязычные			
а) палатализованные	—	<i>къь</i>	—
б) простые	—	<i>къ</i>	<i>хъ</i>
в) лабиализованные	—	<i>къв</i>	<i>хъв</i>
Гортанный	—	<i>ъ</i>	—

Таблица IV

Аффрикаты

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Зубные	<i>дз</i>	<i>цI</i>	<i>ц</i>
Альвеолярные			
лабиализованные	<i>джв (дзв)</i>	<i>чIв (цIв)</i>	<i>чв (цв)</i>
Переднеязычные			
а) мягкие	<i>джъ</i>	<i>чI</i>	<i>ч</i>
б) твердые	<i>дж</i>	<i>шI</i>	<i>тш</i>

Фонетические особенности наречия Шкарава. Представленная нами система звуков абазинского языка наречия Тапанта ничем по существу не отличается от системы, господствующей в абхазском и в том наречии абазинского языка, которое мы называли Шкараванским (Зеленчукским). Отступления Зеленчукского наречия, помимо отступлений, отмеченных попутно выше, при характеристике отдельных фонем абазинского языка наречия Тапанта, сводятся к следующим:

1) Зеленчукское наречие имеет факультативно, наряду с краткими гласными *а* и *ы* долгие, не дифтонгические (в отличие от Тапантинского) *аа* (ср. выше сказанное по поводу абазинской фонемы *гI*), *ее* и *оо*; *ее* и *оо* возникают постоянно в соответствии тапантинским сочетаниям *йа ~ ай* или *уа ~ ау*, например: *йыжарцIоо* (из *йыжарцIау*) «то, что они делают», *дцеетI* (вм. *дцайтI*, ср. тапант. *дцад*) «он пошел», *йыбреетI* (вм. *йыбraitI*) «полетела» (о птице), *чоон* (тапант. *чуан*) «котел», *йыкъеецIоо* (из *йыкъайцIау*) «то, что он делает», *сцоон* (тапант. *сцуун*, *сцауан*) «я шел».

Кроме того, Зеленчукскому наречию (в частности, говору селения Апсуа) свойственно частое появление дифтонга *уй* (как, например,

йысфййтI «я кушаю», *сцуйтI* «я иду» и т. п.), неизвестного тапантинскому наречию (соответствующие тапантинские формы *йысфййд*, *сцыйд* и т. д.).

2) Зеленчукское наречие имеет, как упоминалось выше, зубные лабиализованные аффрикаты *дв*, *млв*, *тв*, в которых образуемые нормально *д*, *тI* и *т* сочетаются с губным дрожащим звуком типа *р*, звонким при *д*, глухим при *тI* и *т*. Из этих трех звуков наиболее часто встречается глухое *тв*, значительно реже *млв*, *дв* представлено в единичных морфемах. Кувинскому говору Зеленчукского наречия свойственна факультативная замена этих аффрикатов простыми *д*, *тI* и *т*. Зубные лабиализованные аффрикаты представляют собой наиболее заметную, бросающуюся в глаза особенность Зеленчукского наречия, по этому именно признаку противопоставляемого обычно тапантинскому.

Сочетание звуков

Явление ассимиляции. Только что рассмотренные нами в отдельности звуки, каждый из которых играет определенную смысловую роль, влияя во всяком случае своим присутствием в том или ином сочетании звуков на значение (будь то значение реальное или грамматическое), в силу чего они и являются реально существующими звуковыми единицами языка (фонемами), обладают все же в значительной мере лишь условной, теоретической самостоятельностью фонетического элемента звуковой системы. В речи эти единицы представлены неизменно в сочетании с другими, им подобными единицами, и, находясь в окружении других звуков, звук подвергается нередко заметному на слух воздействию своих соседей. Основной причиной подобного воздействия служит естественное стремление произносительных органов занять наиболее выгодное положение, облегчающее произношение того или иного звукосочетания. Поэтому-то различие в артикуляции двух соседних звуков по возможности сглаживается или же устраняется, и отсюда возникают многочисленные во всех языках случаи ассимиляции (уподобления) звуков. Действию ассимиляции, изменяющей звуки в сторону их частичного или полного уподобления соседним звукам (наиболее типичный случай наблюдается тогда, когда предшествующий звук уподобляется последующему, каковое явление принято называть регрессивной ассимиляцией), противодействуют зачастую интересы смысловые: изменение каждого звука, в силу самостоятельной значимости отдельного звука-фонемы, может повлиять отрицательно на понимание смысла всего комплекса звуков. Характерной и важной особенностью абазинского языка, как мы увидим далее, служит то, что в нем в степени значительно большей, чем, например, в русском и большинстве европейских языков, с каждым единичным звуком связывается нормально четко определяемый реальный или формальный смысл. В силу этой дробности осмысления (семасиологизация) отдельных звуков, входящих в состав звукосочетания, действию ассимиляции представляется весьма

ограниченное место в абазинском языке, и явления комбинаторных изменений сводятся к вполне ограниченному грамматически количеству типов звуко сочетаний.

Мы отвлекаемся здесь от сравнительно редких примеров звуко сочетаний, подвергшихся ассимиляции и искажению первоначального состава, какие дает этимологический анализ некоторых слов абазинского языка, например, слова: *гIвымсәга* «веник, метла» (возникло из сочетания слов *гIены* «дом», *псәга* «средство, орудие подметания», отсюда *гIвыпсәга* — *гIвымпсәга* — *гIвымсәга*). Этот пример показывает, что важным условием осуществления ассимиляции служит предшествующая изменению звуков утрата элементами сочетания своего полного значения (первоначальное *гIены* сохранилось в абазинском в особой падежной форме: *гIена* и лишь в специальном значении «кухня», тогда как для понятия «дом» употребляется *атдзы*).

Комбинаторные изменения звуков

Изменения систематические. В предшествующем изложении нами приводились уже примеры изменений, претерпеваемых отдельными звуками языка при сочетании их с другими и называемых комбинаторными (т. е. возникающими в связи). Сюда относятся: 1) изменения гласного *a* под влиянием сонорных *й* и *y* (см. выше); 2) изменения глухих *c*, *ш* и *хI* в глагольных формах под влиянием звонкого согласного в начале глагольной основы (см. выше); 3) изменение гласного *ы* в гласный *a* под влиянием соседящих гортанных *гI*, *хI*, *з* (см. выше).

К приведенным примерам следует добавить ряд постоянных изменений конечных звонких *б* и *д* (в глагольных формах), попадающих в соседство глухих, чаще всего формативов *х* и *ш*, в соответствующие глухие; ср., например, произношение *сычыуцит* «я буду спать (вм. *сычыуцид*), *сәсыпцита* (вм. *сәсыб + цита*) «я ударю и...», *саст* (вм. *сасд*) «я ударил», *сгәдхьмиваст* «я не опаздывал» (вм. *сгәдхьмивасд*), *йыхIнәтхт* «оно дало нам», (вм. *йыхIнәтхд*), *дсырхәвйхп* «я его испытую» (вм. *дсырхәвйхб*) и т. п.

Важным в грамматическом отношении примером явления, противоположного ассимиляции и называемого разуподоблением или диссимиляцией, служит систематический переход *p* (в значении местоименного префикса действующего лица в глагольных формах переходного значения) в *д* в формах повелительного залога. Явление диссимиляции основано в данном случае на стремлении избежать необходимости произнесения дважды подряд сонорного *p*.

Мы видим также, что явлению ассимиляции противостоят те примеры, в которых интересы сохранения смысла парализуют возможность изменения; так, например, *слабә* «моя палка» никогда не изменяется в *злабә* (означало бы «чья палка»), *шела* «ваша собака» не изменяется на *жела* (означало бы «семя») и т. п., хотя фонетические условия

здесь по существу ничем почти не отличаются от таких примеров, как *йыбыйд* (вм. *йысыйд*), *йыжбыйд* (вм. *йышебыйд*) и т. п.

Тем не менее перечисленные примеры изменений могут быть охарактеризованы в общем как закономерные и систематические, наступающие всякий раз, когда имеет место звуковое сочетание определенного типа.

Изменения спорадические. Наряду с явлениями систематическими есть примеры ассимиляционных изменений единичных или спорадических. Сюда относятся отдельные, изолированные случаи, как: *ачыҕыс* «бычок» (из *аче* «бык» + *шыс* «молодой»), *ажыҕыс* «телка» (из *ажы* «корова» + *шыс*), *ажта* (вм. *ажта* «находящееся в сердце, сердцеви́на») «середина», *чыҕыча* «одежда» (вм. *тыҕыча* из *ты* «возвр. местоим. «себя» + *гыча* «украшение»), *пкыра* «молотить», *пкыда* «пеп» (вм. *бкыра*, *бкыда*, ср. *йыбкыйд* «молочу»), *атыҕыста* «место около очага» (вм. *атыҕыста*, из *тыҕыста* «очаг» + *та* «местонахождение»), *ачыра* «кормушка» (вм. *атычыра* из *атый* «лошадь» + *чыра* «место еды») и т. д.

Частичное изменение звуков. Рассматривая вопрос с точки зрения характера изменений, которые вызываются действием закона ассимиляции, комбинаторные изменения можно классифицировать на частичные и полные. Частичными изменениями являются такие, в которых звук, подвергающийся ассимиляционному изменению, сохраняет свою обособленность, утрачивая лишь некоторые, наиболее неудобные для произношения в составе данного звуко сочетания черты. В результате такого частичного уподобления возникают иногда оттенки звуков, лишенные самостоятельного значения в речи, вне данного сочетания немислимые и не сознаваемые, как правило, в своих особенностях. Ярким примером столь незначительных изменений звуков, что их не приходится никак выразить средствами существующего абазинского алфавита, служат систематические изменения звонких согласных местоименных частиц спряжения, присоединяемых к основам глаголов, начинающихся на глухой согласной, например, *быҕыйд* «ты (женщина) мажешь» (от глагола *чыҕра*), где формант *б* утрачивает в значительной мере свою звонкость, но и не переходит совершенно в *п*, а занимает среднее положение полувзвонкого.

Частичные, комбинаторные изменения звуков бывают постоянно в следующих положениях:

1) В положении перед лабиальным согласным нелабиализованные согласные приобретают особый характер частичной лабиализованности; ср. различие *х* и *г* в примерах: *йыхыд* «он работал», с одной стороны, *йыхыҕыд* «он будет работать», с другой, или *йыгыд* «я принес» и *йыгыҕыд* «я принесу» и т. п.

2) В положении перед палатальным согласным *й* непалатализованные согласные приобретают частичную палатализованность; ср., например, *п*, с одной стороны, в *пйара* «встречать» и, с другой стороны, в *пйара* «работать».

3) В положении перед звонкими глухие и перед глухими звонкие утрачивают отчасти или вполне свой характер и переходят частично или вполне в соответствующую категорию звонких или глухих. Помимо примеров, приводившихся выше, ср. еще *амыжда* «несчастный» (вм. *амыида* от *ами* «день, удача», *да* «без»), *сцэзтхIа* «хотя я и пошел» (вм. *сцэзд+хIа*), *дэйлытта дчэджэйд* «он встает и говорит» (вм. *дэйлыд+та дчэджэйд*; *д* в начале последнего слова отличается особым характером полувонкости, для какового звука нет специального буквенного обозначения), *йыбэпп* «она вязкая, липкая» (о грязи) (вм. *йыбэпб*) и т. п. Равным образом наблюдаются случаи перехода глухих и звонких в смычногортанные под влиянием следующего смычногортанного и обратно, ср. например, *бацIкэъа* «плетень из хвороста» (вм. *бацкэъа*, ср. *баца* «хворост»), *уапчэй* «войлок» (вм. *уапIчэй*, ср. *уапIа* «бурка»), *йылэжIмI* «она смогла поймать» (вм. *йылэжIд*) и т. п.

Полное изменение звуков. Полными по своему результату комбинаторными изменениями оказываются те случаи изменений частичных, когда в результате уподобления возникают долгие звуки. Это бывает чаще всего тогда, когда пришедшие в соприкосновение звуки различались первоначально только по характеру участия в их произношении гортани, как, например: *дэйлытта*, *йыбэпп* и т. п. (ср. эти примеры выше).

К перечисленным категориям ассимиляционных и диссимиляционных изменений звуков в составе звуко сочетаний остается добавить единственный, весьма редко встречающийся в абазинском языке особый тип ассимиляционного упрощения, состоящий в утрате целого слога, когда он начинается с одинакового с предшествующим слогом звука, в двух рядом стоящих слогах. Сюда относятся примеры типа: *ансэйкэша* (*ансыкэша*) «ежегодно» (вм. **ансэйсыкэша*, **ансыкэша*).

Слог и виды его

Сущность слогообразования. Сочетаясь друг с другом, отдельные звуки образуют цепь звуков, находящихся в тесной взаимной связи и влияющих нередко, как мы только что видели, один на другой. Сочетающиеся в такой звуковой ряд звуки различаются, естественно, по степени своей акустической слышимости, и в каждой данной последовательности звуков выделяются на общем фоне отдельные моменты большей звучности. Количество моментов относительно большей звучности (слышимости), содержащихся в известном отрезке произносимой речи, определяется фонетически количество слогов, имеющих в цепи звуков, составляющей взятый нами отрезок речи. Таким образом, слогом называется такой, состоящий из одного или нескольких отдельных звуков, отрезок речи, который характеризуется прежде всего моментом большей звучности на фоне соседящих звуков меньшей звучности.

Вторым важным моментом, определяющим количество слогов в данной последовательности звуков, служит способ произношения входя-

щих в ее состав согласных. Каждый согласный, как допускающий произвольно длительное протягивание его в произношении (а таковыми являются все согласные, за исключением простых мгновенных), так и не допускающий, может быть произнесен двойко: с усилением выдоха в начале и ослаблением в конце произношения или, наоборот, с ослаблением в начале и усилением в конце; согласные, допускающие протягивание, могут быть произнесены еще и третьим способом, а именно с усилениями в начале и конце и ослаблением посередине. В зависимости от того или иного способа произношения согласного данный согласный оказывается признаком начала слога, конца его или границы между двумя соседящими слогами. Ср. различный, в указанном смысле, характер *с* в словах: *â-са-с, са-сѝ, а-бâ-с, âс-са, а-сѝс, у-с, âс-кѝш, сѝкѝ-шѝ, â-лас, ла-сѝ-лас* и т. п. (дефисом разделены здесь отдельные слоги).

Виды слогообразования. Роль звука, образующего слог, играет обычно та категория звуков, которая отличается наибольшей звучностью, а именно гласные. В зависимости от того, стоит ли слогообразующий гласный в середине или на конце той группы звуков, которая объединяется в один слог, слоги распадаются на два вида: закрытые и открытые. Закрытыми называются такие слоги, в которых слогообразующий гласный находится внутри слога, открытым такие, которые имеют гласный в конце.

Таким образом, наряду с гласными, функцию слогообразования может выполнять любой звук, отличающийся от соседних с ним своей относительно большей акустической слышимостью. Мы видим поэтому во многих языках в роли словообразующих звуков сонорные, стоящие ближе других согласных к гласным. Абазинский язык, вследствие недостатка в нем гласных звуков, идет в предоставлении согласным роли главного, образующего слог звука, как уже упоминалось, значительно дальше большинства других языков и в нем эту роль выполняют, смотря по обстоятельствам, не только два гласных *а* и *ы* (сюда же относятся четыре вторичных гласных *э, о, и, у*) и шесть сонорных *й, у, м, н, р, л*, но и все спиранты и аффрикаты. Приведем примеры различных видов слогообразования в абазинском языке.

Гласный *а*: *âлапIаmIара* «смешиваться» (5 слогов: *а-ла-пIа-тIа-ра*), *âлагара* «начинать» (4 слога: *а-ла-га-ра*), *сарâ* «я» (2 слога: *са-ра*), *ла* «собака» (1 слог).

Гласный *ы*: *йырыздыргѝмыз* «установленное для них» (5 слогов: *йы-рыз-дыр-гы-мыз*), *йыгѝйѝлышѝумызд* «он не мог» (4 слога: *йыгѝ-йыл-шыу-мызд*), *пымылгѝдѝ* «верхняя часть руки» (3 слога: *пы-мыл-гѝды* или *пы-мылгѝ-ды*), *хIыынчIгѝ* «грязь» (2 слога: *хIыын-чIгѝ*), *мышы* «медведь» (1 слог).

Сонорный *й*: *йыбзâзѝд* (3 слога: *й(ы)-бза-з(ы)д* или *йыб-за-з(ы)д* из них первый и третий имеют в нормальном произношении в качестве слогообразующего согласный *й*), *йындѝцIгѝд* «они выходят» (3 слога: *й(ы)-ны-цI(ы)д*, первый и третий имеют слогообразующее *й*).

Сonorный у: у(ы)бз̣аз(ы)ун «ты жил» (3 слога: у(ы)-бза-з(ы)ун или у(ы)б-за-з(ы)ун; из них первый и третий имеют в нормальном произношении у в качестве слогаобразующего звука), у(ы)ны̣цI(ы)уид «ты выйдешь» (3 слога: у(ы)-ны-цI(ы)уид).

Сonorный м: кIом(м)униз(ы)м (4 слога: кIом-му-ни-з(ы)м, из них последний может факультативно отсутствовать, или образуется слогаобразующим м), хв(ы)мбы̣рцIа̣кIа «муравей» (4 слога: хв(ы)м-быр-цIа-кIа, из них первый образуется двояко: с помощью ы или с помощью м).

Сonorный н: а̣дз(ы)н «осень» (2 слога: а-дз(ы)н, из них второй образуется нормально слоговым н), хв(ы)нгы̣ла «наступить на что-либо» (3 слога: хв(ы)н-гы-ла-ра, из них первый образуется двояко, с помощью ы или с помощью н).

Сonorный л: арб(ы)лр̣а «жечь» (3 слога: ар-б(ы)л-ра, из них второй образуется слоговым л), йы̣гьр̣ьдс(ы)луам «оно к ним не проникает» (4 слога: йыгь-рьд-с(ы)л-уам, из них третий образуется нормально с помощью л).

Сonorный р: йы̣рышвы̣маб «вы имеете для них» (4 слога: йы-рыш-вы-маб, из них второй образуется нормально с помощью слогового р), акIе(ы)рр̣а «ползти» (3 слога: а-кIе(ы)р-ра, из них второй образован слоговым р), йандж̣вы̣кв(ы)рцIа «когда они начали» (4 слога: йанджвы-кв(ы)р-цIа, из них третий образован с помощью р; возможно и трехслоговое произношение йан-джвыквр-цIа).

Спирант ф: ат(ы)фгIара «выгрызать» (4 слога: а-т(ы)ф-гIа-ра, из них второй образован слоговым ф; возможно и трехслоговое произношение ат-фгIа-ра).

Спирант з: м(ы)зкIы̣ «1 месяц» (2 слога м(ы)з-кIы, из них первый имеет слогаобразующее з); ам̣ца̣б(ы)з «пламя» (3 слога: ам-ца-б(ы)з или а-мца-б(ы)з, из них последний имеет слогаобразующее з; возможно двухслоговое произношение ам-цабз), аб(ы)зш̣ва «язык» (3 слога: а-б(ы)з-шва, второй образован с помощью слогового з; возможно двухслоговое произношение абз-шва).

Спирант с: агIм(ы)ста «дворянин» (3 слога: агI-м(ы)с-та, из них второй образован с помощью с), йы̣гь(ы)стх̣ым «я не хочу» (4 слога: йы-гь(ы)с-та-х̣ым, из них второй может быть образован с помощью с).

Спирант жь: б(ы)жьк̣ва̣ «звуки» (2 слога: б(ы)жь-к̣ва, из них первый образован с помощью жь), аб(ы)жьба «семь» (3 слога: а-б(ы)жь-ба, из них второй образует жь; возможно двухслоговое произношение абжь-ба).

Спирант ц: ах̣ь(ы)цр̣а «тереть» (3 слога: а-х̣ь(ы)ц-ра, из них второй образуется с помощью ц), гIам(ы)цта̣х̣ь «после этого» (3 слога: гIа-м(ы)ц-та̣х̣ь, из них второй образуется слоговым ц).

Спирант шв: йы̣ры̣кв(ы)шв̣цIа «наложите на них» (4 слога: йы-ры-кв(ы)шв-цIа, третий образуется слоговым шв; возможно трехслоговое произношение йы-рыквшв-цIа).

Спирант ш: м(ы)шкIы̣ «один день» (2 слога: м(ы)ш-кIы, из них первый образован слоговым ш), х(ы)ш̣радз̣ага «педилка» (для молока)

(4 слога: *x(ы)ш-ра-дза-га*, из них первый образован с помощью слогового *ш*).

Спирант *гъ*: *тийб(ы)гъра* «чесаться» (3 слога: *тий-б(ы)гъ-ра*, из них второй образован слоговым *гъ*); *чIгым(ы)гъ* «гвоздь» (2 слога: *чIгым(ы)гъ*, из них второй образован слоговым *гъ*).

Спирант *х*: *п(ы)хдзы* «пот» (2 слога: *п(ы)х-дзы*, из них первый содержит слоговое *х*; возможно однослоговое произношение *пхдзы*), *рәхе(ы)хча* «пасть» (3 слога: *ра-хе(ы)х-ча*, из них второй со слоговым *х*; возможно двухсловное произношение *рахе-хча*).

Спирант *гъь*: *аб(ы)гъьква* «листья» (3 слога: *а-б(ы)гъь-ква*, из них второй образуется слоговым *гъь*).

Спирант *гъэ*: *аклэс(ы)гъэ* «классная доска» (3 слога: *а-кла-с(ы)гъэ* или *ак-ла-с(ы)гъэ*, из них последний может иметь слоговое *гъэ*).

Аффрикат *ти*: *п(ы)тирә* «ломать» (2 слога: *п(ы)ти-ра*, из них первый содержит слоговое *ти*; возможно однослоговое произношение *птира*).

Аффрикат *шI*: *м(ы)шIкәй* «дрова» (2 слога: *м(ы)шI-кәй*, из них первый содержит слоговое *шI*).

Аффрикат *цI*: *арб(ы)цIрә* «сжимать» (3 слога: *ар-б(ы)цI-ра*, из них второй содержит слоговое *цI*) и т. д.

В примерах, нами приведенных, мы держались обычного в абазинской письменности приема выражения слоговости согласных путем постановки перед ним *ы*. Такое обозначение слоговости согласного находит себе полное оправдание в том, что действительное произношение слогового согласного граничит с произношением его как сочетания *ы* + соответствующий (неслоговой) согласный. Такое колебание в способе слогаобразования — с помощью слогаобразующего краткого гласного *ы* или же с помощью длительного согласного — представляет существенную особенность абазинского языка, характеризующую нормальную разговорную речь и служащую источником постоянных колебаний в передаче слов абазинского языка на письме. Ближайшим основанием для таких колебаний служит разница между слогами по ударению.

Наряду с различием слогов по характеру слогаобразующего звука, важным является различие их в зависимости от ударения. Присматриваясь к типичным видам слогаобразования, мы замечаем еще одну характерную особенность абазинского языка: в слогах под ударением, как открытых, так и закрытых, возможны только гласные *а* и *ы*, в слогах без ударения, закрытых встречаются только гласный *а* и слоговые согласные. Гласный *ы* оказывается в слогах без ударения открытых только в единичных примерах, тогда, когда они содержат мгновенные взрывные, не принимающие на себя функции слогаобразования, как, например, *тыдзы*.

Колебания в количестве слогов. Вышеприведенные примеры показывают, что помимо колебания в слогаобразующем звуке нередко наблюдается колебание в количестве слогов и колебание

в границах слогораздела. Колебания в количестве слогов имеют место, например, в примерах: *амз* (1 слог), *амыз* (2 слога); *ок-тябр* (2 слога), *октя-быр* (3 слога); *со-ци-а-ай-зым* (5 слогов), *со-ци-а-айзм* (4 слога) ~ *со-цъа-айзм* (3 слога); *дынкъе-гә* «ухаживай за ним» (2 слога), *дынкъы-гә* (3 слога); *а-лых-ра* «вычитать» (3 слога), *алх-ра* (2 слога); *шйт-рә* «возглас» (2 слога), *штра* (1 слог); *рып-нй* «у них» (2 слога), *рны* (1 слог) и т. п. Колебания этого порядка должны быть стеснены по преимуществу за счет различий в темпе (быстроте) речи; полнослоговые варианты характерны для медленной, нарочито отчетливой манеры произношения.

Колебания в границах слогораздела. Колебания в границах слогораздела наблюдаются постоянно тогда, когда два соседних слогаобразующих гласных разделены больше чем одним неслогообразующим согласным, как, например: *ан-хә-га* «орудие труда» (произносится и так: *а-пхә-га*), *а-мишй* «дрова» (иначе *ам-шй*), *а-пхәр-та* «школа» (иначе *ап-хә-рта*, *ап-хәр-та*), *дзәм-гIа* «щека» (иначе *дзә-мгIа*) и т. п.

Основной причиной такой неустойчивости является однослоговость подавляющей массы морфем абазинского языка и протекающее отсюда постоянное столкновение интересов собственно-произносительных с интересами морфологического анализа синтагмы. С точки зрения чисто произносительной разделение двух и трехсоставных сочетаний согласных между слогами естественнее и удобнее; между тем большинство сочетаний согласных возникает внутри слова лишь в результате сочетания отдельных морфем, встречается и в начале слова и потому не представляет затруднений для произношения в составе одного слога — нетрудно отнести их целиком к последующему слогаобразующему гласному. Такое произношение может быть поддерживаемо и грамматическим анализом сочетания, также, как правило, не представляющим никаких затруднений для говорящих.

Господствующим, повидимому, является все же такое разделение слогов, когда из двух согласных первый относится к первому, а второй — ко второму слогу, т. е. *ан-хә-га*, *ам-шй* и т. п.

В тех случаях, когда количество согласных превышает два, первый относится к предшествующему, второй и третий (а иногда и четвертый, когда сочетаются четыре согласных) к последующему. Во всех случаях нарушения этой нормы отступления вызываются соображениями морфологического анализа, например: *апи-та* (вм. *ап-ита*) «подобно тому» (морфологически — сочетание *апи + та*), *йә-ла-газд-хIа* (вм. *йә-ла-газд-гIа*) «хотя они и начали» (морфологически — сочетание *йәлагазд + хIа*) и т. п.

Типы сочетания согласных в слоге. В начале произносительных слов встречаются в абазинском языке нормально один или два согласных, те же сочетания согласных допустимы и в конце слов. Так, одно- и двухсогласный зачин имеют, например, *багә* «лисица», *бна* «лес», *бгъы* «лист», *ца* «сапетка», *цхIә* «мост», *цIа* «тонкий», *цIа*

«дерево», *цIхы* «ночь», *да* «лягушка», *фара* «кушать», *швы* «дверь», *швиIа* «толстый», *ган* «ширина», *едый* «безрогий», *гвара* «забор», *гврәхIа* «топор», *гәза* «мастер», *хIа* «груша» и т. п.

Сочетания двух согласных, стоящих в зачине производных (с точки зрения современного понимания) слов, подчиняются в своем большинстве закону ассимиляции звуков по признаку однородности участия гортани в образовании каждого из входящих в сочетание элементов, т. е. сочетаются или два звонких, или два глухих, или два смычно-гортанных.

Однако в единичных случаях, в словах, очевидно, вторичного (производного) состава, мы видим нарушение этого правила, как, например: *бчва* «весенняя шерсть» (*б* + *чва*), *бкәра* «молотить» (произн. чаще *пIкәра*), *фгIвы* «запах», *цIба* «обвинение» (произн. чаще *дәба*) и в некоторых других. Этимологический анализ показывает, что соответствующие слова подверглись частично неправильному осмыслению, в результате чего и получилось нарушение господствующей нормы. Так, например: *бчва*, восходящее к сочетанию *п* «ранний, весенний» (ср. *әгIапын*) и *чва* «кожа» ассоциировалось с *аб* «козел»; *цIба*, составленное из *дз* «бок, сторона» и *ба* «смотреть», — ср. сочетание соответствующего абхазского слова *әвба* «подозрение», собств. «взгляд сбоку, искоса» — осмысливается, как *цI* + *ба* «взгляд из-под чего-либо», ср. *ә-цIы-хра* «вынимать из-под чего-либо» и т. п.

Реже встречаются три согласных: *цхьрыгIара* «помогать», *псарә* «стругать», *пскәу* «журавль», *псачвә* «рыба», *псымдз* «болото», *пстIа* «роса», *пидза* «красивый», *пхты* «короста», *стхIвәга* «дровни» (для вывоза снега), *цкIла* «стремя» и т. д.

В единичных, весьма редких случаях находим примеры четырех согласных в зачине производного слова: *пстхIва* «туча». Чаще такое количество согласных встречаем в сочетании самостоятельных морфем, например, *пциIцIвәракI* «четыре слога».

Сочетание четырех согласных в конце слова характеризует целый ряд плаговых форм сложного морфологического состава, например, *рархIвхд* «они им сказали», *джIашивтд* «он провалился», *дгьййзахьым-цIхд* «он не смог его согнать прочь», *дгIацIцIхд* «он окончил, вышел» (из школы), *йыгIацIшвицт* «выпускайте», *дгIаджвылдришвтхд* «они его выбросили наружу», *йыгIаквыжвгIехб* «вы перепишите», *йыгәдгIемыцтсд* «я не пропустил». Во всех примерах этого рода конечный смычный не имеет полного образования. Иногда встречаются четыре согласных и в именных сочетаниях, например: *кзәбәрднц* «кабардинцы». Сочетание четырех согласных в начале или конце слога является предельным по количеству допустимых в одном слоге сочетаний согласных. Это же число определяет собою и все сколько-нибудь часто встречаемые сочетания согласных, возникающие внутри сложных по составу слов.

Правила графического выражения количества слогов. Рассмотренные нами явления слогообразования в абазинском языке дают повод к некоторым практическим выводам, которые полезно

сделать в интересах упорядочения существующей орфографической практики.

Прежде всего необходимо сформулировать следующее основное правило графического выражения количества слогов в каждом данном слове. Соответственно наиболее отчетливому произношению, из двух чередующихся способов слогообразования неударенных слогов — с помощью гласного *ы* и с помощью длительных согласных — предпочтение надо отдавать написанию таких слогов через гласный *ы*. Таким образом, в слове пишется столько гласных букв (*а* или *ы*), сколько слогов слышится в данном слове. В частности, следует решительно осудить систему обозначения слога посредством лабиализованных согласных и сонорных *й* и *у* там, где функция слогообразования ложится на них в условиях нормальной разговорной речи. Класть в основу орфографии нормы неотчетливой речи не принято даже в условиях таких языков, где осмысление речи не связывается, как правило, с каждым отдельным слогом, как в абазинском; тем менее можно согласиться с таким небрежным отношением к обозначению слога в абазинском языке. Следует признать, конечно, что означение слоговости посредством *ы* во всех без исключения случаях не экономично. В самом деле, небезразлично с точки зрения экономии пространства, напишем ли мы, как пишут иногда *ижъийд* «они куют», или — фонетически точно — *йыжъыйыйд*, *шкытугы* «все», или *шкытыугый*, и т. п. Но представляется, что создавать в силу интересов экономии пространства принцип не фонетического, а, на подобие арабской письменности, символического написания нет достаточных оснований. Бесспорной является во всяком случае: 1) необходимость обязательного обозначения во всех слогах под ударением или *а* или *ы*; поэтому недопустимы ни в каком случае такие написания, как *ула* «твой глаз», *ила* «его глаз» *вм.* *уыла*, *йыла* (ср. *сыла*, *лыла*), *злу* «в котором находится», *вм.* *злыу*, *ауи* «тот» *вм.* *ауый*, *агула* «сосед» *вм.* *агеыла* и т. п.; 2) желательность систематического обозначения, даже и в слогах без ударения, гласного *ы* в литературе элементарно-педагогического и научно-лингвистического назначения, т. е. букварях, школьных учебниках родного языка, словарях, диалектических записях и т. п., мы пишем, следовательно, *йыжъыйыйд* [а не *йыжъыйид*], *шкытыугый* [а не *шкытугы*], *йырэхIв* [а не *ирэхIв*], *мышкIы* [а не *мышIы*], *убызъыун* [а не *у-базун*] и т. п.

Правила слогоразделения. Второй практический вывод касается: 1) правил разделения на слоги и 2) ставимых обычно в зависимости от них правил переноса слов. Нам представляется целесообразным держаться естественного произносительного принципа, хотя бы он и противоречил в некоторых единичных случаях более естественному морфологическому анализу. Следовательно, делить следует так:

1) Если между двумя гласными стоит один согласный, то он относится к следующему за ним гласному, *а-ба-ба-ра* «видеться друг с другом», *а-ны-ца-ца-ра* «предписывать».

2) Если между двумя гласными находятся два согласных, то первый из них относится к первому, второй ко второму гласному: *аб-жъд-гIап-ны* «обычно», *ам-хър-та* «просяное поле» и т. п. Следует оговорить неотделимость знаков дополнительной лабиализации и палатализации, равно как и знака *I* (в сочетаниях *фI*, *лI*), от основной буквы, например: *а-гъд-ра* «забор», а не *аг-ва-ра*, *а-хъыс-ра* «прикоснуться», а не *ах-ыс-ра*, и т. д.

3) Если между двумя гласными находятся 3 согласных, первый относится к первому гласному, последующие ко второму: *ап-тирâ* «ломать», а не *аптиш-рâ*, *âс-къша* «в (таком-то) году», а не *âскъ-ша* и т. п.

В действительности слогораздел колеблется здесь, в зависимости от морфологического анализа, чаще, чем в примерах, отмеченных в пункте 2. Предлагаемое правило регламентирует здесь единообразие, исходя из количественного преобладания примеров рекомендуемого способа слогоразделения.

4) Если между двумя гласными находится четыре согласных, первые два относятся к первому слогу, вторые два — ко второму: *апс-тхIва* «туча».

Правила переноса слов. Предложенные правила имеют в виду потребности школьной практики. Было бы нецелесообразно ставить в зависимость от данных правил слогоразделения правила переноса слов в широкой практике национального издательства. В отношении последнего минимум требований при переносе слов со строки на строку сводится к недопустимости оставления или переноса согласных без гласной или одной гласной и к неотделимости от основной буквы знаков дополнительной лабиализации, палатализации и смычно-гортанности.

Ударение

Речевые такты. Те отрезки речи, которые, как мы видели, по признаку большей звучности одного из входящих в их состав звуков, объединяются в некоторое единство, называемое слогом, так же мало самостоятельны в обыденной речи, как и составляющие их отдельные звуки. Обыденная речь строится обычно из целого ряда слогов, объединяемых в произношении в особые, следующие одна за другой группы, по признаку наличия в составе каждой группы одного более заметного слога, как бы господствующего над соседящими с ним слогами. Каждая такая группа слогов (в состав которой в абазинском языке входит обычно от 2 до 6 слогов) образует так называемый речевой такт, а признаком, по которому выделяется господствующий внутри такой группы слог, служит так называемое ударение. Мы уже упоминали в предшествующем изложении об ударении и его значении для слогообразования. Любая выхваченная из речи последовательность слогов, превышающая числом пять, будет обязательно иметь по крайней мере один слог, выделяющийся из числа других тем, что на него падает ударение.

Сущность и смысловая роль ударения. Ударение в абазинском языке состоит в том, что слог под ударением (точнее слогообразующий гласный этого слога) произносится более энергично и, повидимому, с большей затратой выдыхаемого воздуха, чем остальные, неударные слоги. С ударением в абазинском языке нормально не связано ни сколько-нибудь заметное повышение тона ударяемого гласного, ни удлинение его. В этом отношении абазинское ударение отличается слегка от русского и абхазского, в которых сила выдоха при ударении и некоторые вторичные, связанные с этим явления удлинения и повышения тона ударяемого гласного заметнее, почему определить на слух место ударения в абазинском слове обычно труднее, чем в словах указанных двух языков. Несмотря на это, роль абазинского ударения в системе языка исключительная и грамматически значительно более ответственная, чем, например, в русском. Ударение является в громадном количестве примеров единственным средством различения по смыслу слов и словосочетаний, во всех остальных отношениях ничем не различающихся. (О понятиях слово и словосочетание см. ниже). Определяя более точно, абазинское ударение выполняет двойную смысловую функцию: функцию различения слов по их реальному, самостоятельному смыслу и функцию различения слов по формальному, относительному смыслу. Приведем примеры того и другого рода.

Ударение в роли средства реально смыслового различения: *ала́ба* «кобель», *алаба́* «палка»; *амга́ла* «ручка», *амга́ла* «чувяк»; *ац́ла* «дерево», *ац́ла* «клей»; *аса́ра* «кроить», *аса́ра* «ягнята»; *ац́ара* «нестись» (о курице), *ац́ара* «острота»; *ачва́* «сон», *ачва́* «сено; гной»; *аѓера* «бежать», *аѓера* «писать»; *хза́да* «без головы», *хза́да* «главарь»; *а́ца* «кровь», *а́ца* «брат»; *а́чара* «северный склон», *а́чара* «кушать»; *а́ра* «бить», *а́ра* «ткать»; *да́ра* «очень», *да́ра* «они»; *аѓайра́* «расти, произрастать», *аѓайра́* «приходить»; *ала́гара* «начинать», *ала́гара* «молоть»; *ала́швара* «падать во что-либо, возникать», *ала́швара* «полоть»; *ала́шера́* «замерзнуть в чем-либо», *ала́шера́* «слепота»; *ажв́ера* «варить», *ажв́ера* «пить, старость»; *а́цыхра́* «разувать», *а́цыхра́* «мазать»; *ауа́да* «овца», *ауа́са* «так»; *а́хра* «косить, толочь», *а́хра* «скала»; *а́цара* «сычуг», *а́цара́* «идти»; *а́ла* «глаз», *а́ла* «собака» и т. д.

На грани между реально смысловой и формально смысловой различительной функцией ударения стоят такие примеры: *а́йх́лавад* «они его попросили», *а́йх́лавад* «он сказал» (здесь *а́йх́лавад* заменяют, в силу недопустимости двух *и* в одном слове, *а́йа́йх́лавад*, *а́йа́ла* общий в обоих случаях корень: «говорить, просить»); *а́цта́цара* «идти вслед за чем-либо», *а́цта́цара́* «идти (вслед друг за другом) по порядку»; *а́дч́лапра* «приделать к чему-либо», *а́дч́лапра́* «прийти к соглашению по поводу чего-либо» (букв. «совместно приделаться к чему-либо»); *а́квы́ла* «ложиться поверху, на чем-либо», *а́квы́ла* «нападать, налечь на кого-либо»; *а́йа́тшыу* «похожий на то», *а́йа́тшыу* «похожие друг на друга»; *а́йа́лыу* «состоящий в чем-либо», *а́йа́лыу* «состоящее совместно в чем-либо, образующие единство»; *а́лы́хра* «вычитать», *а́лы́хра* «разбирать» и т. д.

Ударение в роли средства формально-смыслового различения: *апхъа-дзаръ* «считать», *апхъадзъара* «счет, число»; *агIайръ* «рости», *агIайыра* «растение»; *чIеаръ* «сидеть», *чIвара* «диван» (для сидения); *чаръ* «кушать», *чъара* «кушанье, еда» (например, в составе *щыбжъанчъара* «обед»); *хъшаръ* «происходить», *хъшъара* «происхождение, род, порода»; *абаръ* «сохнуть», *абъара* «засуха»; *бзыйхаръ* «делать хорошее», *бзыйхара* «становиться хорошим»; *агIолхоз уатра рчагъвэд* «они вспахали колхозный огород», *агIолхъдз уатра рчагъвэд* «колхоз вспахал огород»; *хIкыт кIолхъдз чартадыу рымаб* «наш колхоз имеет большую столовую», *хIкыт колхоз-чартадыу рымаб* «наше селение имеет большую колхозную столовую» и т. п.

Таким образом, обремененное важной смысловой функцией абазинское ударение не имеет определенного места в слове и встречаются слова всех возможных типов ударения (на первом, втором, третьем и т. д. слоге многочисленного слова).

Ударение словесное. Необходимо различать по крайней мере два вида ударения: ударение отдельного слова, ударение словесное и ударение словосочетания — ударение синтаксическое.

Ударение словесное характеризует отдельное самостоятельное слово и, как таковое, служит средством различения двух категорий морфем в абазинском языке: морфем фонетически самостоятельных, так называемых слов, имеющих свое ударение, и морфем фонетически несамостоятельных, своего ударения не имеющих. К первой категории относятся преимущественно названия предметов и их качественных признаков, названия действий и состояний и их качественных признаков, т. е. так называемые имена существительные, прилагательные, глаголы (в том числе глагольные имена и причастия) и наречия.

Ко второй категории относятся преимущественно частицы указательные, счетные, соединительные и усилительные. Морфемы второй категории, как мы увидим далее, следует назвать служебными или формального значения морфемами.

Ударение неподвижное. По ударению слова абазинского языка разделяются на два основных типа: слова с неподвижным ударением и слова с подвижным ударением; при этом передвижение ударения происходит при присоединении к имеющей реальное значение основе слова известных, нормально лишенных своего ударения служебных морфем (сюда относятся падежные окончания, окончания времени, наклонения и т. п.).

К первой категории относятся: 1) те слова, основа которых состоит из одного закрытого слога, например: *уыс* «дело», ср. такие формы, как *ауыс*, *уыскI*, *уыста*, *уысла*, *ауыска*, *уысда*, *уысхара* и т. п.; *бзый* «хороший», ср. такие формы, как *абзый*, *бзыйкI*, *бзыйра*, *абзыйка*, *бзыйхара* и т. д.; *гъыч(ра)* «воровать», ср. формы *агъычра*, *йыгъыч*, *дыгъычыйд*, *йыгъычид*, *йыуызысгъычид* и т. п.; 2) слова с двусложной или многосложной основой, с ударением не на последнем слоге, например: *нхърта* «место работы», *гъвара* «забор» (ср. производные формы, такие

как *анхърта*, *нхъртакІ*, *анхъртаква*, *нхъртаквакІ*, *нхъртата*, *нхъртаквата*, *нхъртала*, *нхъртаквала* и т. д.; *агвѣра*, *гварѣкІ*, *агвѣраква*, *гвѣрата*, *гвѣрала* и т. д.; сюда относится, между прочим, большое количество многослоговых заимствованных слов: *революца*, *бригада* и т. п.

Ударение подвижное. К словам с подвижным ударением относятся все слова, основа которых состоит из одного открытого слога. Слова с подвижным ударением распадаются на две категории: слова с ударением, продвигающимся вперед, и слова с ударением, отодвигающимся назад. Примеры первого типа слов: *ла* «глаз», ср. формы *ала*, *алаква*, *алаквагый*, *лала*, *лада* и т. д.; *хъшѣш* «порох», *ахъшѣш*, *ахъшѣшква*, *хъшѣшлала*, *хъшѣшлала* и т. д.; *сасѣ* «гость», *асас*, *асасква*, *сасѣкІ* и т. д.; *марѣ* «солнце», *амара*, *амараква*, *марѣла* и т. д.; *цІла* «дерево», *ацІла*, *ацІлаква*, *цІлала*, *цІлала* и т. д.; *чегъа* «плохой, злой», *ачегъа*, *ачегъаква*, *ачегъара* и т. д.; *гІѣра* «бежать», *агІѣра*, *сІгІѣгыйд*, *сІгІѣгуан* и т. д. Примеры второго типа слов: *ла* «собака», *ала*, *алаква*, *алаквагый*, *лала*, *лала*, *лакІ* и т. п.; *багѣ* «писец», *абагѣ*, *абагаква*, *абагаквагый*, *багѣла*, *багѣла*; *ца* «сапелка», *аца*, *ацаква* и т. д.; *цІла* «клей», *ацІла*, *ацІлаква*, *цІлала* и т. д.; *цІларѣ* «острый», *ацІларѣ*, *ацІлараква*, *ацІларакварѣ*, *ацІларакгыйд* «он становится острым» и т. п.; *гІѣра* «писать», *агІѣра*, *агІѣгыйд* и т. д.

Из только что приведенных примеров явствует, между прочим, что имеются служебные морфемы двух категорий: принимающие на себя переходящее с основы ударение и не принимающие его; к последним относится, как видно из примеров, морфема орудивного (творительного) падежа *ла*, ударения не принимающая даже в тех случаях, когда слово принадлежит к категории слов с отодвигающимся назад ударением. К числу не принимающих ударения служебных морфем относятся еще: формант наречного (дополнительного) падежа *та*, падежа отсутствия *ѣа*, форманты деепричастия отрицательного *кІѣа* и положительного *мца* (*мцара*, *мцара*), почти все словообразовательные форманты, как, например, *за*, *рта*, *мта* (*мта*), *ра* (последний только в значении собирательном и отглагольно-именном; иначе обстоит дело с *ра*, как окончанием инфинитива), *ца*, *гІа*, далее, формант вопросительного наклонения *ма* (в шакарванском, в отличие от тапантинского и абхазского, этот формант принимает на себя ударение) и др. Большинство морфем системы спряжения относится к категории принимающих на себя переходящее ударение.

Ударение в сложносоставных словах. Сформулированные выше правила абазинского словесного ударения имеют в виду господствующую в отношении отдельного, не сложного слова норму; имеются, впрочем, единичные случаи недостаточно мотивированных, с точки зрения современной системы языка, уклонений, требующих специального исследования. Сюда относится, например: *лѣмхІа* «ухо», но *лѣмхІала*; *таѣа* «сковорода», но *таѣала* и т. п. Значительно сложнее и при современном уровне разработки законов абазинской акцен-

туации не сводимы к простым, обобщающим формулам правила, регулирующие ударения сложносоставных слов, составляющих значительный процент всего состава абазинского словаря.

Основное действующее здесь правило может быть все же сформулировано следующим образом: всякое сочетание морфем реального значения, переходящее, в силу постоянства последовательности и смыслового объединения в одно целое составляющих его элементов, в сложносоставную единицу речи — слово, нормально имеет ударение на последнем из элементов, если только этот элемент не принадлежит к категории слов с подвижным, передвигающимся вперед ударением. Ср. такие примеры, как *ацанIй* «нога», *ананIй* «рука» (старые сочетания *ца + нIй*, *на + нIй*, где значение элемента *нIй* утрачено), *мачкIйис* «палец» (сочетание *мачы + кIйис*), *мараташварта* «запад» (*мара + ташварта*), *ажванахъа* «предложение» (*ажва + нахъа*), *кваиуа* «ливень», проливной дождь» (*ква + шуа*), *чватара* «сеновал» (*чва + тара*), *анымхъа* «лодырь, бездельник» (*анымха + хъа*) и т. п.

Особой сложностью и кажущейся нередко непоследовательностью отличаются те виды сочетания, которые называются нами ниже предикативными, сочетающие нередко в едином фонетическом комплексе длинный ряд элементов, каждый из которых, в зависимости от обстоятельств, оказывает влияние на место ударения. Ср., например, с одной стороны, *азынхъа* «оставаться» (для кого-нибудь), но *унгIа-сзынхъа* «ты остался для меня» (с двумя ударениями, из которых второе ослабленное), *йыгIазага* «я принес», но *йыгIанъга* «оно принесло» (ср. *йысчпъд* «я делаю», но *йъчпъд* «оно делает»), *ахъара* «стоять, прогонять», но *дышвазхъыцаб* «я прогоню его для вас» (с того места) и т. п.

Ударение синтаксическое. Словосочетания, сохраняющие свой характер многосоставности (в силу неутраченного говорящими самостоятельного значения входящих в сочетание элементов) представляют нередко, когда они сближаются внутри фразы в более тесном синтаксическом и смысловом единстве, особый, отличный от словесного, вид ударения, ударение синтаксическое. Сущность этого ударения состоит в том, что оно выделяет в составе сочетания слово в степени большей, чем это наблюдается при ударении словесном, причем остальные входящие в состав данного сочетания слова сохраняют в известной, ослабленной степени свое самостоятельное ударение. Так, например, в вышеприведенном предложении *хIкыт колхозчартадыу рьмаб* «наше селение имеет большую колхозную столовую» на слово *чарта* падает ударение, выделяющее его в составе трех, образующих синтаксическую единицу (с функцией дополнения при глаголе *рьмаб*) слов, причем степень сохранности самостоятельного ударения на словах *колхоз* и *дыу* зависит от темпа и степени отчетливости произношения предложения.

Наряду с примерами объединяемых синтаксическим ударением сочетаний самостоятельных слов, сохраняющих в той или иной мере каждое ударение (типа *ухъыла цIйис* «летучая мышь» (букв. «ночная

птица»), в приводимом примере со слабым ударением на первом и более энергичным на втором), мы имеем более редкие примеры двойного ударения при сочетании несамостоятельных морфем языка (типа *йадыркйлыйд* «жмет» (о сапоге), где *а* может иметь факультативно некоторое ударение, при главном ударении на слоге *кйыл*).

Слияние слов в словосочетании. Следует отметить естественную тенденцию всякого синтаксического ударения вытеснить ударение словесное и слить, таким образом, словосочетание в одну фонетическую единицу-слово; одним из обнаружений этой тенденции служит устранение всех так называемых зияний, т. е. стечений гласных в конце и начале двух соседящих слов словосочетания, причем слияние гласных совершается по следующим трем схемам:

1) *а+а* дает *а*; например: *апсыуа акыт* «селение Апсуа» дает *апсыуакыт*; *йаныйхйа аглан* «когда он сказал это» произносится *йаныйхйаглан*; *йыгбадыша* «песня его корабля» сливается в *йыгбаша* (из поговорки зеленчукских абазин: *зыгбаутау йыгбашахйа* вм. *зыгбаутау йыгба дша хйа*, букв. «в чьей лодке сидишь, пой его лодки песню») и т. п.

Зияние устраняется и во всех таких давно возникших сочетаниях морфем, каковы, например, сочетания глагольных префиксов, оканчивающихся на гласный, с глагольной основой, гласным начинающейся. (Ср. *аглаура* «получать» вм. **агйа+аура* (ср. *гяхлауд* «мы получили»); *айгегра* «надеяться» вм. **а+айгегра* (ср. *уамйгегган* «не надейся»); *аныхра* «брать в руки» вм. **ана+ыхра* (ср. *йынарыхд* «они взяли»); *айсра* «ссориться» вм. **а+айсра* (ср. *хйамайсырныс* «чтобы мы не ссорились») и т. п. Из примеров другого рода — слияния именных слов — можно привести, например, *алаба* «кобель» (из *ала+аба*).

2) *а+ы* (*ы+а*) дает *а*, например: *хывлапнаглан* «в вечернее время» (из *хывлапны+аглан*); *агнанаглан* «в зимнее время» (из *агны+аглан*); *мыжланцй* «когда прошел один месяц» (из *мыжй+анцй*); *хывмаб* «оно имеет пену» (вм. *хвы+амаб*).

3) *а(ы)+йы(уу)* последующего слова дает иногда *ай*, *ау*, но значительно чаще *йй*, *уу*, например: *йылабайма* «со своей палкой» (из *йылаба+ййма*); *хйарыйхйанатхд* «оно дало нам» (из *хйара+йыхйанатхд*); *зыйпан* «один раз он прыгнул» (вм. *зны+ййпан*) и т. д.

Ударение логическое. Наряду с существованием двух типов ударения, ненарочитого-словесного и синтаксического, следует оговорить еще особые случаи ударения нарочитого, соответствующего тому, которое называется обыкновенно ударением логическим. Такое ударение отличается, помимо своей экспираторной силы, в частности и той неизменно сопутствующей ему особой интонацией, которая сопровождает собственно ударение; этим логическим ударением выделяются те слова (а иногда и части слова) в предложениях, на которые почему-либо обращено говорящим внимание.

Необходимость обозначать в письме ударение. Выше-приведенные примеры, иллюстрирующие закон абазинского ударения,

дают основание сделать один существенный практический вывод, а именно — в учебной литературе по родному языку (прежде всего в букваре, затем в словарях всякого рода) необходимо соблюдать тот принцип, которого держится с давнего времени школьная практика языка, стоящего ближе всего к абазинскому, именно абхазского: принцип обязательного снабжения ударениями всех слов текста. Едва ли приходится отстаивать это соображение какими-либо специальными доводами в отношении первой книги для чтения — букваря; в отношении же словарей ясно, что при внеконтекстовом положении слова в словаре ударение играет столь же важную роль в понимании слова, как и звуки — ударение как бы восполняет тот дефект абазинского корнеслова, который стоит в известной связи с присущей ему, как увидим далее, преимущественной однослововостью и полисемантизмом (многозначностью) простейших морфем языка. В литературе иного назначения обозначение ударения на всех словах без нужды осложнило бы техническую сторону. Тем не менее и здесь обозначение ударений в отдельных случаях приходится считать обязательным гораздо чаще, чем, например, в русском языке, где ударение, как дополнительное средство смыслового различения, играет вполне второстепенную роль.

Интонация

Сущность интонации. Только что упомянутая нами по поводу логического ударения интонация, под каковой разумеются сопутствующие произношению слога (или последовательности слогов) ритмико-мелодические явления: музыкальный тон гласного (или гласных) и темп (или ритм) всего данного звукового комплекса, играет, наряду с звуками и ударением, весьма значительную (и нередко недостаточно учитываемую), чисто смысловую роль в абазинском языке, не представляющем, впрочем, собою в этом отношении никакой особенности; аналогична роль интонации во множестве других языков, таких, как кабардинский и др. Та или иная интонация характеризует любое слово и любое предложение и находит себе такое же постоянное выражение в письменной передаче речи, как и отдельные звуки, но не путем букв, а посредством так называемых знаков препинания (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, знаки вопросительный, восклицательный и т. д.).

Интонация предложения. В области интонации абазинского языка важнейшими являются те, которые служат средством различения основных типов фраз (предложений). Сюда относятся: 1) интонация повествовательная, выражающаяся в постепенном спокойном понижении голоса к концу предложения, заканчивающегося полной паузой; знаком этой интонации служит точка; 2) интонация повелительная, выражаемая, в зависимости от степени интенсивности и категоричности повелительного тона, или точкой или восклицательным знаком; 3) интонация восклицательная, выражаемая восклица-

тельным знаком; 4) интонация вопросительная, выражаемая вопросительным знаком; 5) интонация вопросительно-восклицательная, выражаемая сочетанием вопросительного и восклицательного знаков. Два последних вида фразовой интонации — интонация вопросительная и вопросительно-восклицательная — несколько отличаются в абазинском языке от соответствующей интонации в других языках (например, в русском языке), которые не имеют обязательных форм вопросительного наклонения, существующих в абазинском.

Интонация частей предложения. Но наряду с различными типами интонаций фразовых, т. е. характеризующих такую последовательность звуков и слов, которая заканчивается полной паузой, существует целый ряд интонаций, характеризующих отдельные части предложения и выражаемых с помощью других знаков препинания; так, кавычки выражают ту особую интонацию, с которой произносится все характеризуемое как чужая, не своя мысль (ее могут выразить как отдельные слова, так и сочетания слов); черта выражает, как правило, интонацию паузы внутри предложения; двосточие выражает интонацию слова, предшествующего объяснению, и т. д. К сожалению, неразработанность соответствующей терминологии мешает точному определению всех разнообразных ритмико-мелодических оттенков произношения, имеющих смысловое значение и хорошо известных поэтому всем говорящим. Тем не менее при обучении языку необходимо обращать внимание учащихся на те интонационные различия, которые характеризуют одинаковые в прочих отношениях последовательности звуков, и на связываемые с ними на письме знаки препинания.

Глава III

ФОРМЫ СЛОВ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА (СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ)

Значение отдельных звуков и простейших звуко-сочетаний. До сих пор мы следили преимущественно за внешней, произносительно-акустической стороной явлений абазинского языка, учитывая сторону внутренне-смысловую лишь во вторую очередь. Теперь мы главное внимание сосредоточиваем на том смысле, который заключен в известных звуках и их сочетаниях друг с другом.

Первое, на что придется обратить при этом внимание и что составляет важную особенность абазинского языка, в отличие, например, от русского, это возможность того или иного, вполне отчетливого осмысления почти каждого из существующих в системе абазинского языка отдельно взятого звука, а также и того простейшего вида сочетания звуков, каким является сочетание одного гласного с гласными *a* и *y* (последний чередуется, как мы видели выше, с нулем звука в известных фонетических условиях); в русском же языке (как и в большинстве других языков) смысловая значимость присуща нормально не отдельно произнесенному звуку языка (как, например, сами по себе русские звуки «п», «р», «г», «ж» и т. д. ничего не значат), а лишь более или менее сложному сочетанию звуков в слове (как, например, русское «по» — предлог со значением известного отношения определяющего к определяемому; «га» — земельная мера — сокращение гектара) или даже в сочетании нескольких слогов.

Рассмотрим значение отдельных звуков и простейших (в указанном только что смысле) звуко-сочетаний в порядке абазинского алфавита. Следует оговорить, что в некоторых случаях возможные варианты значения нами не исчерпываются. Напомним также, что сочетания «согласный + *y*» принципиально равнозначны одному согласному.

а 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа класса неразумных существ (предметов); 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа ср. рода в переходных глаголах, например: *й-а-маб* «оно имеет»; второе значение связано с первым; 3) определенный член имен (и это значение связано, повидимому, генетически, по происхождению, с первым); 4) формант залога взаимного (ср. *ай*, *йа*).

б(ы) 1) морфема связки, т. е. формы, выражающей логическое отношение сказуемого к подлежащему (например: во фразе *арый мза-б* «это лампа»); 2) глагольный формант будущего определенного времени (например: *сца-б* «я пойду») (второе значение связано генетически с первым); 3) морфема притяжательного местоимения 2-го лица ед. числа жен. рода (например: *б-аб* «твой отец»); 4) глагольный формант 2-го лица ед. числа жен. рода (например: *б-цыйд* «ты, женщина, идешь») (четвертое значение связано с третьим); 5) «отец»; 6) «козел»; пятое и шестое значения генетически связаны друг с другом (чаще *аб*, ср. ниже).

ба 1) основа глагола «видеть»; 2) «поцелуй» (во фразе *ба йыхIвййд*); 3) личное местоимение 2-го лица ед. числа жен. рода; 4) вопросительная частица (например: *дан-ба-ца?* «когда он пошел?»); 5) формант числительных, употребляемых при счете предметов.

аб 1) «отец»; 2) «козел».

ц(ы) 1) основа глагола «быть вместе с» (например: *йй-цы-у* «находящийся вместе с ним»); 2) глагольный префикс со значением «вместе с» (например: *а-ц-цара* «идти вместе с» (второе значение связано с первым)); 3) основа глагола «*цацаре*» (sic! *Ред.*); 4) морфема числительного «шесть»; 5) «кусочек, штука, зерно»; 6) «зуб».

ца 1) «закром»; 2) «горячий»; 3) основа глагола «ходить».

ац «удар грома».

цI(ы) 1) основа глагола «проходить» (о времени); 2) глагольный префикс со значением «из-под» (например: *ацIыцIара* «выходить из-под чего-либо»).

цIа 1) «вошь»; 2) «тонкий»; 3) «истинный» (редко); 4) основа глагола «класть»; 5) основа глагола «нести» (о курице); 6) основа глагола «мочиться под себя» (о детях); 7) глагольный префикс со значением «подо что-либо» (например: *а-цIа-цIара* «класть подо что-либо») (четвертое, пятое, шестое и седьмое значения генетически связаны друг с другом).

д(ы) 1) глагольный формант изъявительного наклонения; 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа, класса разумных существ (людей) (например: *дца-д* «он ушел»); 3) основа глагола «быть около, при чем-либо»; 4) глагольный префикс со значением «около, при» (например: *а-д-гылра* «стоять около чего-либо») (четвертое значение связано с третьим); 5) глагольный формант косвенной (объективной) формы местоимения 3-го лица мн. числа (в глаголах понудительного залога).

да 1) «жила»; 2) «лягушка»; 3) частица вопросительного местоимения «кто»; 4) основа глагола «спадать» (об опухоли); 5) формант отрицательных имен «без» (например: *хъа-да* «безголовый») (пятое значение связано с четвертым); 6) «корень»; 7) личное местоимение 3-го лица мн. числа.

ф(ы) 1) в известных условиях *-фа* (например: в сложном глаголе *ачей-ф-ра* «отъедать»); 2) в шкараванском диалекте — морфема числительного «шесть» (абаз. *ц*).

фа основа глагола «есть, кушать».

ше(ы) 1) «дверь»; 2) основа глагола «зреть, нарывать»; 3) основа глагола «красить»; 4) основа глагола «остывать, замерзать»; 5) морфема числительного «сто»; 6) морфема притяжательного местоимения 2-го лица мн. числа; 7) глагольный формант 2-го лица мн. числа (шестое и седьмое значения генетически связаны).

шеа 1) послелог «как будто»; 2) основа глагола «полоть»; 3) основа глагола «платить»; 4) основа глагола «разбирать» (забор); 5) основа глагола «мерить»; 6) основа глагола «бояться»; 7) основа глагола «охотиться»; 8) личное местоимение 2-го лица мн. числа.

фI(ы), *фIа* не принадлежат к коренным звуко сочетаниям абазинского языка; в шкараванском *фIа* осмысливается, как «тонкий».

г(ы) 1) основа глагола «недоставать»; 2) в известных условиях *-га* (например, в сложном глаголе *гIа-г-ра* «приносить»).

га 1) основа глагола «нести»; 2) формант имен со значением «орудия действия».

гъ(ы) 1) союз «и»; 2) формант отрицательных форм в глаголах, например, *с-гъы-мцъд* «я не ходил» (второе значение связано генетически с первым).

гъа эвентуально осмысливаемо в значении «круглый» (ср. редупликацию *гъагъа* и *гъажъы* «круглый»).

гв(ы) «сердце; сердцевина».

гва основа глагола «толкать».

дж(ы), *джа* в абазинском не осмысливаются; абхазский сохраняет значения для первого — «грязь на теле», для второго — «плотный».

ъ(ы) в известных условиях *ъа* (например в форме *да-бъ-ъы-у* «где он?», от основы *ъа*).]

ъа 1) основа глагола «быть, существовать» (например: *дъ-ъа-н* «он был»; 2) формант наречий места (например: *ауъ-ъа* «там»); 3) формант причастий относительных места (например: *д-ъа-цъд* «в том месте, куда он пошел»).

хI(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 1-го лица мн. числа; 2) глагольный формант 1-го лица мн. числа (например: *хI-цыйд* «мы идём») (второе значение связано с первым).

хIа 1) «груша»; 2) личное местоимение 2-го лица мн. числа.

ахI «старший».

хIс(ы) 1) основа глагола «пасться»; 2) основа глагола «расти, виться».

хIса 1) «свинья»; 2) основа глагола «говорить»; 3) формант наречий образа действия; 4) союз «что, чтобы» (третье и четвертое значения связаны со вторым).

ахIс «задняя часть».

ч(ы) 1) «вымя»; 2) основа глагола «пухнуть».

ча 1) «перепелка»; 2) основа глагола «есть, кушать».

чи, чIа в абазинском не осмысливаются.

и(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа муж. рода; 2) глагольный формант 3-го лица ед. и мн. числа класса неразумных в непереходных глаголах; формант 3-го лица ед. числа муж. рода в переходном глаголе; 3) союз «и»; 4) основа глагола «рождаться»; 5) морфема вопросительного значения (в глаголе); 6) формант причастий.

йа 1) союз «или»; 2) морфема вопросительного местоимения «что»; 3) личное местоимение 3-го лица ед. числа муж. и ср. рода; 4) формант залога взаимного (ср. *а*).

ай формант залога взаимного (чаще в абхазском, в абазинском заменяется в большинстве случаев посредством *а* или *йа*).

жв(ы) 1) «корова»; 2) «старый»; 3) морфема числительного «девять»; 4) основа глагола «пить»; 5) основа глагола «варить».

жва морфема числительного «десять».

к(ы), *ка* не осмысливается.

кь(ы) основа глагола «вздохнуть».

кьа не осмысливается.

ке(ы) 1) основа глагола «быть на чем-либо» (например: *йй-кьы-у* «находящийся на нем»); 2) глагольный префикс со значением «на чем-либо» (например: *а-кь-цIара* «класть на что-либо», второе значение связано с первым); 3) основа глагола «давать присягу, клятву».

кьа 1) «дождь»; 2) основа глагола «идти (дождю)»; второе значение связано генетически с первым; 3) формант мн. числа.

кI(ы) 1) основа глагола «держать»; 2) формант падежа единичности.

кIа глагольный префикс со значением «вниз» (на землю) (например: *кIа-дэдзарə* «плевать»).

кIь(ы) эвентуально осмысливаемо в значении основы глагола «ржать» (ср. *им-кIькIь-йид* «ржет»).

кIьа эвентуально осмысливаемо в значении «торчащий конец чего-либо, острне» (ср. *кIьəкIьа-ра* «вершина»).

кIь(ы) в известных условиях *-кIьа*.

кIьа 1) «пазуха»; 2) глагольный префикс со значением «за пазухой» (ср. *а-кIьə-лара*, *а-кIьысра-* «соить»); второе значение связано генетически с первым; 3) формант деепричастий отрицательных.

л(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода; 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа жен. рода в переходном глаголе; 3) глагольный префикс со значением «изнутри чего-либо» (например: *ə-л-цIара* «выйти из чего-либо»).

ла 1) «глаз»; 2) «собака»; 3) личное местоимение 3-го лица ед. числа жен. рода; 4) основа глагола «находится в чем-либо» (например: *йй-ла-б* «находиться в чем-либо»); 5) основа глагола «двигаться»; 6) глагольный префикс со значением «внутри чего-либо, во что-либо» (например: *ə-ла-цIара* «класть во что-либо»); 7) формант вида постоянного (шестое и седьмое значения связаны с четвертым).

ль(ы), *льа*, *тл(ы)*, *тла*, *лI(ы)*, *лIа* не принадлежат к коренной группе абазинских звуко сочетаний, ср. выше.

м(ы) 1) частица отрицательная «не» (например: *м-дырра* «не знать»); 2) глагольный префикс со значением «из рук».

ма 1) основа глагола «иметь»; 2) формант вопросительного наклонения; 3) междометие «на, возьми».

н(ы) 1) основа глагола «находиться в каком-либо месте» (например: *а-нй-у* «в котором находится»); 2) глагольный префикс со значением «в каком-либо месте, из какого-либо места» (например: *а-н-цIарə* «класть в каком-либо месте», *а-нй-цIра* «выходить из какого-либо места»); 3) формант местного падежа (редкое употребление); 4) глагольный формант прошедшего времени зависимого (например: *дца-н* «он пошел и») (все значения генетически связаны друг с другом).

на 1) глагольный префикс со значением «по направлению туда» (например: *а-нə-йра* «прийти туда»); 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа среднего рода в переходных глаголах сложного состава (ср. второе значение а).

ан 1) «мать»; 2) формант относительных причастий времени (например: *д-ан-бə* «когда он увидел»).

п(ы) 1) глагольный префикс со значением «вперед, вперед» (например: *а-п-гəлра* «нести вперед, навстречу»); 2) основа глагола «предписывать, узаконивать».

па 1) «сын»; 2) основа глагола «плести» (шнур); 3) основа глагола «прыгать».

пI(ы), пIа осмысляемы лишь в зеленчукско-абазинском, первый в смысле: 1) глагольной связки; 2) форманта будущего определенного; второй эвентуально *-фIа*.

кə(ы) основа глагола «долбить».

кəа в абазинском не осмысляемо; в зеленчукско-абазинском это: 1) основа глагола «быть, существовать»; 2) послелог со значением «в (каком-либо месте)»; 3) формант причастий относительных места (тапонт. *əа*).

кəə(ы) «кал, нечистоты».

кəəа основа глагола «махать».

кəв(ы) глагольный префикс со значением «от (основания) чего-либо» (ср. например: *а-кəвəй-хра* «отделять, разъединять»).

кəва основа глагола «задержаться» (в каком-либо месте).

джə(ы) основа глагола «жарить».

джəа 1) «место»; 2) «горе, печаль» (ср. *джəəбара* «горе, печаль»).

гə(ы) «град».

гəа 1) «враг»; 2) «penis».

гəв(ы) основа глагола «бранить».

гəва основа глагола «срастаться, заживать» (о ране).

гəв(ы) «доска».

гəва эвентуально осмысляемо в значении основы глагола «икать» (ср. *гəвагəвара* «икать»).

р(ы) 1) «войско»; 2) морфема притяжательного местоимения 3-го лица мн. числа; 3) глагольный формант 3-го лица мн. числа в пере-

ходных глаголах; 4) формант понудительного залога (второе, третье и четвертое значения связаны, быть может, генетически между собою); 5) основа глагола «переходить».

pa 1) «орех»; 2) формант имен собирательных и отглагольных; 3) формант неопределенного наклонения (второе и третье значения связаны друг с другом); 4) формант причастий состояния будущего времени.

c(ы) 1) «снег»; 2) основа глагола «бить»; 3) основа глагола «ткать»; 4) морфема притяжательного местоимения 1-го лица ед. числа; 6) глагольный формант 1-го лица ед. числа (четвертое и пятое значения генетически связаны друг с другом); 6) формант отрицательных причастий давнопрошедшего времени.

са 1) «било» (в ткацком станке); 2) основа глагола «резать, брить, кроить»; 3) основа глагола «вариться» (о крупе); 4) личное местоимение 1-го лица ед. числа.

ш(ы) 1) основа глагола «кипеть, горячиться»; 2) основа глагола «лаять»; 3) формант причастий относительных образа действия (на-пример: *ды-ш-цау* «как он идет»).

ша основа глагола «делить».

ш(ы) основа глагола «убивать».

ща 1) «кровь»; 2) «нога» (значение эвентуально, в связи с такими примерами, как *ща-цIарə* «обувать», *ща-блəх* «подъем ноги», *ща-чəв* «палец ноги» и т. п.); 3) формант имен образа действия (третье значение связано со вторым).

т(ы) 1) «баран холощенный»; 2) основа глагола «давать»; 3) глагольный префикс со значением «изнутри» (ср. например: *а-тə-цIра* «выходить»).

та 1) основа глагола «находиться внутри чего-либо»; 2) глагольный префикс со значением «внутри» (ср. например: *та-цIарə* «класть внутри»); 3) формант наречного падежа (все три значения генетически связаны между собой); в зеленчукско-абазинском *та* служит основой глагола «давать» (абаз. тапанта *ты*).

тI(ы) 1) основа глагола «открывать»; 2) в зеленчукско-абазинском формант прошедшего времени изъявительного наклонения (абаз. тапанта *ə*).

тIа эвентуально осмысляемо в значении «мягкий» (ср. *тIəтIа* «мягкий»).

у(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 2-го лица ед. числа муж. рода; 2) глагольный формант 2-го лица ед. числа муж. рода (например: *йы-цəйə* «ты идешь») (второе значение связано генетически с первым); 3) основа глагола «делать, давать результат, согласие»; 4) формант причастий состояния настоящего времени (на-пример: *йыгəлы-у* «стоящий») (четвертое значение связано генетически с третьим).

уа 1) личное местоимение 2-го лица ед. числа муж. рода; 2) междометие обращения «эй»; (второе значение связано генетически с первым);

3) «часть, соучастник, приятель»; 4) формант причастий действия настоящего времени (например: *йыца-уа* «идуший»).

ау «длинный».

е(ы), *ва* не принадлежат к коренным звуко сочетаниям абазинского языка, ср. выше.

х(ы) 1) «луля»; 2) основа глагола «косить, жать»; 3) основа глагола «толочь»; 4) морфема числительного «три»; 5) формант вида повторительного (например, *ца-х-ра* «снова пойти»).

ха 1) «тычинка»; 2) основа глагола «делать»; 3) основа вспомогательного глагола «делаться, становиться» (третье значение связано генетически со вторым); 4) основа глагола «изнашиваться».

хь(ы) 1) «золото»; 2) основа глагола «болеть»; 3) основа глагола «стынуть»; 4) глагольный префикс со значением «по направлению к».

хба 1) «провизия»; 2) основа глагола «рожать»; 3) основа глагола «дойть»; 4) формант вида совершенного.

ахь 1) послелог «по направлению к» (ср. например; *ар-ахь* «сюда»); 2) формант причастий относительных направления (ср. например: *д-ахь-цацауа* «там, в каком направлении идет»).

хэ(ы) 1) «цена»; 2) морфема числительного «пять»; 3) основа глагола «ранить»; 4) основа глагола «просеивать, веять».

хва 1) «ручка»; 2) «червь»; 3) «холм, вершина»; 4) основа глагола «сметывать»; 5) основа глагола «хлебать», «мешать» (мамалыгу).

хэ(ы) 1) основа глагола «находиться над чем-нибудь»; 2) глагольный префикс со значением «поверх чего-либо» (например; *а-хэ-ца-Ира* «переходить поверх, через что-либо») (оба значения генетически связаны между собой и со следующим *хэа*).

хэа 1) «голова, начало»; 2) основа глагола «быть на чем-либо»; 3) глагольный префикс со значением: «на что-либо, поверх чего-либо» (ср. например: *хэа-ца-Ира* «класть на голову, поверх чего-либо»); 4) формант возвратного залога (все значения связаны друг с другом).

хэв(ы) 1) «доля, пай»; 2) «волосы, мех».

хэва 1) «буланой»; 2) основа глагола «помогать, тянуть»; 3) основа глагола «гнуть»; 4) основа глагола «валить» (сукно).

шь(ы) *шьа*, *шьэ(ы)* *шьва* не принадлежат к коренным абазинским звуко сочетаниям.

гI(ы) вариант морфемы притяжательного местоимения 1-го лица мн. ч. *хI* (ср. выше).

гIа 1) «ремень»; 2) глагольный префикс со значением «по направлению сюда» (например: *гIа-гра* «приносить сюда»).

агI морфема числительного «восемь».

гIе(ы) 1) «человек»; 2) «корыто особого рода»; 3) корень числительного «два»; 4) основа глагола «писать»; 5) основа глагола «бежать»; 6) формант имен действующего лица (шестое значение связано с первым); 7) формант числительных.

гIва 1) «медь»; 2) «сухой»; 3) основа глагола «прощать» (второе и третье значения, быть может, генетически связаны друг с другом).

з(ы) 1) «желчь»; 2) морфема относительного местоимения «который»; 3) послелог со значением «для»; 4) формант причастий состояния прошедшего времени (ср. например: *йыгйлы-з* «стоявший»); 4) эвентуально осмысляемо, как морфема числительного «один» (ср. *з-ны* «однажды», *жвый-з* «одиннадцать»).

за 1) основа глагола «мерить»; 2) основа глагола «процеживать»; 3) формант итогового (утвердительного) вида.

джв(ы) глагольный префикс со значением «наружу» (ср. *джвы-лцIра* «выходить наружу»; *джвей-кыла* «выйти в поле» (ср. ниже абх. *дв(ы)*)).

джва основа глагола «тошнить».

ж(ы) основа глагола «копать, рыть».

жа эвентуально осмысляемо, в смысле «осина» (ср. *жа-чIвы* «осина»).

дз(ы) 1) «вода»; 2) основа глагола «теряться»; 3) основа глагола «нечь»; 4) «иней, изморозь».

дза 1) «бок»; 2) основа глагола «красть»; 3) послелог «вплоть до»; 4) формант вида интенсивного.

жъ(ы) 1) «мясо, тело»; 2) основа глагола «падать»; 3) основа глагола «пускать».

жъа 1) «заяц»; 2) основа глагола «обманывать».

чIв(ы) 1) «собственность, принадлежность чего-либо»; 2) основа глагола «дубить» (кожу); 3) формант имен долженствования (ср. ниже зеленч. *тIв(ы)*).

чIва 1) «печень»; 2) «яблоко»; 3) основа глагола «сидеть» (ср. ниже зеленч. *тIва*); 4) формант интенсивного вида.

чв(ы) 1) «бык»; 2) «полный, сытный»; 3) основа глагола «тесать»; 4) глагольный префикс со значением «от» (тела) (например: *а-чвы-фра* «отъесть» (ср. ниже зеленч. *тIв(ы)*)).

чва 1) «кожа»; 2) «сено»; 3) «гниль»; 4) «сон»; 5) основа глагола «сосать»; 6) основа глагола «соответствовать» (ср. ниже зеленч. *тIва*); 7) формант интенсивного вида; 8) формант мн. числа класса разумных.

тш(ы) 1) «лошадь»; 2) морфема местоимения возвратного «себя»; 3) основа глагола «гнуться».

тша 1) «олень-самка» (редко); 2) «полоса нагорная»; 3) основа глагола «мотыжить».

шI(ы) 1) основа глагола «находиться (постоянно) при чем-либо»; 2) глагольный префикс со значением «у, при».

шIа 1) «рот, лезвие»; 2) глагольный префикс со значением «на (поверхность), к (лицу)» (например: *а-шIа-гъла* «выходить на поверхность чего-либо»); 3) основа глагола «быть при, на чем-либо»; 4) основа глагола «быть оскомине» (все четыре значения «связаны друг с другом»); 5) «род чашки»; 6) «новый». Зеленчукско-абазинское наречие, имеющее особые фонемы *дз*, *тIв*, *тв*, осмысляет их в составе простейших звуко-сочетаний следующим образом:

дв(ы) 1) «поле»; 2) глагольный префикс со значением «наружу» (например: *а-двы-лцIра*). Соответствует тапант. *джв*. *два* не осмысляется.

тв(ы) «полный, сытый» (= тапант. *чв(ы)*).

теа 1) «сено»; 2) «гной»; 3) основа глагола «соответствовать» (= тапант. *чва*).

те(ы) «собственность, принадлежность» (= тапант. *чIв(ы)*).

теа основа глагола «сидеть» (= тапант. *чIва*).

Переходя от сочетаний простейшего типа (1 согласный+1 гласный) к однословным образованиям более сложного состава (например, 2 и более согласных+1 гласный; 1 согласный+1 гласный+1 согласный и т. п.), можно было бы охватить значительную коренную часть состава морфем абазинского языка, но это вывело бы нас далеко за пределы нашего грамматического очерка.

Омонимия. Рассмотренные выше примеры значения отдельных фонем абазинского языка и простейших сочетаний их между собой показывают достаточно, наряду с необычайной способностью большинства отдельных звуков связывать с вполне определенным, законченным смыслом, еще одну характерную черту абазинского языка — многозначность одних и тех же звуков и звукосочетаний. Это явление так называемой омонимии, редкое в русском языке, объясняется, вероятнее всего, существованием в сравнительно недалеком прошлом абазинского языка преимущественно односложных слов и связанной с этим недостаточной развитостью словопроизводства. Из этого не следует, конечно, делать никаких заключений о первобытно-примитивном периоде жизни абазинского языка, поскольку сравнительные данные (не только в пределах различных наречий абазинского и абхазского языков, но также при учете других кавказских языков) дают все основания думать, что как односложность, так и связанная с ней многозначность значительной части абазинских слов представляют собой в ряде случаев результат позднейшего упрощения и совпадения более сложных и дифференцированных звукосочетаний.

МОРФЕМЫ И ИХ ВИДЫ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Классификация морфем по значению. Классифицируя приведенные значения звуков и простейших звукосочетаний, нетрудно установить, что они распадаются на две основные группы: значения самостоятельные, не нуждающиеся в том, чтобы связывать их в мысли с другими значениями, и значения не самостоятельные, понятные лишь в известной связи, применительно к другим значениям. К первым относятся бесспорно имена предметов и, быть может, имена относительные (местоимения). К последней категории относятся, очевидно, такие примеры, как форманты падежей, времен глаголов и т. п. Иначе говоря, различие коренится в самой природе тех значений, которые выражаются теми или иными звуками языка. Действительно, рассматривая язык с точки зрения его мыслительного содержания, мы видим, что оно исчерпывается понятиями предметов и лиц, характеризующих их признаков (постоянных, или пассивных, и непостоянных, или активных) и тех отношений, в которых эти предметы и признаки стоят друг

к другу. Те звуко сочетания, которые выражают понятия (или представления) предметов, а за ними и понятия признаков, вполне естественно принимают обычно характер законченности языкового выражения, в отличие от звуко сочетаний, связываемых со значением отношений, всегда предполагающих в мысли нечто реальное, этими отношениями связываемое, и потому незаконченных как в мышлении, так и в языке. Естественное тяготение формы языка к адекватному отображению логической формы мышления не объясняет, однако, всей полноты конкретной языковой действительности, будучи весьма часто нарушаемо и притом по разным причинам психологического характера; основной из них служит, без сомнения, преобладающее в повседневной речи стремление к чувственной выразительности и яркости, разрушающее естественные перегородки, отделяющие формы словесной передачи различных категорий понятий и представлений. Кроме того, трудно четко разграничить все указанные категории понятий логически и психологически, по степени их законченности и самостоятельности; так, например, признак всегда может быть мыслим и вполне независимо от предмета, и более или менее независимо от него. В случае полного обособления признака от того предмета, к которому он относится, на признак переносится та предметность, которая характеризует вполне независимые от других понятий понятия предмета. Так, например, союзные слова (скажем русск. «и», абаз. *и*), по своей природе не самостоятельные, могут по соображениям говорящего потребовать нарочитого выражения, откуда возникают обороты, подобные русскому «я, затем ты, затем он» (= «я, ты и он») или подобные абаз. *йыцты* в выражении: *агIважыйцты ахна рны* (23-го числа), где «затем» и *йыцты* и в звуковом и в смысловом отношении более самостоятельные элементы речи, чем соответствующие русск. «и» и абаз. *и*. Примером обособления признака от предмета, к которому он относится, может служить частое употребление таких прилагательных слов, как русск. «хороший», или абаз. *бзий*, без относящегося к ним существительного. Учитывая эту возможность постоянного колебания и перехода из одной категории в другую, мы можем, тем не менее, сгруппировать значения простейших в звуковом отношении элементов абазинского языка следующим образом.

1. Элементы самостоятельного значения:

1) имена предметов и лиц (существительные, личные и указательные местоимения, заменяющие в известной говорящим ситуации имена предметов): «отец, козел» *аб*; «закром» *ца*; «удар грома» *ац*; «вошь» *цIа*; «жила, лягушка» *да*; «дверь» *швы* и т. п.; личные местоимения: *са, уа, ба, йа, ла* и т. д.;

2) имена признаков (так называемые прилагательные — имена признаков пассивных качеств и свойств и глаголы — имена признаков активных действий и состояний): «тонкий» *цIа*; «старый» *жвы*; «буланой» *хэа*; основы глаголов: «видеть» *ба*; «быть вместо» *цы*; «проходить» *цIы*; «нестись» *цIа*; «спадать» *ды* и т. д.;

3) выражения-сигналы непосредственных ощущений, желаний и чувств (междометия): «эй», «на» (=возьми) и т. п.

II. Элементы несамостоятельного значения:

1) обозначения отношений абстрактных форм словоизменения, именно склонения, т. е. форманты определ. члена, падежа и числа, и формы спряжения, т. е. форманты связи, залогов, видов, наклонений, времен, лиц, причастий относительных, действия и состояния; далее формы словообразования, т. е. форманты имен отрицательных, орудия действия, собирательных, отглагольных; частицы отрицательная и вопросительная; союзы «и, или»;

2) обозначения отношений конкретных (послелogi и глагольные префиксы с более или менее конкретным значением).

Особое положение, специфическое для абазинского языка, в отличие от многих других занимают:

3) обозначения счетные и некоторые из местоименных, т. е. числительные, местоимения притяжательные, вопросительные и относительные.

Все перечисленные виды значений простейших элементов речи, будут ли они выражены звуковыми комплексами, синтаксически самостоятельными и не сочетающимися с другими или же несамостоятельными, в отдельном употреблении не встречающимися, представляют собой простейшие, реально и морфологически значимые, неделимые элементы языка, называемые нами морфемами. Если в большинстве языков морфемы (в особенности морфемы реального, «корневого» значения, называемые иногда, в отличие от морфем служебного значения, семантемами), как правило, в звуковом отношении не совпадают с фонемами, в абазинском мы видим двойную значимость в системе языка подавляющего большинства фонем — как фонем и как простейших в звуковом отношении морфем.

Значение глагольной основы. Предложенная группировка значений нуждается в дополнительных замечаниях. Более всего необходимо остановиться на вопросе, связанном с глаголом и его значением в абазинском языке. Абазинский глагол, подобно глаголу большинства коренных яфетических языков Кавказа, отличается своим особым, существенно отличным от многих некавказских языков характером, находящим отражение и в синтаксической конструкции глагольных форм, известной в науке под неточным и двусмысленным названием «пассивной». Заключается эта особенность в результативном значении чистой глагольной основы, или корня, иначе говоря, простейшая форма глагола выражает собой не столько действие, процесс (что является отличительным значением глагола в других языках), сколько результат действия; но так как законченное действие уже не может считаться совершающимся процессом, а всего лишь как бы опредмеченным стабильным состоянием или качеством, глагол сближается своим основным значением с именем, и корень или чистая основа глагола переводится на языки иной системы легче всего посредством той грамматической категории, которая совмещает в себе значение имени и глагола,

т. е. причастием (в глаголах непереходных — причастием среднего, а в глаголах переходных — причастием страдательного залога). Синтаксическим и морфологическим последствием такого значения глагола (в его простейшей форме) является преобладающая роль в его конструкции не субъекта (производителя) действия, а его объекта (результата), а все сочетание в целом (т. е. субъекта действия, объекта действия и самого названия «действия») принимает смысл сопоставления и отождествления двух имен (предметов) — объекта и глагола, из коих последний ставится в известное косвенное (в абазинском языке притяжательное гесп. «родительное») отношение к субъекту действия. В большинстве кавказских языков такое значение глагольной основы отступает постепенно на задний план; формы переосмысляются, большее значение получает субъект-производитель действия. Основной характер результативности значения глагольной основы сохраняется по преимуществу лишь в формах прошедшего времени, и — что практически важнее всего — анализ значения глагольной основы все более затрудняется неупотребительностью (или малой употребительностью) глагольной основы, как таковой, вне системы форм спряжения. Абазинский язык, наряду с абхазским, черкесским и кабардинским, выделяется в этом отношении сохранением в живом употреблении примеров более или менее (в синтаксическом отношении) самостоятельного применения простейшей формы глагола, называвшейся нами выше (в соответствии с обычным словоупотреблением и имея в виду роль данных форм в обычной системе глагольного спряжения), при рассмотрении значений простейших звукосочетаний, «основой».

Употребление чистой глагольной основы. Наиболее яркие примеры самостоятельного употребления глагольной основы дает абхазский язык: *уы сьмам* «я ничего не сделал» (букв. «у меня нет чего-либо сделанного», где *уы* чистая основа глагола *аурà* «делать»); *фа сьмам* «я ничего не съел» (*фа* основа глагола *афарà* «есть, кушать»); *хIва сьмам* «я ничего не сказал» (*хIва* основа глагола *ахIварà* «говорить»), абаз. зеленч. *фа кьаупI* «имеется, что (можно) кушать» и т. п.; ср. далее такие примеры, как *с-аь джыьуцуама* «ты думаешь, я пришел?» (*аа* основа глагола *аарà* «приходить»). Чистая основа в этих и аналогичных примерах переводима точнее всего причастием страдательного (от глаголов переходных) или среднего (от глаголов непереходных) залога. При изменении ударения в абхазском получаем нередко имена в собственном смысле; так, (*а*)*фà* «съеденное» (нечто), но *афа* «еда, пища»; (*а*)*тà* «данное» (нечто), *ата* «подарок»; ср. еще *ачва* «сон» (при *ачвара* «спать»), *ачча* «смех» (при *аччара* «смеяться») и т. д.

Почти столь же свободно употребление чистой основы глагола (лишенной характеристик глагольного спряжения — указания наклонения, лица действия и т. д.) в кабардинском и адыгейском языках. Близость по значению глагола и имени проявляется здесь синтаксически, в употреблении как чистой основы глагола, так и производных основ времени прошедшего и будущего, в роли определения при

имени (ср. кабард. примеры: *кIвэ лIыжыър* «ходящий старик», *кIвэ лыжыър* «ходивший старик», *кIвэнуу лIыжыър* «старик, который пойдет») и прямого дополнения при глаголе (*кIуа слэзгуащ* «я видел ходившего») и морфологически, в способности основ имен спрягаться (т. е. сочетаться с формантами спряжения) и основ глагола склоняться (т. е. сочетаться с формантами склонения).

Абазинский язык (наречие Тапанта) не знает уже столь свободного использования чистой глагольной основы, какое мы находим в абхазском языке (примеры выше), что связано, повидимому, с известным переосмыслением в абазинском языке чистой именной основы, сохраняющей в абхазском значение, в отношении числа, вполне неопределенное, но принимающей в абазинском более конкретное значение неопределенного надежа единственного числа. Чистую глагольную основу в абазинском, как, впрочем, и в абхазском, находим чаще всего в роли определения при имени, спорадически переходящего по своему значению в настоящие прилагательные и существительные. Так, например, *ауърба-нс* «мертвый орел» (*нс* основа глагола «умирать»), *чва-цIых* «очищенная кожа» (*цIых* основа глагола «очищать шерсть от волос»), *гвагвыцы-рча* «откормленная индюшка» (*рча* основа глагола *рчарэ* «откармливать»), *асы-рблэгъа* «снежный ком» (*асы* «снег», *рблэгъа* букв. «скатанный», основа глагола «скатывать»), *ажва-нахъэ* «предложение» (букв. «оконченное слово», *нахъа* основа глагола «оканчивать, завершать»), *джэкIа-хы* «толченая соль» (*хы* основа глагола «толочь»), *ацIа-швэ* «свернувшаяся кровь» (*шв(ы)* основа глагола «свертываться» (о крови), ср. *ацIа-швэ* «лед», букв. «замерзший мост»¹, где *швы* основа глагола «замерзать, отпердевать»); *пра-псэ* «занавеска» (букв. «вперед наброшенное, повешенное», где *пса* основа самостоятельно почти не употребительного глагола «набрасывать, навешивать»); *ла-цIашвэ* «сучок в глазу» (букв. «под глаз упавшее», где *цIашва* основа глагола «падать под»); *быжэ-хъвацIакIы* «заглушенный звук» (*хъвацIакIы* — основа глагола *хъвацIакIрэ* «заглушать»); *жэ-жвы* «вареное мясо» (*жвы* основа глагола «варить»); *жэ-рыдз* «жаркое, жареное мясо» (*рыдз* основа глагола «жарить»); *хIа-швхъа* «спелая груша» (*швхъа* производная основа совершенного вида от глагола *швра* «зреть»); *ахъагIла* «стоящий впереди» (*гIла* основа глагола «стоять»); *ахъагIла* «прислужник» (букв. «стоящий над головой»); *чIвыуаркIвэ* «плакса» (букв. «плачущий продолжая», *чIвыуа* основа глагола «плакать»; *ркIва* основа вспомогательного глагола «продолжать» (делать что-либо)); *пшы-хъ* «холодный ветер» (*хъ* основа глагола «стынуть», переходит по значению в прилагательное «холодный», ср. *адзыхъ* «ключ, родник» (букв. «холодная вода»); *ин-хъва* «свекровь, теща» (букв. «кривая мать», где *хъва* основа глагола *ахъварэ* «гнуть», переходящая по значению в прилагательное «кривой») и т. п.

¹ Первая часть слова *ацIашвэ* («лед») — *ацIа* представляет собой фонетическую разновидность слова *ацIаа*, употребляемого в южных диалектах абхазского языка в значении «мороз» (Ред.).

Перешли в прилагательные такие основы, как *гIэзы* «скользящий, гладкий» (основа глагола *гIэызрə* «скользить»), *хIэы* «витой, гнутый» (основа глагола *хIэра* «виться»); перешли в существительные такие основы, как *хəжəа* «переплет» (букв. «распластанное поверх чего-либо»), *хəжəа* основа глагола «распластывать поверх чего-либо»), *алəх* «различие» (*алəх* основа глагола «различать», ср. *алəх* «выбор», где *алəх* основа глагола «выбирать»), *хIэа* «слово, сказанное», например, в выражении *схIэа йəзхə̀əуцIэуэтын* «если ты поверишь моему слову» (*хIэа* основа глагола «говорить»).

В ряде примеров этого рода такое значение глагольной основы может быть вскрыто лишь в результате исторического (этимологического) анализа, как, например, *хырчIэы* «кислое молоко» (здесь *рчIы* основа глагола *рчIэра* «квасить», а *хы* — основа имени «молоко», сохраняемая в сочетании *хыи* «молоко», букв. «белое (-иы) молоко»), *агəры-чəхIэа* «кузнечный мех» (здесь *рычəхIэа* основа глагола *рычəхIэара* «раздувать», а *гəы* основа имени «красный, раскаленный уголь», ср. абаз. *апыргə́*, абх. *апыргə́ы* «красный уголь», *асрычəхIэа* «снежная метель», букв. «раздуваемый снег»), *аджəджə́ы* «слюна» (из *адзы* «вода» + *джəы* = видоизмененная основа глагола *джəрə́* «рвать, тошнить, блевать»).

Другого, но по существу тождественного порядка примеры, где основа глагола имеет (при переводе на другой язык) уже не страдательное (или среднее) значение, а действительное, находим в словах: *рахəхчI* «пастух» (букв. «охраняющий скот», где *хчə* основа глагола «охранять»); *ларбагIэыгə* «очки» (букв. «зеркало, заставляющее глаз видеть», где *рба* основа глагола «заставлять, давать видеть»); *ламырчə́* «не кормящий собаки» (*рчə* основа глагола «откармливать», ср. выше *сəгəгыщырчə́*, где та же морфема *рчə* имеет страдательное значение); *əмцIхIэа* «лгун» (букв. «говорящий ложь», где *хIэа* основа глагола «говорить», ср. выше *хIэа* «слово, сказанное нечто»); *анымхəхə́* «лодырь, бездельник» (букв. «неработающая голова», где (*а*)*нымхə́* основа глагола *анымхə́ра* «не работать»); *дхəашIə́ыцб* «она только что родила» (где *хə́а* «рождающая», основа глагола *хə́рə́* «рождать, рожать», ср. *тиднхə́а* «беременная жеребая кобылица»); сюда же относятся, в сущности, и все так называемые имена действующего лица, образуемые с помощью морфемы *гIэы* «человек», например, *чпагIэы́* «делатель» (букв. «делающий человек», *чпа* основа глагола «делать»); *əпхəагIэ* «ученик» (букв. «читающий, учащийся человек», *əпхə́а* основа глагола «читать, учиться») и т. п.

И в этом ряду примеров имеются случаи, когда понимание значения глагольной основы достижимо лишь при историческом анализе, как *кытчə* «загадка» (букв. «едящий, т. е. мучающий (своею неразрешимостью) сельскую общину», где *чə* основа глагола «есть, кушать») и др.

Особое замечание. Устанавливая, таким образом, близость простейшей, коренной формы глагола по связываемому с ней значению к имени, нам следует отдать себе полный отчет в том, что утверждение это не имеет ничего общего с попытками усматривать в этом явлении признак примитивности или архаичности абазинского языка:

глаголы и имена существуют в его нынешнем состоянии на правах вполне сформировавшихся грамматических категорий, имеющих каждая свою особую группу средств формального выражения. Развивавшаяся применительно к типологически близким к абазинскому черкесским языкам теория усматривала в такой близости значений имени и глагола пережиток эпохи, когда еще не существовало ни имени, ни глагола, а была некая общая часть речи, выполнявшая попеременно, в зависимости от окружения, различные функции (наиболее подробно и основательно взгляды эти развиты применительно к кабардинскому языку 30 лет тому назад венгерским ученым Балинтом). Имея в виду эту теорию, мы должны решительно подчеркнуть ее на наш взгляд антиисторический и потому антинаучный характер и отметить, что смысл наших утверждений гораздо более скромный — отметить смысловую особенность все реже употребляемой в своем чистом виде основы абазинского (и вообще кавказского) глагола, сближающую ее с именем и свидетельствующую, конечно, об известном своеобразии и реалистичности языкового выражения, не значущего действия, а лишь более или менее активные состояния (факты кинематографии хорошо подтверждают возможность такого восприятия действий) но никак не свидетельствующую сама по себе об эпохе формирования частей речи в абазинском или других кавказских языках.

Морфемы реальные и формальные. Основы глаголов, имеющие глагольноименное (причастное) значение, принадлежат, как мы видели выше, наряду с прилагательными, существительными и междометиями, к числу морфем самостоятельного, реального значения, которые можно поэтому называть иначе морфемами реальными или материальными (вещественными). Их смысловая самостоятельность находит свое объективное (внешнее) выражение в способности этих морфем принимать в случае необходимости собственное ударение и служить тем словесным минимумом фразы — словом, которым может в известных условиях ограничиться говорящий. Противоположным свойством отличаются все остальные морфемы абазинского языка, лишенные самостоятельного значения, собственного ударения и способности замещать собою законченную фразу; такие морфемы мы назовем формальными (вспомогательными, служебными). Аналогичное положение наблюдается и в громадном большинстве других языков, например в русском, где к категории морфем служебных (частей слова) примыкают и такие «слова», как предлоги, союзы, отрицание и т. п., так называемые частичные слова. Особенностью абазинского языка служит, однако, не разделение морфем на реальные и формальные, а отнесение к категории формальных морфем: морфем со значением числительных и морфем со значением притяжательных, вопросительных и относительных местоимений, выражаемых в большинстве языков самостоятельными словами.

Судьба числительных и части местоимений в современной системе абазинского языка служит хорошим и лишним подтверждением давно установившегося в науке мнения, что так называемые служебные, фор-

малые морфемы языка являются таковыми лишь в результате постепенной утраты ими своего бывшего самостоятельного, вполне реального значения; иначе говоря, деление морфем на реальные и служебные по существу относительно и может меняться постоянно в процессе исторической жизни языка.

Классификация служебных морфем. Различной степени реальность или соответственно служебность значения представляют специально так называемые глагольные префиксы (см. о них ниже). Префиксами называем вообще все такие служебные морфемы, которые предшествуют в составе данного комплекса морфем, или данной синтагмы, морфеме реального значения, а суффиксами — соответствующие морфемы, следующие за морфемой реальной, что дает основание двум классам служебных морфем — классу морфем префиксальных и классу морфем суффиксальных.

Как мы увидим ниже, по своей функции в составе фразы-предложения служебные морфемы также разделяются на две категории — на морфемы, указующие на принадлежность слова-синтагмы, в состав которой они входят, к синтагме большего объема — словосочетанию или фразе (такие морфемы называются **словоизменительными**), и на морфемы, не содержащие такого указания (такие морфемы называются **словообразовательными**). Следует заметить, что одинаковые в звуковом отношении морфемы, в зависимости от своего положения то как префикса, то как суффикса, могут выполнять различные функции: в одних случаях словоизменительные, в других словообразовательные. Языки, в которых преобладают служебные морфемы словоизменительного значения, называются **синтетическими** (грамматическими), а те, в которых преобладают морфемы значения словообразовательного — **аналитическими** (лексико-логическими). Условность и относительность такого подразделения языков показывают, между прочим, и факты абазинского языка, в котором имена носят по преимуществу аналитический, а глаголы — по преимуществу синтетический характер.

СОЧЕТАНИЕ МОРФЕМ И ЕГО ВИДЫ

Понятие синтагмы. Отдельные простейшие, далее не разложимые на составные части смысловые элементы языка, морфемы, входят в повседневной речи в состав более или менее сложных сочетаний морфем, называемых синтагмами. Синтагмы могут быть весьма различными по количеству и качеству входящих в их состав морфем, характеру грамматической связи этих морфем, а следовательно, и по своему значению; те синтагмы, которые имеют одно ударение и выполняют при случае роль законченного сообщения или фразы, называются, подобно реальным морфемам, словами, имеющие два и более ударений составляют при отсутствии фразовой интонации словосочетание, а при наличии такой интонации — фразу, или предложение.

Классификация синтагм-слов по значению образующих их морфем. В зависимости от того, какого значения морфемы сочетаются в том виде синтагм, который характеризуется одним ударением и называется словом, мы различаем две категории синтагм-слов:

1) такую синтагму-слово, где сочетается одна реальная морфема с одной или несколькими формальными морфемами; этот вид синтагмы, в отличие от непроизводного слова, состоящего из одной морфемы, назовем простым производным словом. Например: *а-гIвй-га* «орудие письма» (3 морфемы: *а* — служебная, *гIвй* — реальная, *га* — служебная); *а-ха-чIвй* «задача» (3 морфемы: *а* — служебная, *ха* — реальная, *чIвй* — служебная); *багд-ра* «хитрость» (2 морфемы: *бага* — реальная, *ра* — служебная); *дцауан* «он шел» (4 морфемы: *д* — служебная, *ца* — реальная, *уа* — служебная, *н* — служебная);

2) такую синтагму-слово, где сочетаются две и более морфемы реального значения (т. е. такие морфемы, которые в настоящее время допустимы в другом сочетании и в отдельном, самостоятельном употреблении, как самостоятельные слова), сопровождаемые или не сопровождаемые морфемами служебными; назовем этот вид синтагмы-слова сложным производным словом. Например: *ачIвйуабжь* «плач» (3 морфемы: *а* — служебная, *чIвйуа* — реальная, *бжь(ы)* — реальная); *хIвхIвабжькI* «призыв на помощь» (3 морфемы: *хIвхIва* — реальная, *бжьы* — реальная, *кI* — служебная); *мадзахIвдла* «доверенное лицо» (3 морфемы: *мадза* — реальная, *хIва* — реальная, *ла* — служебная); *хъымгард* «позор» (4 морфемы: *хIзы* — реальная, *м* — служебная, *га* — реальная, *ра* — служебная); *апицIагьлара* «находиться в качестве батрака у кого-либо» (4 морфемы: *а* — служебная, *пицIа* — реальная, *гыл* — реальная, *ра* — служебная); *квашуа* «ливень, сильный дождь» (3 морфемы: *ква* — реальная, *ш(ы)* — реальная, *уа* — служебная); *мгIварыгIвчIард* «сворачивать с дороги» (5 морфем: *мгIва* — реальная, *ры* — служебная, *гIв* — реальная, *чIа* — реальная, *ра* — служебная); *дзымырийс* «некипяченая вода» (5 морфем: *дзы* — реальная, *м(ы)* — служебная, *р* — служебная, *шы* — реальная, *с* — служебная) и т. п.

Синтагмы, неразложимые в современном языке. Разумеется, как во всяком языке, мы находим и в абазинском целый ряд примеров, не укладывающихся в предложенную схему. Сюда относятся, например, многочисленные примеры сочетаний морфем в слове, значение части которого не ясно или не вполне ясно (в настоящее время) для говорящих на абазинском языке и которые поэтому можно лишь условно причислить к категории сложнопроизводных слов, на основании более или менее вероятного этимологического анализа. Ср. такие слова, как: *алднс* «сука» (при *алд* «собака», где *нс* отдельного значения в современном употреблении не имеет, ср. еще *абх. тшадднс* «ослица», при *тшадд* «осел»); *аласнд* «щенок» (ср. *ахIваспа* «ножик», при *ахIва* «пашка»; *апхIвдспа* «девочка, девушка», при *апхIвдс* «женщина»), где *спа* отдельного значения не имеет; *атыгъшIдс* «барашек» (ср. *абыгъшIдс* «козленок», *атишIдс* «жеребенок» и т. п.,

далее, *агечIыс* «цыпленок», *ачечIыс* (sic! Ред.) «бычок» и проч., где элемент *шыс* самостоятельно не существует, ср. *шыц* «новый»; что и *шыц*, *шыс* было некогда разложимо на составные части-морфемы, показывает множественное число этих слов — *шIара* и аналогия *асыс* «ягненок», *асара* «ягнята»); *атыгъз* «баран нехолощенный» (ср. *абыгъз* «козел», *ачыгъз* «бугай» и т. п., где *гъз* в отдельном употреблении утрачено); *аджечIей* «дуб» (ср. *алчIей* «ольха», *ажачIей* «осина» и т. п., где *чIей* потеряло оба свои значения: реальной морфемы «собственность» и служебной морфемы «относящийся к чему-либо»; в абхазском имеем соответственно *адж* «дуб», *ал* «ольха», *аж* «осина» и т. п.); *напIы* «рука» (ср. *щапIы* «нога», где значение *пIы* утрачено); *мачей* «палец руки» (ср. *щачей* «палец ноги», где значение *чey* утрачено); *напIыршIашIа* «кулак» (ср. *щашIашIа* «голень», где значение *шIашIа* утрачено); *амашIапIара* «солнечная сторона» (значение *ма* = *марь* «солнце» сильно ослаблено и может не осознаваться); *ахъафIышыра* «обнюхивать сверху» (значение морфемы *шыр* утеряно); *лаше* «слепой» (значение *ше* неясно, *ла* «глаз»); *шехъымса* «порог дверной» (*ше* «дверь», значение *хъымса* в современном понимании утеряно); *мышбъаза* «добродетельный» (обе образующие синтагму морфемы: *мыш* и *бъаза*, ослаблены в значении; буквальное современное понимание дает бессмыслицу «день живущий»); *бышсә* «язык» (как система знаков, ср. *бзы* «язык» как орган; значение *ше* ослаблено) и т. п.

В связи с утратой или затемнением значения части входящих в состав синтагмы морфем имеют постоянное место затруднения и колебания при определении самого количества образующих данную синтагму морфем. Сюда относятся такие примеры, как: *ласаракъ* «моток шерсти» (*ласа* «шерсть» + ?); *апшыврхъыччара* «улыбаться» (? + *хъыччара* «смеяться над чем-либо»); *чеврнә* «кожаный ремешок» (*чеа* «кожа» + ?); *гIадзынгыра* «подрастать» (? + *гыра* «становиться, вставать») и т. п. В результате сложные синтагмы упрощаются и переходят нередко в категорию неразложимых, с точки зрения говорящих, на составные части морфем, например: *жъый* «кузнец» (прежде *жъы* + *й* букв. «обрабатыватель железной руды» ср., с одной стороны, *жъахIей* = *жъ* + *ахIа* «кузнецный молот», букв. «пашка для руды», с другой же стороны, *хъый* = *хъы* + *й* «серебряник, золотых дел мастер», ср. *хъы* «золото»; в последнем значении теперь чаще *хъапыц* = *хъ* + *апыц*, с современной точки зрения также с трудом разложимое слово); *цхIа* «мост» (прежде *ц* + *хIа* «сплетенное вместе», ср. *хIара* «основа ткацкая»); *цIыц* «подошва» (прежде *цI* + *ыц* «под ногой»); *тибъг(а)* «коса» (прежде *тибы* + *га* «название орудия косьбы» от утраченной глагольной основы *тибы*); *быгIеныйфа* «провизия, провиант» (прежде *мгIваны* «в пути» + *фа* «еда», откуда через **мгIены(й)фа* совр. неразложимое слово, ср. черкесск. *гъымыл*, имеющее то же значение); *жахIварә* «жевать» (теперь *жахIа* + *ра* прежде *жа* + *хIа* + *ра*, где *жа* «челюсть», ср., повидимому, очень старое заимствование из черкесских языков *жәкIа* = *жа* + *кIа* «борода»); *уәтра* «огород» (прежде *уы-т-ра* ~ *уы-р-та* букв. «место работы», ср. абх. *ауытра*) и т. д.

Иноязычные слова. Невзирая на существование подобных примеров современной неделимости на морфемы сложных по происхождению слов, господствующая в большинстве имеющихся примеров слов дробность морфологической делимости составляет характернейшую особенность абазинского языка; проникшие ранее и проникающие ныне в абазинский язык многосложные слова иноязычного происхождения не меняют в этом отношении общего характера абазинского словаря, хотя многие из этих иноязычных слов принадлежат к числу довольно употребительных, как старые *адгыл* «земля» (из груз.), *аІахІана* «грецкий орех» (из груз.), *уасъ* «овца» (из иранск.), *апшема* «хозяин» (из иранск.), *кэрыс* «сноп» (из иранск., м. б. из осет.), *рахчыну* «надочажная цепь» (из иранск.) или новые *кальендар*, «плакат, завод» и т. д.

Морфемы колеблющегося значения. Другого порядка колебания в отношении разделения синтагм по категориям простых производных и сложных производных возникают в единичных случаях тогда, когда та или иная морфема занимает по своему значению положение среднее между служебными и реальными; таковы, например, все весьма многочисленные и постоянно возникающие вновь образования имен действующих лиц на *гІвы* (значение «человек» сохраняется за этой морфемой до последнего времени, но наряду с ним существует в том же значении сложнопроизводное $гІвычІвыс = гІвы + чІв + гІвы + с$, где последнее *с* создано по аналогии с *пхІвыс*), например: *арпхъагІвы* («учитель»), *чешвагІвй* «трус» и т. д., которые можно рассматривать двояко: и как сочетание двух реальных морфем *арпхъа* + *гІвы*), *абрагъ* + *гІв*(ы) и т. д., и как сочетание соответствующей морфемы реальной со служебной морфемой *гІвы*. Сходное положение занимают многие слова, образованные морфемой *чІвы* «собственность» и «относящийся к чему-либо, происходящий от чего-либо» и проч. Ср. далее такие слова, как *уыжварый* «теперешний» (или *уыжъ* + *арый* «теперь этот»), *агъдъІгера* «пускать ростки» (*агъ* = «семя», слово полузабытое + *чІв*(ы), допускающее ряд ассоциаций) и т. п.

Рассмотренное выше деление синтагм-слов на простые производные и сложные производные является одним из возможных, но далеко не единственным делением. Отметим дальнейшие виды возможного деления слов по категориям.

Классификация синтагм по звуковой форме морфем. По внешней звуковой форме синтагмы-слова разделяются на состоящие из разнородных в звуковом отношении морфем и состоящие из фонетически однородных, более или менее сходных, повторяющихся морфем. Примерами слов первого рода могут служить: *ачвѣжвара* «разговаривать» (*а* + *чв* + *ажва* + *ра*), *антирѣ* «ломать» (*а* + *п* + *ти* + *ра*), *ачвѣмза* «лучина» (*а* + *чв* + *мза*), *агІаджвѣлжъара* «выбегать наружу» (*а* + *гІа* + *джвѣ* + *л* + *жъа* + *ра*), где в состав синтагм входят совершенно не сходные в звуковом отношении морфемы.

Примерами слов второго рода могут служить *ачегъамдъчвгъа* «всякая нечисть» (*а* + *чвгъа* + *мы* + *чвгъа*), *цІырыцІырра* «кричать» (*цІыры* + *цІыр* + *ра*,

ср. *цIыррә* «кричать»), *агIвычIвгIвыс* «человек» (*а+гIвы+чIе+гIвы+с*), *мачIмәчIымчара* «постепенно, понемногу» (*мачI+мачIы+мча+ра*, ср. *мачI* «мало»), *агIвыкъядзйкъяра* «бегать туда и сюда» (*а+гIвыкъя+дзйкъя+ра*), *хъвахъва* «кривой» (*хъва+хъва*, ср. *хъва* «гнутой, кривой»), *агIвыкIерә* «чесать шерсть, выщипывать» (*а+кIвы+кIе+ра*, ср. *аласкI-выга* = *а+лас+кIвы+га* «шерсточесалка», где сохранен простой корень *кIе*) и т. п., где мы видим повторение сходных или тождественных звуковых элементов дважды. Вторая категория характеризуется и в смысловом отношении — интенсивностью значения слова — синтагмы, как бы удваиваемого по силе сравнительно со значением простой основы. Можно предположить с большим вероятием, что целый ряд ныне неразложимых морфем, состоящих из двух и более слогов, из коих два одинаковы в звуковом отношении, возникали по аналогии с такими удвоенными, редуцированными синтагмами, ср. *абйба* «пушистый», *амIамIа* «мягкий», *апамйшара* «ползать» (о многих мелких животных), *шкIвакIеа* «белый» (несомненно *ш+кIвакIеа*, ср. *ш+ла* «седой» и т. п.), *хъшвәшва* или *хъчIвәчIеа* «холодный» (ср. *хъы* = «холодный»), *къвәкъва* «спина», *ауәуадза* «недвижимый», *йыб* «пыль», *быбрә* «реветь» (о зверях), *абгъабгъа* «рысь» (лошадиный аллюр) и т. п.

Классификация синтагм по их синтаксической структуре. По внутренней (структурной) форме синтаксических взаимоотношений, составляющих синтагму морфем, слова-синтагмы разделяются на следующие группы:

1) Синтагмы-слова атрибутивные (определятельные), т. е. такие, в состав которых входят морфемы, стоящие в отношении одна с другой или другими, как определяемое стоит в предложении по отношению к определению или определениям. В тесной связи с отношениями атрибутивными стоят отношения аппозитивные, ввиду относительности той грани, которая отделяет прилагательные (атрибуты), как названия качества и свойства, отвлеченного от их носителя, и существительные (аппозиции), как названия носителей качеств и свойств. Поэтому мы относим к этой группе слов-синтагм и сочетания аппозитивные (приложные), называя всю группу синтагмами-словами атрибутивно-аппозитивными. Примеры: *пшыхъ* «холодный ветер» (как бы = *пша хъшвәшва*); *ажгIвыс* «телушка» (как бы = *ажв чIкIвын*); *шIадзй* «слюна» (букв. «ртовая вода», равно по типу сочетания такой синтагме, как *цыгвцIыхъва* «кошачий хвост»), *сәрчвә* «ягнячья шкура», *уасчвә* «овечья шкура», *атшкъяй* «конский навоз», *чарауыра* «долгий, продолжительный обед», *атшй* «его лошадь» или «определенная, известная лошадь», *стшй* «моя лошадь», *ртшй* «их лошадь», *йыгIвылакI* «его два глаза»; *хдзыскI* «три козленка», *агъмананIы* «правая рука», *кытдбу* «большое селение», *быжъпхәтша* «грубый жесткий звук, согласный», *гIвымишкI* «два дня», *бжыгIвхдчвәкI* «семь мужчин», *тшыгIвәжва* «20 лошадей» и т. п. Соответственно двум типам определений — определений качественных (атрибутивных) или определений относительных (аппозитивных) — меняется порядок расположения определения и определяемого.

2) Синтагмы-слова копулятивные (союзные), сочетающие морфемы, стоящие в отношении, существующем между однородными членами предложения. Примеры: *шIахъ* «лицо» (букв. «рот и голова»); *ачегъамычегъа* «всякая нечисть» (букв. «чистое-нечистое»); *апхъапхъа* «сначала» (букв. «сначала-сначала»); *мачIцъардызтын* «более или менее»; *напъаIапара* «прыгать туда и сюда»; *наласеIаласра* «попадать туда и сюда» и т. п.

3) Синтагмы-слова копуляционные (союзные), отличающиеся от копулятивных тем, что они образуются по аналогии не с двумя однородными членами предложения, а лишь с одним в его сочетании с союзным словом. Примеры: *саргъый* «и я» (*сар(а)+гъый*), *уыжыгъ* «теперь же» (*уыжы+гъ*) и т. п.

4) Синтагмы-слова постпозиционные (последельные), составляемые морфемами, стоящими друг к другу в отношениях имени и управляющего им послелога. Примеры: *йарыйхъахъаз* «для самого себя» (*йаръ+йыхъа+ахъаз*), *сасцIыхъван* «после меня» (*са+с+цIыхъван*), *ауыйжътара* «после этого», *абъда* «лишенный отца» (*аба+да*, ср. *сара+сыда* «кроме меня»), *аныда* «лишенный матери» (*аны+да*), *мыжда* «несчастный» (*мыш=«счастье, удача»+да*), *хъапъхъ* «люб» (*хъа+апахъ*), *хъацIахъ* «затылок» (*хъа+ацIахъ*) и т. п.

5) Синтагмы-слова препозиционные (предельные), соответствующие сочетанию глагольного члена предложения (отглагольного имени) с относящимся к нему обстоятельственным словом. Примеры: *дзхъаIвара* «сидеть рядом, около» (*дзхъа+Iвара*), *уахIетагыла* «становиться влед за» (*уахIе+та+гыла*), *бжъагыла* «становиться посреди» (*бжъа+гыла*), *гIадагра* «нести вверх» (*гIада+гра*) и т. п.

6) Синтагмы-слова объектные (глагольно-дополнительные), отношение морфем внутри которых аналогично отношению дополнения к управляющему им глагольному члену предложения (отглагольному имени). Примеры: *напIасра* «хлопать в ладоши» (*напIы+асра*), *къвалъсра* «играть в альчик», *рахъхъ* «пастух» (букв. «скот охраняющий»), *тлапъдчъарта* «швейная мастерская» (букв. «место изготовления носков»), *дзгIагыIе* «водовоз» (*дз+гIагыIе*), *тшахъваръдырта* «хлебопекарня», *алахIейга* «шерсточесалка», *чмазагIебара* «навещать больного» (*чмазагIе+бара*), *чвахIга* «сенокосилка», *жъхъарта* «доильня» («место доения коров»), *лацIашвъ* букв. «попавшее в глаз, сучок в глазу» (*ла+цIашвъ*) и т. п.

7) Синтагмы-слова аппозитивно (атрибутивно)-предикативные (придаточно-сказуемые), представляющие собою сочетание морфем со значениями подлежащего и сказуемого придаточного предложения и соответствующие русским причастным и деепричастным оборотам, или придаточным предложениям (обстоятельственным и дополнительным). Примеры: *сцауъ* «я идущий»¹ (*с+цауа*), *хIымчпауъ* «мы не делаем» (*хIы+мчпауа*), *уыцIыруа* «ты не крича» (*уы+мцIыруа*), *дръмбъадзакIеа*

¹ Точнее — «я идя». (Ред.).

«они его совершенно не видя» (*д + рымбадзакIва*), *дрыуата* «он, будучи из числа их» (*д + рыуата*), или далее: *йахIтахъыз* «тот, которого мы хотели» (*й + ахIтахъыз*), *дызбауа* «тот, которого я вижу»¹ (*ды + збауа*), *санцауа* «когда я иду» (*с + анцауа*), *дхIахIваз* «там, где он сидел» (*д + хIахIваз*).

8) Синтагмы-слова предикативные (сказуемые), иначе слова-предложения, образующие такое сочетание морфем, которое воспроизводит отношение, существующее в предложении между подлежащим и сказуемым. Примеры: *йыгIарнийад* «они их встретили» (*йы + гIарнийад*), *дыгIбыйд* «мы его видим» (*ды + гIбыйд*), *йынарэхед* «они взяли его в руки» (*йы + нарахед*), *дабъпхъауа* «где он читает?» (*абапхъауа*), *йырийтад* «о нем дал то» (*йы + рыйтад*), *йыцтIашецIа* «постелите» (*йы + цтIашецIа*), *дййман* «он его имел» (*д + ййман*), *дгъызамызд* «его не было» (*д + гъызамызд*) и т. п. Отличие таких синтагм-слов от соответствующих синтагм-предложений состоит единственно в том, что на месте необходимых имен предметов и лиц предложения синтагма-слово содержит замещающие эти имена местоимения.

Приведенные категории синтагм-слов, разграничиваемых по внутренне-структурному соотношению образующих их морфем, как явствует и из приведенных примеров, не противостоят отнюдь одни другим, а перекрещиваются между собой, вследствие чего та или иная синтагма может заключать в себе нередко элементы нескольких из перечисленных выше основных, существующих категорий производных слов. Одна из этих категорий — слова предикативные — показывают наглядно, что никакой решительно принципиальной разницы не только между синтагмами-словами и синтагмами-словосочетаниями, но и между словами и предложениями в абазинском языке не существует, что поддерживается сходными явлениями и во многих других языках. Совершающиеся постоянно факты утраты ранее самостоятельными словами своего ударения, в силу постоянного нахождения в составе типичного словосочетания, при сопутствующих сдвигах в сфере значений сочетающихся элементов, дают все новые и новые примеры сложных по морфематическому составу слов. Имеются целые группы словосочетаний, находящиеся в настоящее время на грани между словосочетаниями и словами. Сюда относятся, главным образом, сочетания именного дополнения с последующим за ним (в форме атрибутивного сочетания) именем (примеры: *атишъ ахъа* «голова лошади», *кйна йыуарад* «песнь о Кйна (муж. имя)», *ТIапIанта ртаурых* «история Тапанта» и т. п.) и аналогичные сочетания имен с последующим (в форме атрибутивного сочетания) наречием (последлогом) (примеры: *агъны агIан* «в зимнее время», *ауат рны* «у них» (в доме), *адъи атишъ* «на берегу реки» и т. п.), тяготеющие к слиянию в одно слово, вследствие чего приведенные словосочетания принимают вид *атишахъа*, *кыныйуарад*, *агънагIан*, *ауатырны*, *адзатишъ* и т. п. Представляется затруднительным решить в отдельных

¹ *дызбауа* означает или «его (человека) и видя», или же «тот, который его (человека) видит». (Ред.).

случаях, имеем ли мы дело с завершившимся слиянием некогда самостоятельных слов в одно целое или случайным, возникающим в условиях нормального темпа речи облегченным произношением, выражающимся в частичной утрате словом характеризующего его, как самостоятельную единицу речи, ударения.

Классификация синтагм по их значению. По своему абсолютному значению синтагмы-слова абазинского языка разделяются на две группы: означающие непосредственные чувства, эмоции и означающие разного характера представления. Вторая группа, в свою очередь, распадается на слова, связываемые с представлениями предметов и лиц, представлениями постоянных (пассивных) и случайных (активных) признаков и, наконец, представлениями признаков второй степени (или признаков признака). Это деление лежит, по существу, в основе всякого деления слов любого языка на особые грамматические категории, называемые частями речи. Слова, означающие чувства, образуют в абазинском группу так называемых междометий, представления предметов и лиц — группу имен существительных, личных и указательных местоимений, представления постоянных признаков — группу имен прилагательных, представление признаков активных — группу причастий и глаголов и, наконец, представления признаков признака — группу наречий. Таковы основные категории самостоятельных слов абазинского языка, получающие соответственное внешнее выражение формальными средствами языка. О существующих в пределах каждой из групп более дробных подразделениях скажем далее, при рассмотрении отдельных частей речи.

Классификация синтагм по их роли во фразе. Последним разделением слов абазинского языка служит деление их по той синтаксической роли, которую они играют в составе синтагм высшего порядка — во фразах. Здесь следует наметить три основные категории: категорию слов предикативных, категорию слов полупредикативных и категорию слов не предикативных, по степени убывающей сказуемости слов, т. е. способности их играть роль важнейшего в абазинском языке элемента фразы — предложения — сказуемого, или так называемого предиката.

К первой категории относятся слова, характеризованные выше по внутреннему структурному признаку как предикативные, ко второй апозитивно-(атрибутивно)-предикативные и к третьей — все остальные группы, независимо от особенностей их структуры — апозитивно-атрибутивные, копулятивные и копуляционные, объектные, постпозиционные и препозиционные.

ЧАСТИ РЕЧИ

Классификация частей речи. Переходим к рассмотрению отдельных частей речи в абазинском языке. По соображениям практического порядка указанная выше чисто логическая группировка слов по их абсолютному значению комбинируется нами с группировкой слов

по их синтаксической функции, вследствие чего мы получаем такую последовательность изложения этого отдела: 1) междометия, 2) местоимения, 3) существительные, 4) прилагательные, 5) причастия, 6) глаголы, 7) наречия, 8) послелог, 9) числительные, 10) союзы и некоторые частицы. Соответствующие разделы частей речи отнюдь не равноправны и перекрывают нередко друг друга, так что предложенная группировка не может считаться классификацией в собственном смысле слова, когда в основание деления кладется единый принцип деления, исключающий возможность одновременного отнесения какого-либо слова к разным рубрикам. Такими «неравноправными» основному для абазинского языка делению самостоятельных слов на междометия, имена, глаголы и наречия являются, как увидим ниже, местоимения (сводная группа из имен и наречий), прилагательные (разновидность имен существительных), причастия (имена с глагольными чертами), послелог (разновидность наречий), числительные и союзы (частично — не являющиеся самостоятельными словами, а служебными морфемами, частично — совпадающие с именами и наречиями).

Междометия

Междометиями называются выражения, служащие условным (отнюдь не инстинктивным), сигнальным отображением естественных возгласов, сопровождающих у человека переживание различных чувств (эмоций). Их морфологической особенностью служит бесформенность, т. е. неделимость на отдельно значимые морфемы, хотя нередко по своему происхождению такие междометные слова представляются сложными синтагмами, обесмысливаемыми при переходе их в категорию междометий. Другой формальной принадлежностью междометий служит их синтаксическая обособленность, взаимонезависимость междометий и остальных членов фразы-предложения. Примеры междометий: *ya* «эй» (призыв), *yaуау* «увы, горе» (возглас печали, скорби), *йаууай* «ах, жаль» (возглас сожаления), *йыруй* «что» (возглас недоумения), *хIайтI* «эй» (возглас призыва), *хIагIе* (возглас, которым останавливают быков), *лу* «тьфу» (возглас отвращения, возмущения), *уый мIарджыхара* «на помощь» (возглас призыва) и т. п. Междометия отделяются на письме от других слов предложения запятой, если их не сопровождает особо выраженная восклицательная или вопросительно-восклицательная интонация, в каком случае ставится восклицательный (а при особой силе тона два восклицательных) или вопросительный и восклицательный знаки.

Местоимения

Категория местоимений складывается в абазинском языке из слов различных других категорий «частей речи» и служебных морфем, выделяемых и объединяемых по признаку их смысловой функции — служить словами, замещающими слова более конкретного значения. Так, личные

местоимения 1-го и 2-го лица замещают собственные имена лиц, непосредственно участвующих в разговоре. Местоимения личные 3-го лица, указательные и вопросительные замещают названия и имена лиц и предметов, о которых идет речь в разговоре, а указательные, кроме того, выполняют роль относительных определений или приложений при именах. Местоимения притяжательные также замещают имена лиц и предметов, в роли обладателей, производителей, собственников какого-либо другого предмета. Формально все эти местоимения являются или именами существительными и прилагательными, или служебными морфемами в составе именных или глагольных форм (местоимения притяжательные, вопросительные и относительные). Впрочем, имеются и кое-какие специальные внешние выразители местоименно-именной категории слов: 1) следы старого «местоименного склонения», характеризующего местоимения личные и вопросительные, в виде существования двух основ — прямой основы на *a* и косвенной основы на *ы* (типа *са-*, *сы-*; *да-*, *ды-*), используемой ныне в двух значениях — притяжательного местоимения, в составе синтагм атрибутивного значения, и личного, в составе синтагм предикативного и атрибутивно-предикативного значения; 2) разноосновность единственного и множественного числа местоимений личных и указательных (например: ед. число *сарà*, мн. число *хларà*; ед. число *анйй*, мн. число *анйт*).

Местоименные наречия, производные от основ местоимений указательных, стоят в таком же отношении к наречиям конкретного значения, в каком другие местоимения-имена находятся по отношению к существительным. Формальной характеристикой местоименных наречий служат некоторые особые, им одним присущие форманты (как, например, *са*), в других наречиях не употребляемые.

Местоимения личные. Местоимения личные могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица личных местоимений

1-е лицо	ед. число	<i>са</i>	мн. число	<i>хла</i>
2-е лицо	ед. число муж. рода	<i>ya</i>	мн. число для	} <i>шва</i>
	ед. число жен. рода	<i>ба</i>	обоих родов	
3-е лицо	ед. число муж. рода	<i>йа</i>	мн. число для	} <i>ра</i> ¹
	ед. число жен. рода	<i>ла</i>	обоих родов	

Различение во 2-м лице ед. числа личных местоимений двух родов составляет любопытную особенность абазинского и абхазского языков, отсутствующую в большинстве других языков.

В приведенной форме личные местоимения употребляются по преимуществу энклитически, т. е. в тесном сочетании с другой синтагмой, принимающей на себя ударение, причем в составе синтагмы обязательно присутствует то же самое личное местоимение в краткой форме на *ы*,

¹ Следует: *да(ра)*. (Ред.).

в связанных с ней значениях или личного или притяжательного местоимения. Например: *са сьдѡа* «без меня», *уа уьдѡа* «без тебя» и т. д.; *са сьйьд* «я иду», *хIа дыхIчIвьб* «(это) наша собственность», *са сьгьыр бьйбрыхъвахъвад* = *ба + йьбрыхъвахъвад* «ты согнула мою иглу», *уа уым-цън* «ты не ходи», *шва шьтагьIуашид* «вы встанете», *са сьйIлата* «я стоя» и т. п.

В абхазском языке простая (нераспространенная) форма личных местоимений употребляется, повидимому, несколько чаще, чем в абазинском и предпочтительна в ряде сочетаний, например: *састIвь* «мой», *уаутIвь* «твой», *рартIвь*¹ «их»; *сасъвпI*, *уауъвпI* «я (есмы)», «ты (есть)» и т. п. Однако во всех без исключения случаях употребления кратких форм они могут быть заменяемы формами, распространенными окончанием *ра*. Примеры *сасъупI*, *уауъупI* и т. д. показывают существующие только в абхазском и неизвестные абазинскому формы предикативного употребления (со связкой *упI*) нераспространенной основы личных местоимений. Это формы, дающие основание ассоциировать распространенную форму местоимений, оканчивающуюся на *ра*, с формой отглагольных имен (инфинитивов). Формы *саупI*, *уаупI*, *баупI*, *йаупI*, *лаупI*, *аупI* (образована по аналогии, от основы притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа класса неразумных), *хIаупI*, *шваупI*, *рәупI* оказываются при таком сопоставлении как бы формами аориста (или настоящего времени глаголов состояния) от глагола *сарә* «мне быть» (или «быть мною»), *уара* «тебе быть» (или «быть тобою») и т. д. В абазинском языке употребляемые в предикативном значении личные местоимения сочетаются с вспомогательным глаголом *ькIвьзIара* «быть, существовать», например: *са(ра) сәкIвьб (сәкIваб)* «я (есмы)», *уа(рә) уәкIвьб (уәкIваб)* «ты (есть)», *са(ра) сәкIвын* «я был», *уа(ра) уәкIвын* и т. п.

Распространенная форма личных местоимений. В самостоятельном, независимом от других слов фразы употреблении указанные личные местоимения распространяются служебной морфемой *ра*, служащей для образования отвлеченных и отглагольных имен. Первоначальное значение этого рода сочетаний можно приблизительно передать русским «моя самость» (= *са + ра*), «твоя самость» (= *уа + ра*, *ба + ра*) и т. д. Этот же формант *ра* участвует в образовании неопределенного местоимения *хIара* «нечто». В распространенном виде таблица личных местоимений принимает следующий вид:

1-е лицо ед. числа		<i>сарә</i>	мн. число	<i>хIарә</i>
2-е » ед. числа муж. рода		<i>уарә</i>	мн. число	<i>шварә</i>
	жен. рода	<i>барә</i>		
3-е лицо ед. числа муж. рода		<i>йарә</i>	мн. число	<i>дарә</i> ²
	жен. рода	<i>ларә</i>		

¹ Следует — *дара ртIвь*. (Ред.).

² *дара* получается вм. ожидаемого **рарә*, как кажется, в силу диссимилиации первого *р*.

Замечания требует прежде всего местоимение 3-го лица ед. числа муж. рода *йарà*, употребляемое значительно реже других личных местоимений и притом в двух различных значениях: основном, соотносительном с *ларà*, в смысле, подчеркивающим мужской пол лица, когда на этом делается ударение (*йарà* «он, мужчина» употребляется по преимуществу женщинами в разговоре между собою) и производном, соотносительном с *дарà*, в смысле, подчеркивающим единичное личное участие лица или предмета в каком-либо деле. В последнем случае *йарà* переводится на русский язык «он именно, он сам» и ставится в атрибутивное (апозитивное) отношение к другому имени (т. е. приравнивается к указательному местоимению), как, например: *ахIàрф бжьыда здзхьагылыу ахIàрфый йарà бжьыдый* «около которой стоит безгласная буква, и сама безгласная (буква)»; *йарà дзIайыйд* «он сам (именно он) приходит»; *йарàзныкI* (*йара + зныкI*) «однажды, сразу» (букв. «именно один раз»); *йарàбырг* «именно он», *йарасахIат* «тотчас же» и т. п. Аналогичную судьбу испытывает *йарà* и в абхазском языке, сохраняющем все же несколько более широкое применение этого местоимения сравнительно с абазинским, в котором личное местоимение 3-го лица неопределенного рода выражается, как правило, указательными местоимениями.

Местоимение 1-го лица мн. числа *хIарà* имеет инклюзивное значение, т. е. означает, что говорящий включает в число «нас» и того, к кому речь обращена. В значении эксклюзивном, т. е. исключающем того, к кому обращаются, употребляется сочетание личного местоимения *хIарà* с указательным элементом *барат*¹ — *хIарàбарат* «мы без тебя». В абхазском в этом значении употребляется также сочетание, но несколько иного значения, а именно: *хIарт* (где *т* представляет в деформированном виде основу местоимения *да + ра*). По аналогии с абаз. *хIарàбарат*, абхаз. *хIарт* (в значении «вы без меня») употребляется в абаз. *шварàбарат*, в абхаз. *шварт*. Постановка личного местоимения дважды подряд дает обычное в случаях редупликации (ср. выше) изменение значения в сторону его усиления: *шварàшвара* «вы сами (по себе)», *ларàларà* «она сама (по себе)» и т. д.

Личные местоимения часто сочетаются с некоторыми служебного значения «частичными словами» — морфемами, как, например: *сарàбырг* «я именно», *уарàбырг* «ты именно» и т. п.; *сарый* «я?» (при переспросе) (из *сара +* вопросит. местоим. *й*; в абх. в этом же значении *сарàу*), *уарый* «ты?» и т. п.; *саргьы(й)* «и я» (*сара +* союзная морфема *гьы*), *уаргьы* «и ты» и т. д. В значении «я сам» и т. д. употребляется сочетание личного местоимения *сарà* с постпозиционного типа синтагмой *схьатàла*: *сарà схьатàла* (далее: *уарà ухьатàла* и т. п.).

Попадая в синтагматическом сочетании с глагольными словами предикативного значения в положение субъекта (подлежащего) предложения, личные местоимения 1-го и 2-го лица принимают краткую форму

¹ Следует: *абарат*. (Ред.).

с(ы), у(ы), б(ы), хI(ы), шв(ы), замещающую ожидаемые *са, уа, ба* и проч. Что в данном случае имеет место чисто фонетическое, т. е. не связанное с изменением грамматического смысла, явление, а не морфологическое чередование прямого и косвенного падежей местоименного склонения, делает вероятным то обстоятельство, что в личных местоимениях 3-го лица наблюдается в подобных синтагматических сочетаниях ясное различие между «косвенным падежом» личного местоимения (переводимым нами условно притяжательным местоимением) и прямым падежом местоимения, являющимся местоименным формантом 3-го лица ед. и мн. числа (переводимым нами условно личным местоимением 3-го лица в им. пад. подлежащего и образуемым с помощью вопросительных местоименных частиц *да* и *йа*, испытывающих такую же точно фонетическую судьбу, что и личные местоимения 1-го и 2-го лица, т. е. переход от «прямых» форм *да, йа* к форме *д(ы), й(ы)*. Ср. различие *сарà сцыйд* «я иду», *уарà уыцыйд* «ты идешь», с одной стороны, и *йарà (ларà) дцыйд* «он (она) идет», *йарà (дара) йыцыйд* «оно (они) идет (идут)», с другой. Это различие прямой и косвенной форм личного местоимения 3-го лица и аналогия таких сочетаний, как *сарà суыс* «мое дело», *уарà ууыс* «твое дело», *йарà йуыс* «его дело», *ларà луыс* «ее дело», *дарà руыс* «их дело» дают основание выделять, в качестве особой, синтаксически и фонетически несамостоятельной, грамматической категории абазинского азыка, группу местоимений притяжательных, точнее префиксальных местоименных притяжательных частиц (морфем).

Местоимения притяжательные. Притяжательные местоимения представлены в следующей таблице:

Таблица местоимений притяжательных

1-е лицо ед. числа	<i>с(ы)</i>	мн. числа	<i>хI(ы)</i>
2-е лицо ед. числа муж. рода	<i>у(ы)</i>	мн. числа	<i>шв(ы)</i>
жен. рода	<i>б(ы)</i>		
3-е лицо ед. числа класса разумных			
муж. рода	<i>й(ы)</i>	мн. числа	<i>р(ы) — д(ы)</i>
жен. рода	<i>л(ы)</i>	(обоих классов)	
3-е лицо ед. числа класса неразумных		<i>а(на)</i>	

Вводимые, таким образом, притяжательными местоимениями грамматические категории разумных существ (сюда относятся имена, означающие людей, независимо от их пола и возраста, и существ персонафицируемых, приравниваемых фантазией человеческим существам, каковы животные в сказках, духи, ведьмы и т. п.) и неразумных существ и предметов находят свое отражение, как увидим далее, помимо притяжательных местоименных частиц, еще в местоимениях вопросительных, в образуемых с их помощью глагольных формах,

в известной, ныне постепенно утрачивающей значение форме множ. числа имен существительных и, наконец, в синтагмах счетного значения.

Приведенные формы притяжательных местоимений выполняют в абазинском языке тройную функцию:

1) Эти формы служат чаще всего притяжательными частицами при именах, например: *схъа* «моя голова», *уынанIй* «твоя рука», *бцанIй* «твоя (женщины) нога», *йыжакIа* «его борода», *лхъабра* «ее коса», *ацIыхъа* «его (животного) хвост», *хIыла* «наш глаз», *шпынцIа* «ваш нос», *риIа* «их рот». Перевод «моя, твоя» и т. д. основан, разумеется, на смысловом приравнивании абазинских выражений в целом к соответствующим русским, и можно было бы, имея в виду другие функции соответствующих частиц, в частности ту, которая указывается нами ниже в пункте 3, поставить вопрос о закономерности формального приравнивания этих частиц именно притяжательному местоимению или родительному падежу личных местоимений. Высказывалась в научной литературе, применительно к абхазскому и черкесскому языкам, в частности, та мысль, что эти «притяжательные» частицы скорее соответствуют дательному падежу русского языка и других европейских языков. Однако, помимо того, что признание здесь дательного отношения имеет ввиду лишь особый вид значения этой последней категории, так называемый «дательный владения» (посессивный), количественное преобладание в языке примеров, переводимых именно притяжательным отношением, оправдывает условное, конечно, именование этих частиц притяжательными. Это помогает, в частности, разъяснить ближайший смысл второй функции притяжательных частиц.

2) Эти формы служат целям указания на логический субъект действия в глагольных формах переходного значения, например: *уызбыйд* «я тебя вижу», *сызбыйд* «ты меня видишь», *уылбийд* «она тебя видит», *уыйбийд* «он тебя видит», *уабыйд* «оно (животное) тебя видит», *уыгIбийд* «мы тебя видим», *сыжзбийд* «вы меня видите», *уырбийд* «они тебя видят». В приведенных примерах, где *з*, *гI* и *жз* представляют закономерные варианты *с*, *хI* и *шз*, в соседстве с звонким *б* (ср. выше), мы имеем глагольные формы переходного значения, где притяжательные местоименные частицы соответствуют по смыслу русским «я, ты, он» и т. д. Точное значение формы открывается при учете: а) основного значения глагольной основы, имеющей, как мы видели выше, полумименной, а иногда и вполне именной характер; б) таких примеров предикативного употребления атрибутивных сочетаний имени с притяжательной местоименной частицей, каковы следующие: *ауыс дахъадъб* «он руководитель дела» (*д + а + хъада + б*, где *а* несомненно частица притяжательная 3-го лица ед. числа, класса неразумных), *хIыйтгIачъаб* «мы его семья» (*хIы + й + тгIачъа + б*, где *й* притяжательное местоимение 3-го лица ед. числа, муж. рода), *йыхIгIеъазъб* «он — наш товарищ» (*йы + хI + гIеъаза + б*, где *хI* притяжательное местоимение 1-го лица мн. числа), *йыръбджъарб* «оно — их оружие» (*йы + р + абджъар + б*, где *р* притяжа-

тельное местоимение 3-го лица мн. числа) и т. п. Совершенно ясно, что эти примеры ничем по своей структуре не отличаются, например: *уызбаб* «я тебя увижу» (*уу+з+ба+б*), *сыубаб* «ты меня увидишь» (*сы+у+ба+б*) и т. д.; в) замечаний, сделанных только что в пункте 1. Оказывается, таким образом, что переводить следует, держась ближе формального значения сочетания, «ты мое (мне) видимое» = «я тебя вижу», «я твое (тебе) видимое» = «ты меня видишь» и т. д.

3) Эти же формы служат в известных случаях для указания на косвенный объект действия, а именно в глагольных формах переходного и вдвойне переходного значения, так, например: в формах глаголов «давать» (*тра*), «говорить» (*хIварà*) и др.; ср. например: *йууыстад* «я тебе дал то» (предмет) (*йу+уу+с+та+д* = то+тебе+мое+данное было), *йыхIнàтхд* «оно (предмет, явление) дало нам то» (*йу+хI+на+тхд* = то+нам+его (неразумн.) данное снова было), *сыуыпхыйд* «я тебе кричу» (*сы+уу+пхыйд* = я+тебе+кричащий есть), *хIапхьаб* «мы будем читать» (*хI+а+пхьаб* = мы+ему (т. е. книге)+кричащие будем), *йадрьпхыйд* «они заставляют их читать» (*й+а+д+рыпхыйд* = они+ему (книге)+их+кричать понуждаемые суть), *йылайхIвд* «он ей сказал то» (*йу+ла+й+хIвд* = то+ей+его+сказанное было) и т. п.

Особые формы притяжательных местоимений. Приведенные в последнем пункте примеры требуют некоторых пояснений: 1) Форма *на* вместо *а* в качестве притяжательного местоимения класса неразумных употребляется только в значении указания на логический субъект действия в глагольных формах переходного значения, и то лишь при условии сложности глагольной основы, состоящей в этих случаях из чистой основы и префикса (обычно местного значения); в приведенном примере (*йыхIнàтхд*) притяжательная местоименная частица (*хI*) приравнивается по грамматическому значению такому префиксу. Приведем другие примеры употребления *на* вместо *а*: *йыгIана-цIад* «она снесла» (яйцо, о курице) (*йу+гIа+на+цIад*, где *гIа* глагольный префикс неопределенного значения «сюда»); *йыныкьэнажыйд* «оно приводит то в движение» (*йу+ныкьэ+на+жыйд*, где *ныкьэ* глагольный префикс реального значения, равный по существу основе глагола «ходить, двигаться»); *йанàхIвд* «оно (неразумн.) ему (неразумн.) сказало то» (*й+а+на+хIвд*, где местоимение *а* приравнивается глагольному префиксу); *йыгIаунацтхд* «оно (неразумн.) отпустило его (неразумн.)» (*йу+гIау+на+цтхд*, где *гIау* сложный из *гIа+ау* глагольный префикс); *йыгIанàд* «оно (неразумн.) принесло то» (*йу+гIа+на+д*, где *гIа* глагольный префикс) и т. п. Форма *на* возникла, повидимому, из *а* в результате неправильного морфологического членения синтагмы, путем отнесения к притяжательной частице *а* последнего звука некоторых паречного значения префиксов, оканчивавшихся согласным *н* (ср. ниже, в отделе наречий, формант «местного падежа» *на*). До сих пор сохранились единичные примеры употребления *а* вместо *на* в составе сложных глаголов, например глагола *чвыфрa* «отъедать» (*чвы+ф+ра*) — *йырч-вəфуан* «оно (животное) у них съедало» (*йу+р+чв+а+фуан*, где *а* вм.

ожидаемого *на*). Вторым, еще более редким и несознаваемым уже вариантом местоимения *а* служит форма *ай*, засвидетельствованная в абхазском словом *айын* (вм. **а*+*ан*) «мать животного, например теленка»; в абхазском и абазинском формой залога взаимности *ай* (например, *айсра* «ссориться», *айгвабара* «видеться друг с другом, специально навещать новых родственников после женитьбы», изредка в близком значении и в именах: *айцала* «(со)невестка», *айцIба* «младший» и т. п.); единичными глагольными формами (например: абхаз. *йанайду* вм. *йан*+*а*+*ау* «когда он (неразумн.) нашел то»); все указанные случаи вызваны стремлением избежать слияния (нарушающего морфологическую ясность сочетания) двух звуков *а*, стоящих рядом.

2) Форма *ды* вместо *ры* употребляется в значении логического субъекта действия и косвенного объекта действия в формах понудительного залога; *ды* возникает здесь в силу диссимилиации двух (трех) *р*: одного, образующего форму понудительного залога, и второго (*а* иногда и третьего), образующего субъект (при третьем *р* — объект) действия. Приведем другие примеры употребления *д* вместо *р*: *йыдырхәуд* «они направили то» (*йы*+*ды*+*рхауд* вм. *йы*+*ры*+*рхәуд*, где *рхау* основа понудительного глагола «направлять»), *йыдсрәжвәйд* «я заставляю их пить» (*йы*+*д*+*с*+*рыжвәйд*, где *рыжв* — основа понудительного глагола «заставлять пить»), *йынкәвәддыргәйд* «они заставляют их вести то» (*йы*+*нкәв*+*д*+*ды*+*ргәйд*, где *рг(а)* основа понудительного глагола «заставлять вести»).

3) в формах глагола *хIварә* «говорить» наблюдается исключительная по огласовке форма местоименных частиц, указывающих на косвенный объект действия: *йыгIасәйхIвәд* «он сказал мне то» (*йы*+*гIа*+*са*+*й*+*хIвәд*, где *са* — «мне» вм. ожидаемого — *сы*), *йыгIаудәйхIвәд* «он сказал тебе то» (здесь *уа* — «тебе»), *йыгIахIәйхIвәд* «он сказал нам то» (здесь *хIа* — «нам»), *йыгIарәйхIвәд* «он сказал им то» (здесь *ра* — «им») и т. п. Представляется затруднительным решить, являются ли здесь «полные» формы на *а* пережитком первоначального косвенного (дательно-направительного) значения форм *са*, *уа* и т. д., или же эту особенность следует объяснять как-нибудь иначе. В пользу первого решения говорят некоторые факты аналогичного (и поддающегося известному осмыслению) чередования *а* и *ы* в единичных формах имен существительных и некоторых глагольных префиксов, о чем см. ниже.

В роли притяжательных местоимений синтаксически самостоятельных используется в абазинском языке сочетание притяжательных местоименных частиц с существительным *чIәы* «собственность», т. е. *счIәы*¹ «мой» (или *сасчIәы*, *сарасчIәы*), *уычIәы*¹ «твой» (*уауычIәы*, *уарауычIәы*) и т. д., употребляемое по преимуществу предикативно, в роли сказуемого, т. е. в дальнейшем сочетании со связкой, например: *арәй сасчIәыб*, *ауәса ауәй уауычIәыб* «это мое, а то твое». Соответствующие формы в абхазском языке имеют более широкое применение, ввиду ослабления в нем соб-

¹ Формы *счIәы*, *уычIәы* неупотребительны. (Ред.).

ственного значения морфемы *mIwy* (фонетически соответствующей абазинскому *чIwy*) и перехода ее на положение именного словообразовательного суффикса со значением «относящийся к, принадлежащий» (кому-либо, чему-либо).

Определенный член. Наряду с указанными тремя значениями префиксальных притяжательных частиц, одна частица, именно частица 3-го лица ед. числа класса неразумных *a* имеет, повидимому, еще одно важное грамматическое значение — значение определенного члена имени, в общем соответствующего аналогичному явлению в ряде западноевропейских языков (немецком, французском, английском и др.).

Не подлежит сомнению, что в современном употреблении этой частицы предполагаемая нами генетическая и смысловая связь ее с соответствующим притяжательным местоимением значительно ослаблена и опознается лишь в соотносительном противопоставлении другим притяжательным местоимениям. В употреблении этой частицы (в качестве определенного члена) наблюдается заметное различие между таантинским и шкараванским, с одной стороны, и закавказскими абхазскими наречиями — с другой. В абазинском языке присоединение форманта *a* характеризует предмет, как известный говорящим, определенный обстоятельствами дела или контекстом речи. Формы без *a* встречаются достаточно часто, например, на вопрос о том, как называется тот или иной предмет или явление, ответ содержит нормально чистую основу слова, сохраняющую значение единственного числа. Примеры: *арый зачIвййа?* «это что такое?» — Ответ: *арый — мзаб, багъб, рыб* и т. д. «это — лампа, лисица, войско» и т. д. Несколько иначе обстоит дело в абхазском. Отвлекаясь от некоторых частных (особой формы звательного обращения и особенностей стиля пословиц и т. п., где употребление чистой основы несколько отличается от повседневной разговорной нормы), можно сказать, что здесь сочетание имени с частицей *a* является нормальной формой, не выражающей уже отчетливо определенности, известности предмета (как в абазинском), а в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда употребляется чистая основа слова, значение ее приближается к идеальной бесформенности. Так, например, *тиш* — в абазинском языке «некая лошадь» (пока неопределенная, ранее в речи не упоминавшаяся), в абхазском же это выражение более отвлеченного, собирательного понятия «лошади вообще» и может быть переводимо как единственным, так и множественным числом, например: *тиш сымам* «у меня нет лошади» (вообще, одной или многих). Учитывая эту разницу, можно признать, что с точки зрения словаря основной формой слова служит в абазинском чистая основа, тогда как в абхазском в этой роли выступает сложение: опред. член *a* + основа; соответственно при составлении абазинского словаря следует помещать слова прежде всего в форме чистой основы, а формы с определенным членом лишь во вторую очередь. Различие абхазского и абазинского языков в отношении значения и употребления чистой глагольной основы имеет своим источником то, что в абхазском суффикс *kl*,

присоединявшийся первоначально к именам для образования одного падежа числовой единичности, эволюционировал в своем значении и образует в настоящее время два падежа: падеж единичности: *тшыжI* «одна (единственная) лошадь» (противопоставляется падежу собирательному *тшы* «лошадь» (вообще), «лошади»), и падеж неопределенности: *тшыжI* «какая-то (неизвестная, ранее не упоминавшаяся) лошадь» (противопоставляется падежу определенному *атшы* «та известная, упомянутая лошадь»).

Местоимения указательные. Перейдем к местоимениям указательным, выполняющим в абазинском языке двойную функцию: реже — функцию слов, замещающих названия предметов и лиц (имена существительные); чаще — функцию заместителей относительных определений при названиях предметов и лиц (имена прилагательные). Подобно местоимениям личным, указательные местоимения представлены в двух основных формах — кратких, фонетически не самостоятельных (энклитических) и потому тесно примыкающих к тому имени, к которому они относятся, и полных, имеющих обычно самостоятельное ударение (в случае употребления в первой из названных функций) и самостоятельную синтаксическую роль.

В отличие от русского и многих других языков, но аналогично абхазскому и кабардинскому, абазинский язык различает три возможных пространственных отношения говорящего к предмету речи: предмет, о котором говорится, находится в ближайшем соседстве с самим говорящим; предмет, о котором говорится, находится в некотором отдалении от говорящего, в соседстве с тем, к кому речь обращена; предмет, о котором говорится, находится в соседстве с третьими лицами, близкими или далекими, присутствующими или отсутствующими. Таково основное значение трех различных основ указательных местоимений, переосмысливаемое нередко вторично — в значениях: предмета, близкого говорящим, предмета далекого, но все же видимого говорящим и предмета невидимого.

Таблица местоимений указательных (краткой формы).

ара — этот (рядом со мной находящийся)
ана — тот (рядом с тобой находящийся)
ауа — тот (рядом с ним находящийся)

Существующие, таким образом, в абазинском краткие формы указательных местоимений имеют в закавказских наречиях абхазского языка несколько иное значение и употребление, а именно: они (в форме *арà*, *анà*, *уа*) употребляются в значении местоименных наречий («здесь у меня, там у тебя, там у него»), сохраняют фонетическую самостоятельность (собственное ударение) и синтаксическую независимость (обстоятельственных слов — наречий места). Ср. ниже абазинские местоименные наречия.

Приведенные краткие формы не различают сами по себе ед. и мн. числа, принимая тот или иной смысл в зависимости от значения той

именной формы, к которой они примыкают, например: *арахIарф* «эта буква», *арахIарфэа* «эти буквы». От этих форм образуются путем присоединения к ним сокращенной основы личных местоимений 3-го лица ед. (й) или мн. (ѳ) числа некроткие формы указательных местоимений того же значения, различающие уже ед. и мн. число.

Таблица местоимений указательных (некроткие формы)

Единственное число

<i>арйй</i> (из <i>ара + й</i>)	соотв.	кабард.	<i>мыр</i>
<i>анйй</i> (из <i>ана + й</i>)	»	»	<i>мор</i>
<i>ауйй</i> (из <i>ауа + й</i>)	»	»	<i>ар</i>

Множественное число

<i>арѳт</i> или <i>арт</i> (из <i>ара + ѳ</i>)	соотв.	кабард.	<i>мыхѳр</i>
<i>анѳт</i> или <i>ант</i> (из <i>ана + ѳ</i>)	»	»	<i>мохѳр</i>
<i>ауѳт</i> (из <i>ауа + ѳ</i>)	»	»	<i>ахѳр</i>

В целях более выразительного, конкретного указания на интересующий говорящего предмет, приведенные некроткие формы допускают дальнейшее распространение их с помощью указательной частицы *ба*, вставляемой между начальным *а* и следующим за ним согласным. Образованные таким образом варианты означают «вот этот» (у меня), «вот тот» (у тебя), «вот тот» (у него) и т. д.

Таблица местоимений указательных

(распространенные формы)

<i>абарйй</i>	<i>абарѳт</i>	или	<i>абѳрт</i>
<i>абанйй</i>	<i>абанѳт</i>	или	<i>абѳнт</i>
<i>абауйй</i>	<i>абауѳт</i>		

Соответствующая абазинской абхазская система указательных местоимений отличается лишь в некоторых фонетических подробностях, а именно:

1) *арйй*, *анйй*, *уый* (= абаз. *ауйй*), *арт* (*арѳт* не употребляется), *ант* (*анѳт* не употребляется), *урт* (= *ауѳт*); ср. зеленч. абаз. *уыт*.

2) *абрйй*, *абнйй*, *уыбрый* (= *абауйй*); ср. зеленч. *ауый* (*абѳрт*, *абѳнт*, *уыбѳрт* (= *абауѳт*); ср. зеленч. *ауыт*.

Помимо сочетания с указательной частицей *ба*, местоимения *арйй*, *анйй*, *ауый* и т. д. вступают нередко в сочетание с усилительной частицей *бырг* «именно», *арййбырг* «этот именно», *анййбырг* «тот именно» и т. д.

Приведенные указательные местоимения некроткого и распространенного видов выполняют обычно в своей первой функции роль личного местоимения 3-го лица ед. числа *йарѳ*, ограниченного, как мы видели выше, немногими случаями применения. Чаще всего в этом

значении (= русск. «он») выступает, естественно *ауьй*. По аналогии с 3-м лицом ед. числа и во мн. числе *дарà* уступает часто свою роль указательному *ауàт* (= русск. «они»), приобретая само в силу этого противоположения нередко значение более выразительного, подчеркнутого «они» (именно).

Теряя конечные морфемы *и* и *т*, распространенные формы местоимений *абрьй* и *абаньй* выступают в значении указательной частицы «вот»: *абàр*, *абàн*. Например: *абàр кIолхòз* «вот колхоз», *абàн кIнйга* «вот книга» и т. п.

Местоименные наречия места и образа действия. От кратких форм указательных местоимений образуются два типа местоименных наречий: наречия места и наречия образа действия.

Наречия места: *арàга* или *арьга* «здесь, сюда, отсюда», *анàга* или *аньга* «там, туда, оттуда», *ауàга* (*ауьга*) «там, туда, отсюда». Различное (тройное) значение приведенные формы получают в зависимости от глагольного слова, к которому они относятся в составе фразы: например: *арàга дгьлаб* «он стоит здесь», *арàга дгIайд* «он пришел сюда», *арàга дгIатцIд* «он вышел отсюда». Соответственно тапантинским *арàга*, *анàга*, *ауàга*, в шакараванском диалекте употребляются формы *арàкга*, *анàкга*, *ауàкга*. Закавказский абхазский язык, сохраняющий за морфемой *кга* самостоятельное значение послелога «по направлению к» (например: *агIенькга дцойтI* «он идет домой, по направлению к дому»; переносное значение «около, примерно», например: *гIебахьа* «около двух, примерно два»), употребляет в этом значении и простые *арà*, *анà*, *уа* (как указано выше) и *арàкга*, *анàкга*, *уàкга* (иногда и *арàга*, *анàга*, *уàга*).

В специальном значении «по направлению к (чему-либо), в сторону (чего-либо)», в менее определенном значении, чем абх. *кга*, употребляется в абазинском и абхазском сочетание краткой основы с формантом *хь*: *арàхь*, *анàхь*, (*а*)*уàхь*. В закавказских наречиях абхазского языка допустимо на вопрос «откуда» образование специальных форм, неизвестных абазинскому языку, оканчивающихся на *нтIв* или *тIв*: *арàнтIв*, *арàхьтIв* «отсюда» и т. п.

Наречия образа действия: *арàса* «этак, таким образом», *анàса* «так, таким образом», *ауàса* «так, таким образом». Соответствующие абхазские формы звучат *арса* (лит. абх. *арс*), *анса* (лит. абх. *анс*) и *уис*. Сюда же относятся в абхазском образуемые от распространенных форм наречия *абàрс* (*абàс*) и *уьбàрс* (*уьбàс*, *уьбьс*). Ввиду утраты формантом *са* своего первоначального самостоятельного значения наречия образа действия «так» (связано этимологически с формантом относительных причастий образа действия *шы*) формы эти в абазинском распространяются нередко вторым наречным формантом *мца* (*мцара*, *мцра*), принимая вид: *арàсамца* (*арàсамцара*, *арàсамцра*) «таким образом» и т. д., и несколько видоизменяя значение в сторону глагольности — *арàсамца(ра)* «при таких обстоятельствах, когда дело обстояло таким образом». Форма *ауàса* служит, кроме того: в роли почти единствен-

ного в абазинском языке самостоятельного сочинительного союза «но, а»; в роли неопределенного местоимения «какой-либо», например: *ау́дса а́жанахъа́жI* «какое-либо предложение».

От кратких же форм, когда гласный *а* меняется на *ы*, образуются наречия, совмещающие оба оттенка значения: местный (локальный) и образный (модалный), а именно: *ары́ла* «этим путем, образом, в этом направлении», также *аны́ла*, *ауы́ла*. Нередко встречаются удвоенные формы *арылары́ла*, *аныланы́ла*, *ауылауы́ла* в значении «так-то и так-то, таким-то и таким-то путем».

Первоначальное инструментальное (орудивное) значение этих форм сохраняется в некоторых примерах, как-то: *ауы́ла хы́гъразым* «мы тем недовольны, мы с тем не согласны».

Местоимения вопросительные. Местоимения вопросительные представлены в абазинском языке в двух формах: самостоятельной (и неразложимой на составные части), соответствующей по значению русскому «какой, какого рода, что за...?» и несамостоятельной, соответствующей по значению русскому «кто, что?». В первом значении употребляются две формы, в зависимости от того, идет ли речь о человеке или о предмете: *дзачIвэй́йа* «какой, какого рода, что за (человек)? кто такой?», *зачIвэй́йа* (реже *ачIвэй́йа*) «какой, какого рода, что за (предмет)? что такое?».

По своему несознаваемому уже первоначальному значению формы эти разложимы на морфемы (*д*)*э*+*а*+*чI**вы*+*йа*, букв. «(кто)+который+спределенный (принадлежащий ему, неразумному)+собственность+что», т. е. «к какому классу, роду вещей, предметов (он) относится, принадлежит?». Если спрашивающий намерен узнать о нескольких предметах или лицах, может быть образована общая форма мн. числа *зачIвквэй́йа* (*э*+*а*+*чI**в*)*ы*(+*квэ*+*йа*) «каковы, какого рода, что за (предметы, лица)?». Ср. аналогичного морфологического состава абазинские вопросительно-притяжательные местоимения: *дызчIвэй́йуда* «кому он принадлежит?», *йызчIвэй́йуда* «кому оно принадлежит?», *дызчIвэй́йда* (*йызчIвэй́йда*) «кому он (оно) принадлежал?», во мн. числе *йызчIвквэй́йуда* «кому они принадлежат?», абх.: *дызтIвэй́йда* (*йызтIвэй́йда*) «кому он (оно) принадлежит?», букв. «тот, чьей собственностью он (оно) является, кто такой?» (*ды*+*э*+*тI**вы*+*да*, *йы*+*э*+*тI**вы*+*да*; *тI**в* закономерно соответствует абаз. *чI**вы*).

Приведем примеры употребления самостоятельных вопросительных местоимений: *арый* (*д*)*зачIвэй́йа* «что (кто) это такое (какой)?»; *арый а́хъыз* *зачIвэй́йа* «как это называется?»; *уы́хъыз* *зачIвэй́йа* «как твое имя?»; «как тебя зовут?»; *уы́зэ́тпигIауа* *зачIвэй́йа* «что ты ищешь?»; *йы́уфа* *зачIвэй́йа* «что ты кушал?»; *йы́гIай* *дзачIвэй́йа* «кто пришел?»; *йы́гIаэд* *дзачIвэй́йа* «кто принес?»; *йы́гIайдыз* *зачIвэй́йа* «что он принес?»; *дызачIвэй́йа* (*а*)*уый* «кто он такой?»; *уызачIвэй́йа* «ты кто такой, кто ты?»; *са* *сзачIвэй́йу* *уард* *ууыс* *гы́зуы́мам* «кто я такой, не твое дело». Последний пример (ответ на вопрос *уызачIвэй́йа*), наряду с формой мн. числа *зачIвквэй́йа*, показывает наглядно отчетливую разложимость (*д*)*зачIвэй́йа*

и в настоящее время на элементы *зачIвы* и *йа*. Способность этих элементов инкорпорировать, т. е. включать в состав сочетания, любое существительное видна из примеров: *арый акыт йызачIкытйа* «что это за селение?», *арый агвын йызачIгвынйа* «что это за группа?» и т. п.

Параллельным *(ð)зачIвййа* самостоятельным вопросительным местоимением с основным значением «каковой, какого рода, на что похожий, чему подобный?» служит *(ð)зачпиййа*, во мн. числе *йызачпиквдйа*, употребляемое совершенно аналогичным образом и допускающее, в частности, разложение на *зачп(ы)* и *йа* (например: *арый акыт йызачпиквдйа*).

Этимологическое значение элемента *зачп(ы)* более прозрачно для говорящих, чем происхождение *зачIвы*, ввиду существования в современном употреблении местоимения уподобительного *апи* (ср. ниже), что дает возможность выделять из состава *зачп(ы)* морфему *з*.

В значении «кто именно?» употребляется в абазинском языке *дазыуда* (повидимому *ð + а + зы + у + да*, букв. «кто его сделал?»).

Местоимения *дзачIвййа* и *зачIвййа* представляются характерным отличительным признаком говоров Танапта в отличие от Шкарава, употребляющего в этом значении соответственно: *закIвдйа* «кто такой?» и *закIвйй* «что такое?» (*з + акIвы + да*, *з + акIвы + й*, где *акIв(ы)* основа вспомогательного глагола «существовать»). Литературный абхазский язык имеет соответственно *дызуйсда* «кто он (такой)?» (букв. «тот, чьим делом он является, кто?») (*йы)закIвы(за)й* «что (такое)?»; во мн. числе *йызуйсквада* «кто они?»

Абазинскому языку неизвестны существующие в закавказских наречьях абхазского языка самостоятельные вопросительные местоимения *дърбан* «кто, который?» (о разумном), *йърбан* «что, который?» (о неразумных) и образованные по аналогии с ними формы *сърбан*, *уърбан* и т. д.

Простейшая форма вопросительных местоимений. Рассмотренные синтаксически самостоятельные вопросительные местоимения представляют собой, таким образом, результат сложения с элементами *йа* или *да*, каковые и являются основными и обычными, в сочетании с глагольными формами, лишенными ударения и значения самостоятельного слова вопросительными местоименными формантами со значением «что (или кто)?». Такие сочетания *йа* и *да* с глаголом выполняют так же, как и рассмотренные выше местоимения вопросительные самостоятельные, синтаксическую роль предиката (сказуемого), и относятся по структурному типу к числу синтагм предикативных. Приведем примеры употребления несамостоятельных вопросительных местоименных частиц *да* (кто) и *йа* (что): *уыззыпигIаудйа* «что ты ищешь?»; *уыззыпигIаудда* «кого ты ищешь?»; *йууфдйа* «что ты скушал?»; *йууфда* «кого ты скушал?»; *йыгIайда* «кто пришел?»; *йыгIайдызда* «кого он привел?»; *йыгIаардйа* «кого она родила?»; *йыхдйа* «что он сделал?»; *йыгIаайа* «что стоит?»; *йыхIаудйа* «что он говорит?»; *йыгIарызтууда*

«кто им даст?»; *йырѣмьуда* «кого они имеют?»; *ауѣт лѣцѣІада* «кто их посадил, посеял?»; *йѣзраивѣхда* «кто их полол?»; *йамгІанѣйа* «каково его значение?» (точнее: «что представляет собою его значение?»); *йѣуѣхъ-уѣзѣйа* «что у тебя болело?».

В наречиях абхазского языка соответствующими абазинским частицами являются *да* и *ѣй* (или *й*), например: *уѣзѣтѣиѣауѣй* (*уѣзѣтѣиѣауѣзѣй*) «что ты ищешь?»; *уѣзѣтѣиѣауѣда* «кого ты ищешь?».

Рассматривая приведенные примеры, нетрудно заметить, что формы, оканчивающиеся на *да* и *ѣа*, получают при переводе их на русский язык два значения: *да* соответствует «кто, кого» и *ѣа* «что (им. пад.), что (вин. пад.)». Это различие значения зависит от состава предшествующей вопросительным частицам *да* и *ѣа* части синтагмы, каковая может быть анализируема лишь при знакомстве с относительным местоимением *з* и причастием (см. ниже).

Как уже указывалось выше, эти же вопросительные местоименные частицы служат, взамен личного местоимения 3-го лица, в несколько измененной форме *ѣ(ы)* и *й(ы)*, для выражения логического субъекта действия в глагольных формах непереходного значения и логического объекта действия в глагольных формах переходного значения; в этом своем применении они предшествуют основе глагола и являются, таким образом, частицами префиксальными, в отличие от своего основного значения вопросительных местоимений, когда они употребляются суффиксально. Ср. различие: *ѣ+ѣйѣд* «он (разумн.) идет», *йѣ+ѣйѣд* «он (неразумн.) идет», с одной стороны, и *йѣѣауѣ+да* «кто идет?» (букв. «идущий кто?»), *йѣѣауѣ+ѣа* «что идет?» (букв. «идущее что?»), с другой стороны.

Местоименные наречия относительные и вопросительные. Относительные и вопросительные местоименные наречия (соответствующие русским «где, куда, откуда, когда» и т. п.), не имеют в абазинском языке самостоятельной словесной формы и выражаются в составе анпозитивно-предикативных и предикативных синтагм, в сочетании с тем или иным глаголом (последний — в форме причастия). Образуются они от соответствующих форм относительных наречий, путем присоединения к ним специального вопросительного форманта *ба*, утраченного в самостоятельном, независимом от данных сочетаний употреблении абазинским, но сохраненного в этой роли в абхазском.

Таблица относительных и вопросительных наречий

Относительные наречия	Вопросительные наречия
<i>ѣа</i> (соотв. шкарав. <i>ѣѣа</i>)—где, куда, откуда	<i>а+ба</i> — где? куда? откуда?
<i>аѣ</i> — когда	<i>аѣ+ба</i> — когда?
<i>и(ы)</i> — как	<i>и+ѣа</i> (из первонач. <i>и+ба</i>) — как?
<i>ахъ</i> — куда (в каком направлении, в какой стороне)	<i>ахъ+ѣа</i> (из первонач. <i>ахъ+ба</i>) — куда?

Употребление указанных наречий может быть иллюстрировано следующими примерами:

1) *с-ѡа-ѡауа* (или *с-ахъѡа-ѡауа*, ср. ниже); *ауаІа ѡа̀рдаб* «там, куда я иду, людей много»; *ѡы-ѡа-ѡаз аннѡ* «там, куда они пошли»; *ѡ-ѡа-ѡІвауа* «там, где он сидит»¹; *ѡ-ѡа-ѡІваз* «там, где он сидел»; *ѡ-ѡа-ѡІвыуш* «там, где он будет сидеть»²; *с-абѡа-ѡауа* «куда я иду?»; *ѡ-абѡа-ѡаз* «куда они пошли?»; *ѡ-абѡа-ѡІвауа* «где он сидит?»¹; *ѡ-абѡа-ѡІваз* «где он сидел?»; *ѡ-абѡа-ѡІвыуш* «где он будет сидеть?»²; *ѡ-абѡа-ѡІауыцІ* «откуда он вышел?»; *ѡ-абѡа-ѡІажсвуаш* «откуда мы достанем?» и т. п.

2) *с-ан-ѡауа* «(тогда) когда я иду»; *ѡ-ан-ѡаз* «(тогда) когда они пошли»; *ѡ-ан-ѡІвауа* «(тогда) когда он сидит»¹; *ѡ-ан-ѡІваз* «когда он сидел»; *ѡ-ан-ѡІвыуш* «(тогда) когда он будет сидеть»¹; *с-анѡа-ѡауа* «когда я иду?»; *ѡ-анѡа-ѡаз* «когда они пошли?»; *ѡ-анѡа-ѡІвауа* «когда он сидит?»¹; *ѡ-анѡа-ѡІваз* «когда он сидел?»; *ѡ-анѡа-ѡІвыуш* «когда он будет сидеть»²; *ѡ-анѡа-ѡІауыз* «когда он вступил (в должность)?» и т. п.

3) *ѡ-шы-нхауаз* «(так), как он работал»; *сы-ш-ѡауа* «(так), как я иду»; *ѡы-ш-ѡаз* «(так), как они пошли»; *ды-ш-ѡІвауа* «(так), как он сидел?»¹; *ды-ш-ѡІваз* «как он сел (сидел)»; *ды-ш-ѡІвыуш* «(так) как он сядет»; *ды-шпѡ-нхауаз* «как он работал?»; *сы-шпѡ-ѡауа* «как я иду?»; *ды-шпѡ-ѡІвауа* «как он сидит?»¹; *ды-шпѡ-ѡІваз* «как он сел (сидел)?»; *ды-шпѡ-ѡІвыуш* «как он сядет?» и т. п.

4) *ѡ-ахъѡа-ѡуу* «(та сторона), где он (неразумн.) находится»; *ѡ-ахъѡа-ѡаз* «та сторона, где он находился»; *ѡ-ахъѡа-ѡуу* «в какой стороне он находится?»; *ѡ-ахъѡа-ѡаз* «в какой стороне он находился?»; *ѡ-ахъѡа-ѡа* «в какую сторону он (неразумн.) пошел?»; *ѡ-ахъѡа-нѡуу* «место (сторона), где он находится» (его местонахождение); *ѡ-ахъѡа-нѡуу* «в каком месте он находится?» и т. п. Последняя пара примеров показывает, что *ахъ* сочетается иногда с *ѡа*, с оттенком значения «в том направлении, куда; в том месте, где» (ср. выше *с-ахъѡа-ѡауа*).

В наречиях абхазского языка относительные местоименные наречия *ѡа* и *ахъ* совпадают в единой форме *ахъ* (следовательно, вм. *сѡаѡауа* говорят *сахъѡауа* и т. д.). Абазинскому языку почти неизвестны тождественные по морфологической структуре сочетания абхазского языка типа: *ѡ-ауѡ-стахуу* «конечно, я не хочу»; *ѡ-ауѡ-зѡауа* «конечно, я не возьму»; *ѡ-ауѡ-ѡхІвауаз* «конечно, он не сказал бы» и т. п.

В случае необходимости поставить вопрос «где, куда, как» безотносительно к какому-либо глаголу употребляются сочетания: *ѡабѡаІвыу* «где?», *ѡанѡаІвыу* «когда?», *ѡышпѡаІвыу* «как?» (где *аІвыу* основа вспомогательного глагола «существовать, быть»). В абхазском языке соответствующие формы существуют в более простой форме *ѡабѡа* «где?», *ѡанѡа* «когда?», *ѡышпѡа* «как?».

Процесс постепенного развития рассмотренных форм, имеющих в своем составе вопросительные наречные частицы, может быть восста-

¹ Следует: «сидится» (Ред.).

² Следует: «сидиться» (Ред.).

новлен суммарно следующим образом: *џа*, *ан* и *ахь* служили некогда самостоятельными наречиями, вступавшими в свободное препозиционное отношение к глагольной основе позднейшей предикативной синтагмы. Так, например, для *џа* в составе синтагмы *сџатџ* «там, где я находился» можно предположить первичное словосочетание такого рода *са(рџ)* «я» + *џа* «там» (ср. *џа* в *арџџа*, *анџџа* и *кџа* в более широком употреблении послелога в абхазском языке) + *таз* «находившийся был». Для выражения вопроса к наречию-предлогу присоединялась вопросительная частица *ба* (собств. *б* связка + *а* вопр. частица), употребляемая и сейчас самостоятельно в абхазском языке при переспросе (например: *Хасан ба* «(ты говоришь) Хасан?», *сарџ ба* «(ты говоришь) я?»). Присоединение вопросительной частицы именно к наречию-предлогу, а не к глаголу основано на том, что вопрос направлен не на действие, как таковое (в каком случае, как увидим ниже, вопросительный элемент *ма* присоединяется к самому глаголу), а лишь на ближайшее обстоятельство места, времени и т. п. совершения действия. *Ахь* сохранилось в качестве несамостоятельной морфемы суффиксально в составе некоторых наречий (*арџхь*, *анџхь*), послелога (*анџхь*, *џџахь* и т. д.) и префиксально в составе некоторых сложных глагольных основ (*ахьдзарџ* «догнать», *ахьџсра* «прикоснуться» и т. п.); *ан* сохраняется пережиточно в формах «местного» падежа, еще живого в абхазском и сохранившегося в абазинском лишь в единичных синтагмах (например, *агІан* «во время», *уџсхџан* «тогда» и др.). Таким образом, можно думать, что присоединение *ба* для выражения вопроса именно к наречиям относится еще ко времени синтаксически свободного употребления наречно-предложных частиц *џа*, *ан*, и *ахь*, не сливавшихся еще со следующим глаголом и предшествующим личным, или вопросительным, местоимением в одну синтагму.

Присоединение к вышеуказанным вопросительным сочетаниям *аба*, *анба*, *ахьба* морфемы *дза* (представляющей собою корень глагола со значением «достигать») имеет значение «докуда?», «до каких пор?», «в какой мере?». Сочетание *аба* + *дза* получает при этом фонетическую самостоятельность и приобретает нередко вопросительно-восклицательное значение «в какой степени, насколько?!», например: *џабџдза тамамта уџс нкџвыуџ* «как (насколько) правильно исполнил ты дело!»; *џабџдза бџџџ дапхьџуџа* «как он хорошо читает!»; *џабџдза мыџгеџмхџу* «какой скверный день!»; *дабџдза таџ гвалцарадџџу лџмыџу* «как умна старуха!» и т. п.

Местоимение относительное. Весьма значительную роль играет в системе абазинского языка относительное местоимение «который», сохранившееся лишь в форме несамостоятельной служебной морфемы *з*¹, связанной, вероятно, по происхождению с также полуутра-

¹ Ср. ст. К. В. Ломтатидзе. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. «Сообщения АН ГрузССР», т. III, № 4, 1942, стр. 389—396 (Ред.).

ченной, в отдельном употреблении не встречаемой морфемой числительного «один». Во всех случаях применения этой морфемы, она соответствует формально лишь косвенным падежам относительного местоимения «который», и по своему значению примеры употребления ее могут быть разделяемы на следующие группы: 1) *з* = неопределенно-притяжательному местоимению других языков «чей» или род. пад. «которого»; 2) *з* = дательному падежу других языков, в значении: «которому» или «для которого»; 3) *з* = инструментальному (орудийному) или творительному падежу других языков со значением «которым, при помощи, посредством которого»; 4) *з* = «почему, зачем» (в этом значении неопределенно-относительное местоимение *з* граничит с морфемой послелога «для» и потому представляется вероятным звуковое и смысловое совпадение двух различных по происхождению морфем).

Приведем примеры употребления неопределенно-относительного местоимения «который»:

1) *аудт амы-з-чIвдз* «тот, кто их погубил» (букв. «они которого погубленные были»); *йы-з-бауд* «видящий» (форма случайно совпадает по значению с «тот, которого я вижу» в силу перехода с *в* *з* перед звонким *б*, о чем см. выше, букв. «оно которого (которому) видимое»); *йы-з-чпда* «кто сделал?» (букв. «оно которого сделанное, (он) кто?»); *уы-з-ырбзйхыуи хъшвыкI* «какое-либо лекарство, которое тебя вылечит» (букв. «которого ты будешь понужденным выздороветь»); *уы-з-лйц агвып* «группе, в которой ты находишься»; *ды-з-цтдйа* «что он ищет?» (букв. «которого сзади он (находится), что?»); *уы-з-дгйлыз* «рядом с которым ты встал»; *зы-пны-дцаудда* «к кому он идет?» (букв. «тот, которого к соседству он идет, кто?»); *з-хъа з-напIйцIам* «бестолковый» (букв. «голова которого в руке которого не находится»); *йыгIа-з-хъшдйа* «от чего они происходят?» (букв. «то, от которого они происходят, что?»); *йы-з-дзхъачIбъу адзй* «рока, на берегу которой мы живем»¹; *зй-хъы: гIахI-хIейуи* «имя которого мы назовем»; *йы-з-чIвду* «хозяин» (букв. «тот, которого собственностью является»); *з-мгIандла йытамдхаз* «законченный по смыслу» (букв. «которого по смыслу совершенно») и т. п.

2) *ауасдхча з-быхIвауа* «которого ты называешь пастухом» (букв. «которому ты говоришь пастух»); *швы-з-пхъдз* «прочитанный вами» (букв. «тот, которому вы кричали»); *йы-з-брыфда* «кого ты накормила?» (букв. «то, которому ты дала есть, кто он?») и т. п.

3) *йы-з-ларьдзхъыцIуайа* «чем они отличаются от них?» (букв. «то, которым они отличаются от них, что?»); *йы-з-ла-чIвййуа* «то, чем они куют?(Ред.)»; *йы-з-ларьпхъауайа* «как их зовут?» (букв. «то, которым их называют, что?»); *йы-з-ладхIвдIайа* «чем они связаны?»; *йы-з-ланхъауа амашйнакв* «машины, которыми они работают»; *йы-з-лайдуйа* «по какой цене он купил то?» (букв. «то, которым он нашел, что?»); *ды-з-лапсййа* «почему он умер? отчего он умер?»; *йы-з-лацдз длацыйб* «каким путем оно пошло, тем путем и идет» и т. п.

¹ Следует: «... они (оно) живут (живет)» (Ред.).

4) *уы-зы-цIа́йа* «для чего (зачем) ты находишься внизу?»; *йы-зы-ржу́йа* «для чего (зачем) они копают?»; *аха́рə зы-рымхау́д арый̆ а́кIы́б* «причина, по которой они не работают, такова»; *уы-з-гIа́мый̆а* «почему ты не пришел?»; *йы-з-а́нхьау́йа* «почему оно так называется?»; *уы-з-хIа́хьау́йа* «зачем ты кричишь?»; *уы-зы-мц́айа* «почему ты не пошел?»; *а́лə зы-мпи́хуа а́ла хьы́згIа́д* «собака не смотрит потому, что я закрыл ее глаза»; *сы-з-гьы́хуа ау́дй̆ а́кIы́б* «благодаря этому, я опять встану» (букв. «я почему опять встану, это есть») и т. п.

Как уже сказано, в своем последнем значении морфема *з* связана, вероятно, с послелогом *з* «для», в самостоятельном употреблении известным абхазскому, а в абазинском встречающимся лишь в сочетании *а́хьаз* «для» (букв. «для головы», т. е. «для себя»). Послелог *з* встречается чаще в положении префиксальном в составе синтагм глагольного значения и переводится или дательным падежом: *шы-зы́-цIа́рй̆д* «вы ей кричите» (букв. «для нее»); *йы-рыз̆-рчпа́д* «они им сделали»; *й-а́зы-хIа́ху́йа* «что мы ему (неразумн.) сделали», или сочетанием с предлогом «для»: *уы́гIа-сы́-нхьа́д* «ты для меня (ради меня) остался»; *йы-зы́-йха́д* «он сделал для нее, ради нее»; *уы-рыз̆-гьы́д* «ты встал для них» и т. п. Стечение неопределенно-притяжательного *з* с префиксальным *з* в значении «для» дает двойное *зз*, например: *йы-зз-хэ́дй̆цIа́ра гIа́зə* «товарищ, которому он мог бы поверить»; *уы-ззы́-ни́гIа́уə* «которого ты ищешь» (букв. «тот, для которого ты смотришь»); *д-зы́з-гIа́й дьа́кIы́йа* «для кого он пришел?» (букв. «тот, для которого он пришел, кто?»), ср. *ды-з-гIа́й за́кIы́йа* «зачем он пришел?»; *с-зы́з-цау́дйа* «для чего я иду?», ср. *сы-з-ца-у́дйа* «зачем я иду?»; *з-хьа́ ззы́-нкъы́мгауə* «не умеющий себя держать» (букв. «которого голову которому вести не удается»); *ды-зы́з-цы́уи́дə* «для кого он пойдет?» и т. п.

В сочетании со словом *гара* (производным от *га* «около, примерно», в абхаз. *к̆а+ра*, где *ра* — формант отвлеченных имен), образующим относительное наречие «столько, такого размера, количества» (например: *арый̆ а́гара* «столько», *мчы́бжьы́кI а́гара* «с неделю»; *ажьа́ гадза́-цIа́з а́гара йы́гIхьы́д* «заяц сколько сидел, столько (же) и пробежит» и т. п.), это неопределенно относительное *з* образует вопросительное наречие *гара́* «сколько?». Примеры употребления: *гара́-гIə* «сколько (людей)», *гара́ сы́кьы́й* «сколько лет» обычно в сочетании с вопросительным *йа*: *гара́ сы́кьы́й дьы́тагьла́зйа* «сколько ему было лет?», *гара́ сы́кьы́й дьы́тйа* «сколько ему (сейчас) лет?», *йы́згара́зйа* «каков он был?», «какого размера он был?» и т. п.

Местоимения определительные. Местоимения определительные абазинского языка имеют, подобно другим группам местоимений, две формы: самостоятельную и несамостоятельную. «Каждый» выражается посредством *дасы́у*, в самостоятельном употреблении субъекта предложения и суффиксальных *йы́пхьа́дз̆а́й̆*, *йы́пхьа́дз̆а́гьы́й̆*, *йы́гIа́дз̆а́й̆*, *цIы́пхьа́дз̆а́* (sic! Ред.), *гIа́дз̆а́пхьа́дз̆а́гьы́й̆* в атрибутивном употреблении, например: *м̆зы́пхьа́дз̆а́й̆*, *м̆зы́гIа́дз̆а́й̆* «каждый месяц», *гьы́п̆ы́пхьа́дз̆а́й̆* «каждая группа», *сəхIа́м̆цIы́пхьа́дз̆а́* (sic! Ред.) «каждый час», *с̆кьы́и́гIа́дз̆а́пхьа́дз̆а́гьы́й̆*

«каждый год», *мышгIадзпхьадзэгъый* «каждый день» и т. п. Этимологическое значение названных суффиксальных элементов таково: *пхьадза* — основа глагола «считать» (след. «считанный»); *гIадза* — основа глагола «достигать» (след. «достигший»). Отнесем в эту же группу местоимений: *ымгIаь* (*ымгIаьгъый*, *ымгIаьдзэгъый*) «весь, всё, все» (соотв. абаз. зеленч. *йызэгъы*, абх. *зайгъы*), *шкьытыу* (*шкьытыугъый*, *шкьытдзугъый*) «весь, всё, все» (соотв. абаз. зеленч. *шкьытыугъый* букв. «всем сельским коллективом»). Особенностью этих местоимений служит постановка их после того слова, к которому они, как приложение, относятся, например: *аджьауапкьа ымгIаьдзэгъый* «все ответы».

К числу определительных местоимений следует отнести и частицу, образующую возвратный залог *тшы* «себя», например: *тшыжвбжьа* «приучайте себя», *тшычпъд* «он притворился» (букв. «сделал себя»); *тшыкIабаръ* «купаться» и т. п. «Сам» выражается с помощью суффиксального *ахъатъ*, *ахъатъла*, например: *саръ схъатъла* «я сам», *ауьй йыхъатъла* «он сам» и т. д. (по первоначальному значению это сочетание «местного» падежа на *та* с орудивным на *ла* от существительного «голова», *хъа*; в абхазском *ахъатъ*).

Утратившим свою производительность и непонятным с современной абазинской точки зрения является префиксальный элемент *ансы(й)*, представленный в значении «каждый, всякий, еже-» (например: ежедневно, ежечасно и т. п.), в составе выражений *ансыкьшагъый* или *ансыкьшагъый* «ежегодно, каждый год»; *ансы(й)мышгъый* или *ансымышгIаьдзэгъый* «ежедневно, каждый день»; *ансы(й)уахъагъый* «каждую ночь»; *ансы(й)хъвланъ* «каждый вечер»; *ансы(й)цымта* «каждое утро», соотв. абх. *йасъшыкьса*, *йасъмша*, *йасуахъ*, *йасъхъвланзы*, *йасъцыжьымтан*; в абхазском, наряду с перечисленными, существует громадное количество постоянно употребляющихся аналогичных сочетаний (*йаскIрыфан* «каждый раз, как я кушаю»; *йасгълан* «каждый раз, как я встаю» и т. п.; сюда же *гIаскьынгъы*, *йыскьынгъы* «всегда»). Происхождение этого префиксального элемента, ясное (хотя и не всегда сознаваемое говорящими) в абхазском языке — *гIас* основа глагола «проходить, миновать» (букв. «проходящий, минующий») затемнено в абазинском привходящим элементом *ан* тождественным вышерассмотренному относительному местоименному наречию, со значением «когда».

Местоимения неопределенные. Местоимениями неопределенными являются следующие: *аджъеъ* (реже *аджъы*, абх. *адзъы*) «некто, кто-либо»; *хIаръ* «нечто, что-либо»; *закIы* «нечто (одно)» (= абх. *акIыр*, *акIры*); *датшъ* (реже *атшъ*) «другой» (употребляется по преимуществу атрибутивно, самостоятельно *датшъ закIы* «другой, один») *агъый* «другой, следующий», мн. число *агъыйкьа* (ср. еще употребляемое при перечислении *агъыйн* «и так далее»); *анта(хъ)гъыт*, *анта(хъ)гъычIе*, *ана(хъ)гъыт*, *ана(хъ)гъычIе* «следующий», также *арта(хъ)гъыт* и т. д.

В атрибутивном значении «некий» выражается по преимуществу специальной падежной формой существительных на *кI*, о которой см.

ниже; «один—другой» выражается обычно посредством *азаки-ана(хь)-гыи* *азакI*.

Отрицательно «никто, ничто» выражаются сочетанием *заджэгыи*, *закIгыи*, с последующей отрицательной формой глагола, например: *заджэгыи дыгзымбэд* «я никого не видел»; *закIгыи арага гытам* «здесь нет ничего» и т. п.

Местоимением уподобительным служит сочетание: *арый апи* «такий, подобный», *аныи апи* «такой» и т. п.

Имена существительные

Основная часть представлений о внешнем мире состоит из представлений о различных окружающих человека предметах и лицах, языковым средством выражения которых служит имя существительное. Формальной характеристикой этой части речи в абазинском языке служат: 1) фонетическая самостоятельность синтагм, имеющих значение имени существительного; 2) специальные словообразовательные морфемы имен существительных, позволяющие говорящим образовывать, на основе существующего запаса слов, новые слова; 3) система словоизменительных морфем, образующих склонение имен существительных; 4) синтаксическая функция существительных — в качестве субъекта (подлежащего) или объекта (дополнения) предложения, определять местоименные морфемы предикативной (сказуемой) синтагмы.

Образование существительных. Рассмотрим сначала важнейшие служебные морфемы, с помощью которых образованы многие из существующих и могут быть образуемы новые существительные.

Живыми, т. е. способными по мере надобности образовывать новые слова, словообразовательными суффиксальными морфемами существительных являются в абазинском языке нижеследующие:

1) *ра* — с помощью этого суффикса образуются от имен, преимущественно прилагательных, имена отвлеченные, и от глагольных основ — имена действия. Например: *бэый* «хороший», *бэый + ра* «хорошее качество» (букв. «хорошесть»); *дыу* «большой», *дыу + ра* «величина»; *чIэкIын* «маленький, молодой», *чIэкIын + ра* «малость, молодость»; *цIарэ* «острый», *цIарэ + ра* «острота»; *лаше* «слепой», *лаше + ра* «слепота»; *багэ* «лиса», *багэ + ра* «свойство лисицы, хитрость»; *ахI* «князь», *ахI + ра* «княжество, господство»; *агIей* «человек», *агIе + ра* «человечность»; *жэла* «семья», *жэла + ра* «население, народ»; *жый* «кузнец», *жый + ра* «кузнечество, кузница»; *тыдзы* «дом», *тыдз + ра* «хозяйство» (букв. «домовитость»); *хIеа* «слово»; *хIеа + ра* «говорить, говорение»; *акэпсэ* «наброшенное» (нечто), *акэпса + ра* «набрасывать» и т. п. Очевидно, тот же формант *ра* участвует в образовании ряда местоимений (см. выше), а также в образовании мн. числа (собирательного значения) небольшой группы слов, имеющей в ед. числе окончание *с* (см. ниже). Первоначальное значение форманта — «много, множество», что явствует из сопоставления его с морфемой *ра* в составе *рачэ* «много» (сюда же, повидимому,

относится и *ры* «войско»). Соответствующий формант существует и в абхазском языке.

2) *ргIа* — суффикс, образующий от собственных имен, фамилий наименования для родственных групп людей — однофамильцев. Например: *цйкџџа* (название фамилии) — *цйкџџа-ргIа* «члены фамилии Цейква, Цейквовы»; *лау-лаургIа* «Леовы»; *таубыль-таубыльргIа* «Табуловы»; *агырба-агырбагIа* «Агырбовы» и т. п. В абхазском соответствующий формант звучит *аа* и имеет дополнительное применение для означения группы лиц, одного места происхождения, например: *дџа-аа* «Дальцы», *цIабџа-аа* «Чебельдинцы» (ср. в абаз. также *апхџџсргIа* «женская группа»). Приведенное сопоставление с абхазским слџжит подтверждением былой разложимости *ргIа* на *р+гIа*, где *р* — показатель притяжательного отношения 3-го лица мн. числа, а *гIа* — люди (в самостоятельном употреблении последнее слово звучит *угIа*). Известны единичные примеры употребления сочетания *р+аа* и в абхазском, например: *дџд-раа* «ребята» (с точки зрения мужчины), *нџн-раа* тоже (с точки зрения женщины) и др.

3) *гIа* — формант, заимствованный из кабардинского языка, где он звучит *гџе*, в абазинский попал первоначально в составе заимствованных слов, как то: *шџвџйтнџгIа* «свобода», *мыубагIџ* «бойкот» и т. п. Образует от имен и глаголов отвлеченные имена, например: *дажурнџ-гIа* «дежурство» (от *дажурна* «дежурный»); *ахџџгIа* «болезнь», *атџгIа* «подарок» и т. п. Формант этот неизвестен закавказским наречиям абхазского языка.

4) *рта* образует от глагольных основ имена со значением «место действия», например: *нхџ-рта* «место работы, поле», *чџ-рта* «место еды, столовая», *гџла-рта* «место стояния, стоянка», *хџ-рта* «место ранения, рана», *џнхџа-рта* «место чтения, школа», *чџагџџ-рта* «место пахания, пашня», *мараташџ-рта* «место захода солнца, запад» и т. п. В единичных случаях образует от имен вторичные имена со значением «местонахождение» (предмета), например: *мџы* «просо», *мџџ-рта* «местонахождение проса, просяное поле». Формант *рта* был некогда разложим на составные части *р+та*, где *р* — притяжательное местоимение 3-го лица мн. числа, а *та* первоначальная основа глагола «находиться в чем-либо». В некоторых случаях имела место, очевидно, контаминация (смешение) с близко звучащим словом *тра* (или *тарџ*) «вместилище, местонахождение» (например: *чџа-тарџ* «местонахождение сена, сеновал»).

5) *га* образует от глагольных основ имена со значением «орудия действия», например: *џнхџа-га* «орудие чтения, учебник»; *агIџџ-га* «орудие письма, ручка»; *анхџ-га* «орудие работы, средство работы»; *апкџџ-га* «орудие молотџбы, молотильный инструмент»; *чџахџ-га* «орудие кошения сена, сенокосилка»; *шџанкIџ-га* «приспособление для хватания за ноги овец» и т. п. Как показывают примеры, значение «орудия» действия переходит иногда, при атрибутивном (апозитивном) употреблении соответствующих слов, в значение прилагательного: «служащий для такого-то действия, цели». Формант *га*, живой и в абхазском употреб-

ления, ассоциируется по своему первоначальному значению с корнем глагола «носить», «приводить в движение».

6) *ца* образует от глагольных основ имена со значением «способа действия», переходящие нередко к значению «процесса действия», например: *апхьа-ца* «способ чтения, чтение», *анхъ-ца* «способ работы, работа», *апхьадзъ-ца* «способ счета, счет», *анькэва-ца* «способ хождения, хождение», *бэа-ца* «способ жизни, образ жизни», *агIвь-ца* «способ писания, писание», *ахIвъ-ца* «способ произношения, произношение» и т. п. Этимологически формант *ца* связывается с отсутствующей в абазинском языке, но сохраняемой в абхазском основой глагола «соблюдать (норму), руководствоваться».

7) *гIвь* образует от основ глаголов имена со значением «выполнителя действия»; *нха-гIвь* «работающий, крестьянин»; *апхьа-гIв* «читающий, ученик»; *арпхьа-гIв* «заставляющий читать, учитель»; *анькэва-гIв* «ходящий, ходок» и т. п. Существование в живом употреблении слова *гIвь* в значении «человек» сохраняет эвентуальную понятность сочетания основы глагола с формантом *гIвь* в смысле «исполняющий (данное) действие человек» (см. выше). Оттенок постоянства в выполнении действия, присущий форманту, выступает отчетливо в противопоставлении двух типов форм соответствующего множественного числа: *апхьачва(кwa)* «ученики» ~ *апхьагIвча(кwa)* «постоянно учащиеся»; *анхачвакъ* «работающие, крестьяне» ~ *анхагIвчакъ* «постоянно работающие» и т. п.

8) *чIвь* образует от основ глаголов имена со значением «подлежащий совершению или деланию»: *аха-чIвь* «подлежащее деланию, задача»; *гIва-чIвь* «подлежащее говорению, что нужно сказать»; *фа-чIвь* «подлежащее съеданию, пища»; *ажечIв* «подлежащее выпиванию, питье» и т. п. Формант *чIвь*, происходящий от самостоятельной морфемы со значением «собственность, принадлежность», в абхазском *тIвь* имеет в этом последнем весьма широкое применение, приобретая значение универсального суффикса отыменных и наречных прилагательных относительных. В абазинском сфера его применения ограничена указанным специальным значением, хотя различные пережитки указывают на его более значительную роль в прошлом (ср. неразложимое сейчас *алчIвь* «ольха», «ольховый»; *аджчIвь* «дуб», «дубовый» и т. п.).

9) *кwa* образует мн. число имен существительных, субстантивированных прилагательных и причастий; участвуя в образовании последних, *кwa* оказывается нередко заключенным внутри сложной синтагмы атрибутивно-предикативного или предикативного значения и производит поэтому впечатление инфикса (внутренней вставки), например: *мачей* «орудие», *маччакъ* «орудия»; *тыдзъ* «дом», *тыдзкъ* «дома»; *апхьага* «учебник», *апхьагакъ* «учебники»; *кыт* «селение», *кытка* «селения»; *йырчауа* «совершаемое ими», *йырчакъауа* «совершаемые ими»; *йанъгу* «находящийся в чем-либо», *йанкъоу* «находящиеся в чем-либо»; *йыгIай-уаш* «следующий» (который придет), *йыгIайкыуи* «следующие» (которые придут); *йырцIагIвкыу* «подписанное под ними», *йырцIагIвкыуи* «подписанные под ними» и т. п. Формант мн. числа *кwa* имеет в абазинском

значительно более широкое применение, чем в абхазском, где он ограничен категорией имен класса неразумных (ср. ниже *чва*).

Перечисленными выше ограничивается число употребительнейших в настоящее время формантов абазинского языка, служащих для образования слов из категории простых производных. Однако наряду с ними существует целый ряд реальных морфем, имеющих обычно самостоятельную звуковую форму и значение и по обстоятельствам выполняющих функцию как бы служебных морфем, но с более или менее выраженной сохранностью своего собственного значения. Из числа этих слов, стоящих как бы на грани между самостоятельными словами и служебными морфемами, упомянем прилагательные *дыу* «большой», *чІкІвын* «маленький» и *ажв* «старый», в атрибутивном положении при имени придающие основному слову нередко оттенки значения, связанные с русскими словообразовательными суффиксами, означающими различие в свойствах того или иного предмета или лица по количеству или качеству, как то: «дом», «доми́на», «домище», «домик», «домишко» и т. п. В значении увеличительном употребляется *дыу*, например, *тыдздыу* иногда почти равняется «домище», чаще «большой дом»: в уменьшительном *чІкІвын*, например, *тыдзчІкІвын* «домик, маленький дом»; уничижительном (*а*)*жв* «старый», например, *тыдзжв* «домишко, старый дом».

Наряду с вполне живыми производительными суффиксами, существуют в абазинском языке суффиксы, утрачивающие ныне способность образовывать новые производные слова. К их числу относятся главным образом *чва* и *мта*, оба хорошо известные абхазскому языку, где они сохраняют в полной мере свою производительность.

1) *чва* служило некогда, наряду с *квa*, формантом мн. числа для названий лиц из класса разумных; этимологически это *чва* связано с морфемой *чва* в составе слова *рачвa* «много». Например: *нхaгІв* «крестьянин», *нхачвa* «крестьяне»; *а́йцчва* «братья» (ед. число *а́йцa* «брат»); *а́гІвaчва* «товарищи» (ед. число *а́гІвa* «товарищ»); *а́нхІвсчва* «женщины» (ед. число *а́нхІвс* «женщина»); *а́хгaчва* «мужчины» (ед. число *а́хгa* «мужчина»); *а́тшчва* «всадники» (ед. число *а́тшгІв* «всадник»); *а́чІкІвынчва* «мальчики, дети» (ед. число *а́чІкІвын* «мальчик») и т. п. Однако в настоящее время роль этого форманта значительно сужена, что доказывается, с одной стороны, образованием мн. числа во всех, вновь возникающих в абазинском языке словах, независимо от их значения, исключительно с помощью форманта *квa* (ср. *а́пно́нквa* «пионеры»; *а́кІомсoмoлквa* «комсомольцы»; *а́кІоммуністквa* «коммунисты»; *арабoчaквa* «рабочие»; *аудaрникквa* «ударники», и т. п.), с другой же стороны, стремлением осложнять традиционно-унаследованные формы мн. числа других типов тем же формантом *квa*, являющимся единственным, вполне живым выразителем грамматической категории мн. числа. Ср. такие примеры, как *а́угІакeй* «люди» (*а́угІa* само по себе мн. число); *а́нхaчвaквa* «ученики»; *а́нхачвaквa* «крестьяне»; *а́хІвсaквa* «женщины» (в смысле «существа женского пола, т. е. женщины и девушки»; *а́хІв-*

сѣса — само по себе мн. число); *агъачвакѣй* «враги»; *аѳІкІвынчвакѣа* «мальчики, дети»; *аѳзаракѣа* «козлята» (*аѳзара* само по себе мн. число); в некоторых случаях это *кѣа* успело совершенно вытеснить старые формы, как например: *ажъѣйкѣа* «кузнецы» (ср. абх. *ажъѣйчѣа* в том же значении); *аѳзыскѣа* «козлята» (см. *аѳзара*), *апІѣыскѣа* (в специальном значении «жены») и т. п. Процесс универсализации форманта *кѣа* несомненно начался уже и в абхазском, где, например, старые формы собирательного значения на *ра* от таких слов, как *асѣс* «ягненок», *аѳзыс* «козленок», *аѳцыц* «поросенок» (см. *аѳцыс*) и нек. др. — *асѣра*, *аѳзара*, *аѳцара* — уже систематически сочетаются с *кѣа*, что дает *асѣра-кѣа*, *аѳзара-кѣа*, *аѳцара-кѣа* и т. п.; допускается также сочетание *аѳаакѣй* и пр. В абазинском форма на *чѣа*, сохраняясь уже преимущественно лишь в именах производных (на *гІѣа*), допускает во всех случаях и требует в случае необходимости оттенить множественность значения, присоединяя к себе *кѣа*. В результате получается некоторое переосмысление значения форманта *чѣа* в противоположении типа: *апхъачѣа* «ученики» (как неопределенный по количеству коллектив) ~ *апхъачѣакѣа* «много учеников»; *анхачѣй* «крестьяне» (неопределенный количественно коллектив, род людей) ~ *анхачѣакѣй* «много крестьян».

2) *мта* имело некогда значение форманта производных от имен и глагольных основ имен со значением «времени действия» (или «наличия признака»). Ср. *анхъ-мта* «время работы, рабочее время»; *аѳІа-мта* «время» (вообще) (ср. *аѳІан* «во время», *аѳІаб* «время, пора», *аѳІа-хад* «наступило время»); *аѳжымтѣа* (*аѳжымтѣа*) «утреннее время, утром» (ср. *аѳжымтѣан* «полдень»); *аѳжымтѣахъа* (*аѳжымтѣахъа*) «время старости, старость» (ср. *аѳІкІвынхъа* «время молодости, молодость») и нек. др. Суффикс утратил в абазинском свою производительность, сохраняемую в полной мере в абхазском.

В абхазском известны еще некоторые словообразовательные суффиксы имен, например: *уа* (в *апс-уа* «абхазец», *акѣрт-уа* «грузин», *аѳыр-уа* «миггрелец» и нек. др.), в абазинском совершенно не встречающиеся.

Характеризуя положение дела в целом в абхазском и абазинском языке, следует признать, что так называемое именное словопроизводство развито в этих языках (сравнительно, например, с языками того типа, к которому принадлежит русский) чрезвычайно слабо, что объясняется синтетическим по существу характером их строя. Естественный процесс, приводящий в других языках к обесмысливанию реальных морфем, поставленных в служебное положение по отношению к равноправным им морфемам, не успел привести в абазинском к тем значительным последствиям, которые преобразуют языки аморфно-синтетического строя в языки агглютинативные (широко пользующиеся при построении речи потерявшими свое первоначальное значение морфемами) и флективные (характеризуемые вторичными фонетическими изменениями основы, вступающей в сложение со служебными элементами), хотя единичные явления и агглютинативного и даже флективного порядка имеются в абазинском языке.

Система склонения. Система склонения представляет, в силу только что сказанного, весьма ограниченное число падежей, под которыми обычно понимаются такие формы имени, которые сводятся к изменениям формы основного слова, не влияющим на его реальный смысл и характеризующим лишь его синтаксическое положение в контексте речи (фразе). В отношении некоторых форм, признаваемых нами в дальнейшем изложении падежами, следует оговорить относительную условность самого понятия падежа и трудность разграничения, в частности, «падежной» формы слова от сочетания (типа постпозиционных синтагм) самостоятельно-значимых морфем.

Таблица абазинского склонения

1) Падеж неопределенный (лишенный внешней формальной характеристики), например: *тиш* «лошадь» (неопределенная); *напIы* «рука» (вообще).

2) Падеж определенный (сочетание определенного члена + падеж неопределенный): *а-тиш* (определенная, известная говорящему) «лошадь»; *а-напIы* (определенная, принадлежащая неразумному существу) «рука».

3) Падеж единичности (сочетание падежа неопределенного + формант *кI*): *тиш-кI*, *напIы-кI* «одна лошадь», «одна рука».

4) Падеж орудивный (формант *ла*): *тиш-ла*, *напIы-ла* при посредстве лошади, руки.

5) Падеж наречный (формант *та*): *тиш-та*, *напIы-та* в качестве лошади, руки.

6) Падеж лишения (формант *дза*): *тиш-дза*, *напIы-дза* без лошади, без руки.

Таблица эта требует следующих пояснений:

1) Падеж неопределенный, совпадающий с «чистой» основой имени, имеет основание считаться лишенным всякой, даже отрицательной характеристики, лишь с точки зрения абхазского словоупотребления, поскольку в абхазском языке значение его неопределенно и в отношении числа (*тиш* «лошадь, лошади», *напIы* «рука, руки»). Редкий в абхазской речи, падеж этот может быть освещен следующими примерами из абхазского литературного языка: *багIа зладзъм* «в котором нет кости» (или костей), *хэивы анайлуам* «лекарства (или лекарства) не полагается» и т. п. (как видно из примеров, этот падеж употребляется преимущественно с отрицательным глаголом). Иначе обстоит дело в абазинском, где форма падежа неопределенного означает по преимуществу неопределенность или неизвестность (с точки зрения говорящего) предмета, взятого в единственном числе, и где, следовательно, отсутствие внешней формы не мешает признавать падеж характеризованным, отсутствием форманта мн. числа, в качестве формы ед. числа.

2) Падеж определенный получает, в силу двоякой значимости фор-

манта *a*, две различные синтаксические функции: независимую и зависимо-применную. Стоя в первом случае вне тесной связи с другим именем, этот падеж не является, строго говоря, такой формой, которая характеризует своей формальной принадлежностью (формантом *a*) положение слова во фразе. Вступая же в сочетание с предшествующим ему именем (из класса неразумных), формант *a* указывает на синтаксическую зависимость сочетающейся с ним именной основы, как определяемого, от предшествующего имени, играющего роль определения; например: *акйт атий* «лошадь села».

3) Падеж единичности представляет собой сочетание основы слова с морфемой *кI*, признаваемой, как стоящий в известном отношении к числительному «один» *закIй* (соответствующая связь живее в абхазском, где «один» выражается более простой формой *акIй*). Смысл сочетания *тийкI* колеблется в абхазском между «одна, конкретная лошадь» и «некая, какая-то, безразлично какая лошадь». Формально синтаксическая значимость форманта *кI* выступает в сочетаниях характеризуемого им имени с числительными, счетными формантами, до 20: (например: *зIетийкI* «2 лошади», *хтийкI* «3 лошади», *жватийкI* «10 лошадей», *жвайзтийкI* «19 лошадей»).

4) Падеж орудивный образуется с помощью морфемы *ла*, имеющей весьма широкое служебное применение в абазинском и абхазском языках, а именно: в качестве префикса глаголов со значением «во что-либо», в качестве префикса глаголов со значением «посредством чего-либо», в качестве формы вида постоянного и, наконец, в качестве форманта отыменных и отглагольных (деепричастных) наречий.

Причисление орудивной формы к числу падежей, а не сочетаний имен с послелогом имеет различную степень обоснованности в абхазском и абазинском языках. В первом противопоставление двух рядов форм *тийла* — *атий(ы)ла*, *напIйла* — *анапI(ы)ла* показывает ясно различие формы падежа и сочетания с послелогом, тогда как в абазинском, по отсутствию, на первый взгляд, примеров второго ряда, решение несколько затрудняется. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и в абазинском находит себе аналогичное формальное различие отношений собственно-послеложного и надежного. Ср. противоположения: *хълла йагIеърхыйд* «пилой пилят» (определенный предмет), *ахън йагIагIехыйд* «при посредстве пыли заняты пылкой» (вообще, букв. «вила является тем, при посредстве чего занимаются пылкой»); *кватълла йырчвагъыйд* «плугом папсут» (определенную пашню) ~ *акватън йагIагIагъыйд* «при посредстве плуга занимаются пахотой» (вообще). Эти примеры показывают то же противоположение, какое в абхазском выражается вышеприведенными двумя формами. Это обстоятельство позволяет нам отграничить падежную форму на *ла* от нормального типа сочетания имени с послелогом и признавать орудивную форму входящей в систему склонения, как таковую, в обычном понимании этого грамматического термина. Значение падежа достаточно ясно на основании приведенных примеров. Ср. еще: *маийнала йырчыйд* «при посредстве

машины делают», *тиыйла дэлайд* «он приехал при посредстве лошади» (т. е. верхом), *уандырла дцад* «он уехал при посредстве арбы» (т. е. на арбе).

5) Падеж наречный образуется с помощью морфемы *та*, имеющей, кроме того, следующие служебные функции в абазинском языке: глагольного префикса в значении «во что-либо», форманта отыменных и отглагольных наречий и — вторично — подчинительного союза «и». Как показывает это перечисление функций, роль морфемы *та* во многом аналогична роли *ла*, и возникает вопрос об их соотношении. Основное различие восходит к самостоятельному значению этих морфем, в каком случае *та* выражает нахождение внутри закрытого со всех сторон помещения или однородного вещества (например, воды, земли), тогда как *ла* означает нахождение лишь в глубине чего-либо, в состоянии неполной погруженности в соответствующее помещение или вещество. Отсюда вытекает важное грамматическое различие падежной и наречеобразующей функций этих морфем: *ла* выражает косвенную, посредственную причастность к действию соответствующего имени, переводимую по-русски словами «при посредстве чего-либо», тогда как *та* означает полное подчинение, как бы погруженность имени в действие, выражаемое по-русски или сочетанием именительного падежа с союзом «как», или так называемым сказуемым (наречным) творительным. Иногда тонкое различие это может быть иллюстрировано следующими примерами: *бжыла йахыцIуайа* «что получается из него при посредстве звука?»; *бжыта йахыцIуайа* «что получается из него в качестве звука, каковой звук исходит из него?»; *пхылаа йыбад* «во время сна (букв. «при посредстве сна») он увидел»; *пхыта йыбад* «во сне (букв. «в качестве сна») он увидел»; *гвыпгвыпта йыгIайд* «они пришли по группам» (целыми, независимыми друг от друга группами); *гвыпгвыпта йышад* «они разделены по группам» (на зависимые друг от друга группы) и т. п. Приведенные примеры иллюстрируют также близость получаемого нередко значения (в особенности падежа *та*) к наречиям, что дает основание называть падеж на *та* «наречным». Другие примеры употребления: *мыурадта йычпад* «он пожелал» (букв. «сделал своим желанием»), ср. *мыурадта йычпад* «он пожелал» (букв. «сделал желание»); *ахи ашвыта йыхыргхыд* «молоко перерабатывают в сыр» (в качестве сыра, как сыр).

Основное «местное» значение нынешнего «наречного» падежа оставило по себе след в единичных словах, где *та* перешло давно из роли форманта словоизменения на роль форманта словообразования, как например: *агвта* «середина» (букв. «в сердце», *агвы* «сердце»); ср. еще абх. *амхат* «в поле» (*амхы* «поле»); *агIенат* «хозяйство» (*агIены* «дом») и др.

6) Падеж лишения, означающий «без чего-либо», признается нами за таковой в силу того же формального отсутствия основания считать данное сочетание основы существительного + морфема *дза* за сочетание с послелогом, каковое отмечено по поводу падежа орудивного. Исто-

рически морфема *д̂а* возникла из сочетания *д̂ + а*, где *д̂* — сокращенная форма форманта «отрицательных» прилагательных *да* (*х̂а̂ + да* «безголовый», от *х̂а* «голова»; *х̂ы̂лла + да* «не имеющий шапки», от *х̂ы̂лла* «шапка»; *чы̂мла̂ + да* «не имеющий лестницы», от *чы̂мла̂* «лестница»; *аны̂ + да* «не имеющий матери», от *ан* «мать»), а *а* — упоминавшийся выше формант наречий места.

Падеж лишения образуется и от личных местоимений, как то: *са-ра̂д̂а* «без меня», *уа-ра̂д̂а* «без тебя» и т. д. Соответствующая абхазская форма падежа лишения, имеющая формальным средством выражения *да*, противостоит близким по значению сочетаниям имен с послелогом *ада*; ср. *тий̂да* «без лошади» ~ *ати̂(ы̂)а̂да*; *нап̂Îда* «без руки» *анап̂Î(ы̂)а̂да*.

Падежи неопределенный, определенный, единичности, а также орудивный и наречный образуют более тесные подгруппы, отдельные члены которых сознаются соотносительно в противопоставлении друг другу, чего нельзя сказать о соотношении других форм, нередко сочетающихся между собой (сочетаются, в частности, форма определенного с формами орудивного и наречного, как например: *ар̂ый аса̂б̂ла* «по этой причине», где *а* — формант падежа определенного, а *ла* орудивного и т. п.). Первую группу падежей можно назвать по ее значениям отвлеченной, вторую — конкретной и по ее функции — приглагольной. Последний падеж стоит обособленно, ввиду относительной смысловой изолированности образующей его морфемы.

Следы утраченных падежных форм. Слабая развитость системы склонения в абазинском языке в его современном состоянии находит яркое выражение в отсутствии таких, казалось бы, элементарных падежных форм, каковыми являются родительный (в абазинском выражаемый словосочетанием), дательный и местный (выражаемые или глаголом, или, реже, послеложным сочетанием). Заметно преобладающая роль глагола, в форме предикативного сочетания восполняющего недостаточность системы именного словоизменения в абазинском языке, является сейчас характернейшим фактом абазинской морфологической и синтаксической системы. Однако есть основания предполагать, что такое положение — результат постепенной утраты ряда падежных форм, так как ясные следы существования таковых легко обнаруживаются, в особенности при привлечении фактов абхазского языка. Сюда относятся четыре падежа, формантами коих служили: *-н*, *-с*, *-а*, *-ы*.

Падеж *н(ан)*, местного значения, существует в качестве такового и в абхазском языке; ср. *ак̂ытан* «в селе» (*ак̂ыт* «село»); *а̂мг̂Îван* «в пути, на дороге» (*а̂мг̂Îва* «путь, дорога»); *а̂штан* «во дворе» (*а̂шта* «двор»); *а̂х̂Îаблан* «в квартале» (*а̂х̂Îабла* «квартал»), и т. д. В абазинском сравни: *а̂ц̂Îх̂ы̂ван* «в конце» (*а̂ц̂Îх̂ы̂ва* «конец»); *ак̂ытх̂ан* «в начале (голове) селения» (*х̂а* «голова»); *а̂г̂Îан* «во-время» (от основы *г̂Îа* «время»); *дан̂г̂Îйх̂ан* «во время его приезда» (*х̂а* «время»).

Далее в абхазском языке имеем примеры образования отглагольных форм со значением «во время совершения действия» (того же происхождения *и̂ц̂х̂ал̂ба̂ан* «во время спуска с гор», где *лба̂а* — основа глагола

«спускаться вниз»); *ббын* «во время весеннего рева диких зверей» (*б(ы)б* — основа глагола «реветь»); *йасдэ́тдлан* «каждый раз, во время погружения в воду» (*тала* — основа глагола «погружаться во что-либо») и т. п. В абазинском языке см. редкие примеры: *цIхагIэ́шын* «полночь» (собств. «во время разделения ночи надвое», *гIеша* — основа глагола «делить надвое»); *хышхэ́ын* «во время доения»; *ббын* то же значение, что и в абхазском. Далее в абхазском сюда же относятся формы имен, оканчивающихся на *н(ы)*: *апсны́* «Абхазия» (от основы *апс*, откуда *апсуа* «абхазец»); *агырны́* «Мегрелля» (от основы *агыр*, откуда *агыруа* «мегрелец»); *захены́* «Черкесия» (от *а́захс* «черкес»); *агваны́* (*агваны́*) «в середине»; *а́дзын* «зима» (время дождя, от *а́дзы* «вода»); *аѓны́жсгIван* «суровая погода» (здесь *аѓны́* «время града», от *агъ* «град»); *а́пхын* «лето» («время тепла», от *апха* «теплый») и т. д. В абазинском ср. *аг-ваны́* «во дворе»; *аргваны́* «по близости» (*гва* утраченная основа глагольного значения «приближаться», ср. *а́йгвара* «заходить в гости»); *дзын* «осень» (время дождя, тогда как, соответственно изменению северокавказского климата сравнительно с закавказским, *аѓны́* «зима»); *пхын* «лето» («время тепла») и др. Наиболее важная функция этого «местного» падежа выражать в глагольных формах сопутствующие главному действию действия побочные, иначе говоря, образовывать деепричастия. Абхазский формант деепричастий *ны* утрачен абазинским языком так же, как, по существу, утрачен им и соответствующий местный падеж; восполнить этот пробел пришлось другим образованием «местного» значения, каковым является, как мы видели, по своему основному значению, форма на *та*, которая и выполняет в настоящее время в абазинском языке роль деепричастий¹.

Падеж *с*, утраченный абазинским диалектом Тапанта (и зеленчукским наречием), имеет в абхазском уже ограниченную сферу применения; в форме на *с* ставится имя существительное для выражения значения «(быть) чем-либо» (для кого-либо), например: *са́щас джэа́а́раупI* «он должен стать для меня братом»; *са́рә ау́ый а́щас джэ́асуIа́йтI* «я сделал его своим братом», *са́рә уа́рә а́быс с́о́умпхэ́адзан* «но считай меня своим отцом» и т. п. Уже в абхазском языке форма эта переходит из категории словозменительных в категорию словообразовательных, что явствует из таких примеров, как *уыс* «дело» (букв. «служащее в качестве сделанного» от *уы* основы глагола «делать»); *чыс* «кушанье» (букв. «служащее в качестве съедаемого» от *чы* ~ *ча* основы глагола «кушать, есть»), в составе каковых слов она и сохраняется сейчас в абазинском языке (*уыс* «дело», *час* «кушанье», может быть и *гIычы́сгIе́йс* «человек» и др.).

Своеобразную эволюцию проделало это падежное окончание в зеленчукско-абазинском наречии, где оно служит особым формантом для образования слов со значением «материала для чего-нибудь»; ср. при-

¹ Ср. «К образованию условно-целевого наклонения в абхазских диалектах». «Иберийско-кавказское языкознание», т. II, 1948, стр. 17—31. (Ред.).

меры: *кэакетаныс* «материал для бешмета» (при *кэакетан* «бешмет»); *хэыланас* «материал для шапки» (при *хэылана* «шапка»); *а́йквас* «материал для брюк» (при *а́йкве* «брюки»); *а́унас* «материал для бурки» (при *а́уна* «бурка»).

Утратив, таким образом, старую падежную форму на *с*, абазинский язык заменил ее расширением функции первоначально «местного» падежа на *та*, совмещающего, следовательно, роль двух абхазских падежей (ср. выше судьбу местного падежа на *ны*) в форме падежа «наречного». Эволюция значения нового падежа вполне понятна, если принять во внимание наглядную близость значения прямого «в таком-то месте» (таково значение абхазского *н(ы)* падежа) и переносного «вместо кого-либо, чего-либо» (таково, по существу, значение абх. *с* падежа).

Падежи, оканчивающиеся на гласные *а* и *ы*, одинаково плохо сохранились и в абхазском и в абазинском языках, хотя и в этом случае абхазский сохраняет некоторые интересные детали, утраченные абазинским. Значение первого падежа можно определить, как «местный, нахождения внутри чего-либо», второго, как «местный, нахождения вне чего-либо». Ясными следами первого в абхазском служат: *а́бна* «лес» (собств. «в лесу»), ср. *а́бын-х́йва* «лесная свинья, кабан»; *уа́хь* «сегодня ночью» (от *уа́хь* «ночь», ср. *уа́хькI*, *а́уах*); *а́ры́й а́шыквса* (или *а́шыквсан*) «в этом году» (от *а́шыквс* «год», ср. еще *а́сы́шыквса* «ежегодно»); *а́сы́мшиа* «ежедневно» (при *а́мш*, *мши* «день»); *блэ́бьрхьва* собств. название селения «Блабурхва» (букв. на холме Блабовых; от *(а)хьы* «холм»); *мгвэ́д-зырхьва* собств. назв. селения «Мгудзырхва» (на холме Мгудзовых) и др. Живым чередованием, но недостаточно определенно осмысляемым, является и в абхазском и в абазинском чередование *а* и *ы* в составе предикативных синтагм в положении перед префиксом местного значения. Ср. абазинские примеры: *а́йдылаб* «стоит вплотную у чего-либо» ~ *а́йдылаб* «стоит в отдалении у чего-либо» (*д* — префикс со значением «у, при»), *а́йквчIлаб* «сидит на чем-либо стоящем» ~ *а́йквчIлаб* «сидит на чем-либо лежащем» (наблюдаются разногласия в понимании в этом пункте); *а́йквпса* «набрось вплотную» ~ *а́йквпса* «набрось не вплотную» (например, мелкие предметы на большой стол); *а́кIнйга а́стдла а́йквб* «книга лежит на столе» ~ *а́тетра́д' а́кIнйга а́йквхь* «тетрадь лежит, в свою очередь, на книге»; *сы́ды́йгьвалан* «он меня прижимал» (к чему-то неопределенному) ~ *сы́ды́йгьвалан* «он меня прижимал (к чему-то определенному)»; *а́мхь а́йлаб* «он находится в поле» ~ *а́уыс а́йлаб* «он участвует в деле» и т. п. Из рассмотрения всех, относящихся сюда примеров вытекает факт утраты ясного понимания существа различия этих форм, сводящегося к указанному выше различию двух местных падежей, выражаемых чередованием элементов местоименного значения *а* и *ы* в составе глагольных синтагм, некогда, без сомнения, соотносительным с чередованием гласных в составе самой именной основы. Последнее предположение поддерживается: 1) чередованием гласных в основе личных местоимений (*са*, *сы* ср. означенные выше чередования); 2) чередованием гласных в целом ряде глагольных префиксов, связы-

ваемое, повидимому, вторично, со значениями: *a* — движения внутрь, *y* — движения вне (ср. ниже глагольные префиксы: *та* ~ *ты*, *ла* ~ *лы*; *цIа* ~ *цIы*, *хъа* ~ *хъы* и т. д.).

Множественное число. Склонение имен во мн. числе состоит в нормальном изменении по падежным окончаниям последней, входящей в состав производной основы морфемы мн. числа *кwa*, вследствие чего ничем не отличается от склонения имен существительных в ед. числе и имеет те же падежные формы: *тиквâ*, *атикувâ*, *тикквакI*, (*a*)*тикквâла*, *тикквâта*, *тикквâдъа* и т. п. Особо следует отметить, что благодаря присвоенности абазинскому форманту мн. числа преимущественно словообразовательной функции, сочетание с *кwa* выражает понятие множественности конкретнее, чем, например, русские окончания мн. числа. Отсюда вытекает отчетливое значение «несколько известное количество», связываемое с формой падежа единичности в противоположениях типа: *тишкI йа тикквакI* «одна (лошадь) или несколько (известное количество) лошадей», *шIчIвâракI йа шIчIвâракквакI* «слог или несколько слогов» и т. п.

Так называемое неправильное, т. е. ограниченное единичными словами образование мн. числа имеет место в словах: 1) *апхIейс* «женщина, жена» ~ *апхIейска* (варианты: *ахIейсаква*, *апхIейскава*, *апхIейсчава*, *апхIейсргIа*, дифференцированные по значениям); 2) *агIей* «человек» ~ *аугIâ* «люди» (или *аугIаквâ*); 3) *агIейчIвгIейс* «человек» ~ *агIейчIвгIвâраква* «люди». К этому последнему типу примыкают имена, означающие детенышей некоторых домашних животных, оканчивающиеся в ед. числе на *с*, как *асыс* «ягненок» ~ *асâраква*, *âдзис* «козленок» ~ *âдзараква* или *âдзисква* и нек. др.; первоначальное собирательное значение *ра* в этих последних примерах затемняется присоединением к нему *кwa*.

Деление существительных по значению. По своему значению абазинские существительные разделяются прежде всего на две основные категории, выраженные грамматически внешними формальными признаками: 1) имена существительные, означающие существа разумные, под каковыми подразумеваются люди и приравниваемые к ним фантазией сказочные и мифологические существа и 2) имена существительные, означающие предметы и существа неразумные, к каковым относятся все животные. Основным формально-грамматическим различием служит здесь различие вопросительного местоимения, соотносительного с именем, в составе глагольных форм как предикативного, так и атрибутивно-предикативного значения; этим путем выражается та психологическая зависимость сказуемого от подлежащего, которой соответствует в языке грамматическое подчинение формы глагола тому имени, к которому он относится.

Основанным на несколько других принципах разделением существительных абазинского языка по значению является: во-первых, деление их по признакам единичности и собирательности и, во-вторых, деление их по признакам индивидуальности и генеричности, т. е. на имена собственные и нарицательные. Формальным выразителем различения

в первом пункте является по преимуществу постановка зависящих от имени собирательного слов в форме мн. числа, хотя бы само управляющее слово не имело формального значения мн. числа, а также, частично, в присвоении именам собирательным особой формы мн. числа *pa* и *paIa*. Различие имен нарицательных и собственных (помимо внешнего, графического способа различения имен собственных от несобственных с помощью заглавных букв) находит свое грамматическое выражение в отсутствии у имен собственных по крайней мере двух надежных форм (неопределенной и единичности) и, частично, в присвоении им новой формы мн. числа на *paIa*.

Имена прилагательные

Основанием для выделения части абазинских слов именного значения в группу имен прилагательных, под каковыми подразумеваются названия постоянных (пассивных) признаков, служат, помимо их особого значения, следующие формальные признаки, связанные с этой категорией: неспособность прилагательных сочетаться, сохраняя свое собственное значение признака, с притяжательными местоимениями; способность их сочетаться с наречием *pycaIa* «более» для образования значения сравнительной степени; специальный прилагательный словообразовательный суффикс *da*; синтаксическая функция определения (атрибута), которое ставится по преимуществу вслед за словом, к которому прилагательное относится.

Склонение прилагательных. В отношении падежного словоизменения прилагательные ничем не отличаются от существительных, принимая в силу своего положения в конце атрибутивного сочетания все вышеперечисленные падежные склонения, известные из склонения существительных, например:

Образец склонения прилагательного

(в типичном сочетании с существительным)

Единственное число

Падеж неопределенный <i>тидды</i>	«большая лошадь» (ближе неизвестная)
Падеж определенный <i>атидды</i>	«большая лошадь» (известная, вышеупомянутая).
Падеж единичности <i>тиддыкI</i>	«одна большая лошадь» (какая-то, какая-либо)
Падеж орудивный <i>тиддыла</i>	«при посредстве большой лошади»
Падеж наречный <i>тиддыта</i>	«в качестве большой лошади» (как большая лошадь)
Падеж лишения <i>тиддыдъа</i>	«без большой лошади»

Падеж неопределенный *тиддыуква* «большие лошади»

Падеж определенный *атиддыуква* «большие лошади» и т. д.

Прилагательные качественные. Прилагательными абазинского языка в тесном смысле этого слова, отвечающими всем перечисленным формальным особенностям этой категории, являются слова, назначение которых выражать внутренний (качественный) признак, характеризующий ту или иную вещь, предмет или лицо. Наряду с представлениями о признаке качественном, характеризующем предмет или лицо с их внутренней стороны, существуют, как известно, представления признаков внешних, выражающих отношение данного предмета или лица к другому предмету или лицу. Так например: *дыу* «большой», *чи́кIзын* «маленький», *квейчи́вә* «черный», *шхIейкIва* «белый», *бзы́й* «хороший», *чегьә* «дурной», *шы́у* «новый», *жвы́* «старый», *пы́ка* «мягкий», *пхә́тша* «жесткий», *цIа́ра* «острый», *даге* «глухой» и т. п. являются представлениями о таких признаках, которые имеют отношение только к тому предмету или лицу, с которым они в каждом данном акте мысли ассоциировались. Качественные прилагательные следуют всегда за тем существительным, к которому они относятся.

Прилагательные относительные. Такие же представления признаков, каковы выраженные русскими прилагательными: материнский, абазинский, зимний, колхозный, отцовский, волчий и т. п. указывают на то или иное отношение и к другому предмету или лицу, с которым они связываются в мысли; слова, выражающие относительные прилагательные, естественно образуются в тех языках, в которых развито словопроизводство, от соответствующих им существительных (ср. отношение русских: «начало» — «начальный»; «мать» — «материнский»; «абазин» — «абазинский»; «зима» — «зимний» и т. д.). Потребность в такого рода производных прилагательных вызывает в абхазском языке попытки использовать для этой цели морфему *тIы* (с основным именным значением «собственность, принадлежность»), попытки, не увенчавшиеся пока полным успехом и производящие поэтому нередко впечатление искусственности и нарочитости. Абазинский язык отстал в этом отношении от своего собрата и поэтому главным грамматическим средством выражения этой категории представлений остаются не распространенные никакими суффиксами имена существительные в положении перед тем существительным, которое соответствует представлению о предмете — носителе данного относительного признака, например: «материнский язык» *ан бызйивә* (ан «мать»), «абазинский алфавит» *абәа алыфбә* (абәа = «абазинцы»); «зимний холод» *агә́нн хьта* (агә́нн = «зима»); «колхозный бык» = *акIолахдз-ыче* (акIолахдз = «колхоз»); «отцовское наследство» *йба ты́хә* (йба = «отец»), «волчий след» *аквѣ́джьма* (алә́) *цта* (аквѣ́джьма или алә́ = «волк») и т. п.

Некоторые немногочисленные примеры употребления слов со значением прилагательного качественного, противоречащие на первый взгляд

установленному правилу постановки их за тем словом, к которому они относятся, в действительности не являются таковыми: *арма напIы* «правая рука», *агъма щанIы* «левая нога» и т. п. примеры являются пережитком той эпохи, когда осмысляемые, как прилагательные «правый», «левый» и т. п.) означали имена существительные «правая рука», «левая нога» (присутствующий в составе этих слов элемент *ма* сохранился, в значение «рука», например в *мачвы*, ср. выше) и т. п.

Степени сравнения. Другим грамматическим последствием смыслового различия слов со значением качественных и относительных признаков служит наличие в отношении первых особых описательных синтаксических сочетаний с наречием *рыцIа* «больше», служащих для выражения различий в свойствах качественных признаков по количеству, или так называемых степеней сравнения. Например: *ахъацIа йыхъа апIыс ахъа ацIыс рыцIа йыдыб* «голова мужчины больше, чем голова женщины» (букв. «голова мужчины взамен головы женщины более велика»); *атыдзабъын ацIысгый ахIамач абъын рыцIа йыкIыынб* «стена база меньше, чем стена дома» (букв. «стена база взамен стены дома более мала»); *ауапIа ацIыс аква рыцIа йаргваныб* «дождь ближе, чем бурка» (пословица) и т. п. Отсутствие особых форм степени сравнения подтверждает вышеуказанную общую характеристику абазинской системы словопроизводства, как отличающуюся своей бедностью и ограниченностью.

Несамостоятельность прилагательных. Из вышензложенного вытекает, что, оставаясь самим собою, прилагательное лишено в большинстве случаев самостоятельной логической, а потому и фонетической (словесной) значимости; при желании сосредоточить свое внимание на признаке, как таковом, вне его непосредственной зависимости от какого-либо предмета или лица, качеством которого оно является, говорящий на абазинском языке прибегает обычно или (при полном обособлении признака) 1) к превращению его в самостоятельный предмет мысли, что выражается внешне в переходе его в категорию существительных, или (при частичном обособлении или противопоставлении его предмету мысли) 2) к превращению его в признак активный, что выражается в переходе его в категорию причастий или глагола. Ср. в качестве примера первого рода отношений: *бзый* «хороший» ~ *бзыйра* «хорошесть»; в качестве примеров второго рода: *йыбзыйу*, (*йыбзыйыз*) «являющийся хорошим» («являвшийся, герр бывший хорошим»), *йыбзыйхад* «стал хорош», *йыбзыйхууид* «станет хорош» и т. п. От прилагательных образуются при помощи специальных формантов (главным образом *та*) названия признаков признака, т. е. наречия, например: *бзыйта* «хорошо» (*бзый* «хороший»); *дыута* «громко» (*дыу* «большой, громкий»); *цкъата* «чисто» (*цква* «чистый»); *мачIмачIымца* «постепенно» (*мачI* «малый») и т. п. Следует заметить, что категория образованных от прилагательного наречий весьма неустойчива в смысле постоянной тенденции говорящих подставлять взамен них соответствующие формы отглагольных наречий (деепричастий), что выражается внешне присо-

единением морфемы *йы* (местоименный показатель связанности действия, характеризуемого наречием, с неразумным, неопределенным субъектом), следовательно: *йыбзыйта* (букв. «оно будучи хорошо»), *йыдыута* («оно будучи велико, громко»), *йыцкыта* («оно будучи чисто»), *йымачи-мачымца* («оно будучи постепенно» и т. п. Ср. ниже в отделе наречий).

Причастия

Причастием называются такие слова, которые объединяют в своем значении и форме черты имени (точнее — имени прилагательного) и глагола. Таким образом, переходя к причастиям, мы вступаем в сферу той ответственной в абазинском языке части речи, какой служит глагол, формы которого являются сейчас тем необходимым центральным звеном, с помощью которого разъясняются синтаксические отношения, связывающие отдельные части важнейшей единицы речи, именуемой предложением или фразой. Составляя часть общей категории, именуемой глаголом в широком смысле этого слова, причастия выделяются из них по тому (синтаксическому) признаку, что они, как правило, не составляют сами по себе сказуемого предложения, а выступают в двух других функциях: с одной стороны, как имена прилагательные, в роли атрибута (определения) при имени существительном, с другой же стороны — и эта вторая функция является для них практически основной — в роли так называемого обособленного глагольного члена предложения; и в той и другой роли внешние показатели отношений морфем внутри причастных форм характеризуют их, благодаря присутствию в них безличных или местоименных формантов, как атрибутивно (апозитивно)-предикативные сочетания.

Глагольные категории причастий. В силу принадлежности к глаголу, причастия выражают в своей форме целый ряд более или менее специально-глагольных категорий, а именно: 1) категорию положительности и отрицательности; наличную, помимо глаголов, как признаков активных, и в прилагательных, как признаках пассивных, и в связанных с ними наречиях; 2) категорию переходности (с ее оттенками — залогами: действительным, переходно-пону-дительным и возвратным) или непереходности (с ее оттенками — залогами: средним страдательным и взаимным) и тесно связанную с ней категорию действия и состояния; 3) категорию вида (в ее подразделениях на виды результативный, concessивный, продолжительный, затруднительности, потенциальный, утвердительный, интенсивный, постоянный, повторительный и совершенный); 4) категорию времени (в ее подразделениях — временах: настоящем, прошедшем, недавно прошедшем, будущем и аористе); 5) категорию (глагольного) лица и числа.

Категория положительности и отрицательности неразрывно связана с существом глагола, как выражения представлений об активных признаках, приводимых в предикативную (сказуемую) связь с основ-

ным предметом мысли, выраженным существительным. В первом случае зависимость активного признака от основного предмета мысли предполагается осуществившейся — *ййцауа* «идущий», *ййчауа* «кушающий», *ййгйауа* «бегущий» и т. п. означают, что признак движения, кушания, бегания действительно связывается с тем предметом или лицом, которым он приписывается в речи. Во втором случае предполагается отсутствие такой зависимости: *йймцауа* «не идущий», *йймчауа* «не кушающий», *йймгйауа* «не бегущий».

Категория залоговости и ее виды. Категория залоговости (переходности и непереходности) выражает те различные отношения, в каких субъект (производитель) действия и само действие стоят к объекту (результату) этого действия. Форма переходности указывает на существование по крайней мере двух непосредственно участвующих в действии лиц или предметов — одного действующего и другого — испытывающего действие; внешним выражением этой множественности участников действия служит наличие, в составе формы причастия, множественности морфем личных (или личных и относительных) местоимений.

При этом форма залога действительного указывает, что участвуют два различных лица или предмета, например: *ййзбауа* «видимый мною» (два участника — предмет, который видят, и лицо видящее, отождествляемое в данном случае говорящим с самим собой), *ййлчпауа* «делаемое ею» (два участника — предмет, который делают, и лицо, в данном случае женского рода, производящее действие), *ййуфауа* «кушаемое тобою» (два участника — предмет, который кушают, и лицо кушающее, отождествляемое в данном случае с тем, к кому обращена речь) и т. п.

Форма залога понудительного выражает наличие двух различных участников действия, из коих один понуждает к действию, а второй испытывает это понуждение, например: *ййгйагыргйлауа* «тот, которого она ставит» (букв. «заставляет вставать» — два участника действия: побуждающая к действию и побуждаемый); *ййлырчауа* «тот, которого она кормит» (букв. «заставляет кушать» — тот же состав участников); *ййлырцауа* «тот, которого она гонит» (букв. «заставляет идти») и т. п.

Форма залога переходно-побудительного указывает, что участвуют три лица или предмета, из коих одно (один) побуждает (или допускает) совершать действие, другое (или другой) подвергается этому побуждению (допущению), а третье (третий) испытывает самое действие, например: *ййусырбауа* «тот, которого я тебе показываю» (букв. «которого я заставляю тебя видеть» — говорящий побуждает к действию, собеседник подвергается побуждению, третье лицо или предмет представляется логическим объектом действия); *ййлсрыфуа* «то, которым я ее потчую» (букв. «тот, которого я заставляю ее кушать» — говорящий-побуждающий, лицо женского рода, подвергаемое побуждению, предмет, испытывающий действие) и т. п.

Форма залога возвратного выражает двоякое участие одного и того же предмета или лица в действии, но представляемого дважды — в роли

субъекта и роли объекта, например: *тиадызгалау* «приготавливающийся» (одно и то же лицо мыслится приготавливающим и приготавливаемым); *тишылчауа* «она притворяющаяся»¹ (тот же анализ); залог возвратно-побудительный может быть иллюстрирован примером: *тиауырцуа* «ты побуждающий того мучить себя»² (здесь одно и то же лицо, в данном случае собеседник, мыслится побудителем к совершению и жертвою того же самого действия; третье лицо, в данном случае из класса неразумных, выступает при этом исполнителем) и т. п.

В примере: *йышвиырдырау* «то, что вы узнаете» (букв. «то, что вы заставляете (побуждаете) себя знать»), лица, к коим обращена речь, выступают в роли одновременно побудителя и побуждаемого, третьим участником является предмет действия; значение сочетания оказывается, таким образом, косвенно-возвратным.

Категории форм переходности противостоят формы непереходности. Непереходность характеризует действие, как лишенное затрагиваемого им непосредственно постороннего субъекту объекта, соответствующие формы причастий имеют, как правило, лишь одну морфему местоименного значения.

При этом залог средний выражает такое положение действителя, когда он активно, как бы произвольно совершает приписываемое ему действие, например: *йыцауа* «идущий» (действующее лицо мыслится активным); *йычауа* «кушающий» (бук. «занятый едой», активно совершающий процесс еды); *йыгIвуа* «бегущий» и т. п.

Иначе представляется действие при форме залога страдательного, когда предмет или лицо, которому приписывается соответствующий глагольный признак, мыслится как неактивный, как бы невольно подвергающийся процессу действия, например: *йыцтIакIхауа* «понижающийся» (без участия собственной воли); *йадгIлахау* «доставляемые» (с разных сторон в одно место, без всякого своего участия в процессе); *йытамIмхауа* «который не завершается» (букв. «не становящийся завершенным») и т. п.

Форма залога взаимного выражает взаимное участие нескольких действителей в действии, одинаково распространяющемся на всех участников его, например: *йалIлауа* «сходящиеся вместе» (взаимно), *йацынхауа* «вместе работающие», *драбакIуа* «он, который борется с ними»³ (участвующими взаимно в борьбе).

Дополнительные замечания. К изложенной группировке причастий по признаку принадлежности их к тому или иному залогу, как формальному средству выражения объективной (т. е. не зависящей

¹ Скорее — «она притворяясь». (Ред.).

² Точнее — «ты, (муж.) побуждая того убить (→ мучить (?)) (убивая) себя». (Ред.).

³ Правильнее — «он (человек) борясь с ними». (Ред.).

Вообще автор не всегда разграничивает приведенный здесь тип деепричастий и причастия. Вследствие этого, как в данном случае, так и в других местах, означенные формы им переведены причастиями. (Ред.).

от субъективного отношения говорящего) характеристики носителя действия, не лишне сделать пояснение: употребляемые нами термины «действительный и страдательный залог» имеют в виду лишь условное, терминологическое значение, отнюдь не соответствующее обычному (в частности, в русской грамматике) словоупотреблению, где они выражают особые соотносительные, т. е. противопоставленные друг другу, формальные залоговые разновидности одних и тех же глаголов переходного значения (например: «делающий» ~ «делаемый», «давший» ~ «данный» и т. п.). Формы, условно названные нами этими терминами, не соотносительны друг другу непосредственно, а лишь в меру их принадлежности к двум разным, противостоящим одна другой, основным категориям переходности и непереходности.

Формальные признаки залогов. Основным различием, объединяющим все виды входящих в состав соответствующих групп подгрупп, сравнительно со всеми подгруппами другой группы, является деление на глаголы переходные и непереходные. Различие между ними заключено в первую очередь в самом наличии, а затем в том или ином порядке последовательности входящих в состав глагольных форм местоименных показателей логических субъекта и объекта действия, выражаемого глаголом. Переходные глаголы характеризуются наличием показателя субъекта и объекта действия, а также господствующим положением, т. е. постановкой на первое место в составе глагольной синтагмы так называемого прямого объекта действия глагола, под которым понимается предмет или лицо, непосредственно испытывающие на себе действие, и постановкой лишь на второе место — логического субъекта действия. Глаголы непереходные имеют местоименный показатель одного лишь субъекта, а в тех, относительно редких, случаях, когда присутствует второй (объектный) показатель (см. об этом ниже), ставят на первое место в синтагме показатель субъекта.

Говоря здесь о местоименных показателях лиц, непосредственно участвующих в действии и выражаемых глагольной синтагмой, следует заметить, что, в силу упоминавшегося уже многократно полисинтетизма (сложносоставности) глагольных форм абазинского языка, в составе синтагмы присутствуют нередко местоименные показатели лиц и предметов непосредственного (т. е. или субъектного, или прямо объектного) отношения к действию не имеющих, а задеваемых этим действием косвенно. Формальным показателем косвенности участия в действии служит присутствие в непосредственном соседстве вслед за таким, в вопросе переходности глагола безразличным, местоименным показателем того или иного глагольного префикса, стоящего к нему в отношениях послелога или слова, им определяемого. Так, например, форма *йыздзгъагылыу* «стоящий рядом с которым» является непереходным глаголом и имеет всего лишь один местоименный показатель предмета или лица, участвующего в действии, именно *й(ы)*, тогда как *з*, образующее вместе с префиксом *дзгъа* постпозитивное сочетание со значением «рядом с которым», непосредственного отношения к действию стояния, как тако-

вому, не имеет; так же очевидно обстоит дело с формами *йыдзхъагълыу*¹ «стоящий рядом со мной», *йыдзхъагълыу* «стоящий рядом с тобой» и т. п. Аналогичным образом обстоит дело с первым *з* в составе синтагмы *уызъытшгIауа* «то, чего ты ищешь», вопреки иллюзии, создаваемой русским переводом, так как *з* не имеет непосредственно никакого отношения к основному значению глагола, в силу выделяемости здесь префикса *зы* со значением «для» (*зы* «для которого, в интересах которого»; точный перевод с учетом формального состава синтагмы: «ты для которого (за которым) занятый гланием»); *йыгIарныцIуа* «исходящий от них» (перевод точно воспроизводит форму синтагмы, где местоимение *р* вместе с префиксом *ны* означает «из них, от них»); так же обстоит дело и с *р*, в составе синтагмы *йырIылуа* «то, что они могут», в силу выделяемости *л* в качестве префикса со значением «изнутри» (*рыл* «изнутри них», синтагма в целом означает собственно: «то, что изнутри них рождается, возникает») и во многих других, подобных же примерах. Однако последний пример показывает, что выделяемость префикса из состава синтагмы достижима в некоторых случаях лишь путем исторического (этимологического) анализа неразложимой с современной точки зрения морфемы: в данном частном случае в силу утраты в самостоятельном употреблении глагольной основы *ша* в значении «возникать, быть творимым» (она сохранилась лишь в абхазском).

Принимая во внимание указанное формальное отличие переходных глаголов от глаголов непереходных, необходимо считать и залог взаимный за одну из разновидностей глаголов непереходной категории; в вышеприведенном примере *драбажIуа* второй местоименный элемент синтагмы, именно *р*, зависит от несознаваемого теперь, как такового, префикса *а* (переводимого: «при участии кого-либо»), и синтагма в целом означает, при условии точной передачи ее грамматического смысла в абазинском языке: «он, занятый борьбой, при (непосредственном) их участии».

Количество примеров подобного затемнения смысла сложной формы незначительно и повлиять на грамматическую значимость установленного различия — с одной стороны — сочетаний местоименных выражений косвенных объектов действия глагола с префиксами, с другой стороны — независимых по положению выражений субъекта и непосредственного объекта — не может. Образцом наиболее характерных и употребительных по существу непереходных глаголов этого рода, подающих повод к недоразумениям, могут служить следующие: *сапшуа* «я на него смотрящий»¹ (*с* — субъект, *а* — косвенный объект класса неразумных, *л* — вероятный префикс со значением «впереди»); *сапхъауа* «я его читающий», или «я ему кричащий» (*с* — субъект, *а* — косвенный объект,

¹ Префикс *йы-* в формах *йыдзхъагълыу* и *йыдзхъагълыу* имеет разные функции и поэтому их нельзя перевести одинаково; в первом случае следует: «тот (что-то) стоит рядом с которым». (Ред.).

n — может быть префикс того же значения); *сййццIауа* «я его (существо муж. рода) кусающий»¹ (*c* — субъект, *йы* — косвенный объект, *ц* — «зуб», букв. «я ему зуб(ом) ударяющий»); *сыйцIауа* «его спрашивающий» (*c* — субъект, *йй* — косвенный объект, *цI* — вероятный префикс со значением «из-под», букв. «я из-под него извлекающий»¹). Сюда же относятся примеры: *суыхъуа* «я тебя тянущий»¹ (*c* — субъект, *уы* — косвенный объект, *хъ* — основа глагола) и *сдсуа* «я его (неразумное существо) бьющий» (*c* — субъект, *а* — косвенный объект, *с* — основа глагола), к сложению, с префиксом не сводимые.

В анализе этих глаголов приходится учитывать несомненные примеры употребления местоименных частиц для выражения косвенного (дательного) отношения в глаголах «давать» и «говорить» (как например: *йырнатуа* «то, что он (неразумный) дает им» (где *p* выражает объект «им»), *йырдсхIеуа* «то, что я говорю им» (и переводит форму *сдсуа* «я ему наносящий удары»¹).

Соотносительность форм переходного и непереходного значения, образуемых от одной и той же глагольной основы, выражается в настоящее время в сравнительном меньшинстве глаголов. Ср. например: *йыгIеуа* «занятый писанием» (непереходное значение), *йылыгIеуа* «то, что она пишет» (переходное значение); *йырчгъвауа* «занятый паханием» (непереходное значение), *йырчгъвауа* «то, что они пахнут» (переходное значение); *йыбкъауа* «занятый молотью» (непереходное значение), *йыубкъауа* «то, что ты молотишь» (переходное значение); *йашIдхуа* «занятый ломкой кукурузы» (непереходное значение), *йашIдхуа* «то, что они ломают» (переходное значение) и т. п. Таким образом, устанавливается ближайшая взаимозависимость глагольных форм, вышеназванных нами средним и действительным залогами.

В целом ряде случаев категория переходности и непереходности выражается лексически, т. е. различием основ глаголов, как например: *йычауа* «занятый едой» (непереходное значение), *йысфауа* «то, что я ем» (букв. «едомый мною» — переходное значение); *йыджыквылуа* «начинающийся» (непереходное значение), *йыджыквырцIауа* «начинаемый ими» (переходное значение) и т. п.

Понудительный залог. Однако преобладающим в настоящее время средством различения этих значений служит так называемый понудительный залог, позволяющий от огромного большинства глаголов непереходного значения получать формы переходности. Образуется понудительный залог с помощью морфемы *p*, стоящей непосредственно перед чистой основой глагола и не отделяемой никакими другими служебными морфемами; в тех глаголах, которые имеют префиксы, иногда и не сознаваемые сейчас, как таковые, *p* вставляется между ним и основой глагола, например, от глагола *нхард* «работать, заниматься сельским трудом», *йынхауа* «работающий», но *йындырхауа* «понуждаемый ими работать» (пример показывает, что при сочетании в составе син-

¹ Следовало их перевести соответствующими деепричастиями. (Ред.).

тагмы двух *p*: *p* понудительного и *p* показателя субъекта действия 3-го лица мн. числа, подвергается диссимиляции второе, а если оно имеется, то и третье *p* и превращаются в *ð*; ср. еще: *йынкъыддыргау* «то, что они побуждают их вести», где первое *ð* — показатель лиц понуждаемых, а второе — лиц, понуждающих к действию; оба *ð* замещают нормальное *p*, встречаемое вне форм понудительного залога. Морфологически соотносительными оказываются здесь, таким образом, залог средний и понудительный. Присоединение морфемы *p* к основе глагола переходного значения дает формы переходно-побудительного залога, имеющего вдвойне переходное значение. Залог переходно-побудительный оказывается формально производным залога действительного.

Возвратный залог. Формы возвратного залога характеризуются особой частицей *тшы*, не различаемой в абазинском языке, в отличие от абхазского, но лицам и занимающей в составе глагольной синтагмы первое место; ср. например: *йыччуа* «спящий, спящая»¹, но *тшыйрыччуа* «он, заставляющий себя спать», *тшылрыччуа* «она, заставляющая себя спать», в абхазском — соответственно *йытшыйрыччуа*, *лтылрыччуа*, формы, дающие в абазинском совершенно иной смысл: «он, усыпляющий свою лошадь», «она, усыпляющая свою лошадь», *тшыдсыргъыз* «я, который записался» (букв. «я, который заставил их записать себя»? — *Ред.*) и т. п. Наряду с частицей *тшы* в роли возвратного местоимения выступает нередко в повседневной речи существительное *хъа* «голова», сопровождаемое, для различения лиц, соответствующими притяжательными местоимениями, так например: *схъа йазысхъауа* «я, говорящий о себе»²; *хъа йызынкъымгауа* «не умеющий себя вести» (букв. «не умеющий вести свою голову»); *уыхъа йазымхыуи* «то, что ты не сделаешь себе самому» (букв. «своей голове»). Роль этого существительного не ограничивается ролью местоимения возвратного, но переходит и в сферу личных; таким образом, *схъа* «моя голова» заменяет «я» (*саръ*), *уыхъа* «твоя голова» заменяет «ты» (*уаръ*) и т. п.

В зависимости от характера того глагола, к которому присоединяется частица *тшы*, формы возвратного залога могут быть формально соотносительны с залогами действительным, понудительным и переходно-побудительным.

Страдательный залог. Формами залога страдательного называем условно такие производные, иногда от глагольных, а в подавляющем большинстве случаев от именных основ, сочетания с основой глагола *харъ* «делать» (утраченного в самостоятельном употреблении абхазским, но сохраненного абазинским), каковые именуются обычно, и по существу верно, отыменными глаголами; переводятся эти глаголы

¹ Точнее «засыпающий» (*Ред.*).

² Следует «то, что я говорю о себе». (*Ред.*)

описательно: «становиться, делаться чем-либо». Название это в условиях абазинского языка не отражает всей полноты фактов, поскольку здесь: допустимы, с помощью глагола *харə*, образования от основ, свое именное значение совершенно утративших, как например: *йыстаххауə* «желательно мне» (основа *тахə* самостоятельно существует только в глагольном значении, например: *йыстахъуə* «желательное мне, любимое мною»), *йыштIыххауə* «поднимающийся» (сложная основа *штIы + х* с префиксом служит самостоятельной основой глагола со значением действительного залога, например: *йыштIырхауə* «поднимаемое ими») и т. п.

Наряду с отыменными глаголами, образуемыми глаголом *харə*, существуют совсем иного рода отыменные глаголы, по значению и способу образования соотносительные ближайшим образом с формами страдательного залога и образующие характернейшую для абазинского и абхазского языков категорию глаголов состояния, требующую особого рассмотрения.

Категория действия и состояния. Категория глагола в собственном значении этого слова выражает «действие» в широком смысле, т. е. независимо от того, имеет ли место активное проявление чьей-либо воли или нет. В этом широком смысле и русские «лежит, спит», и т. п. так называемые состояния являются действиями, что показано в самой форме приведенных слов, ничем не отличающихся от «бежит, кричит» и т. п. Однако и в русском языке есть возможность выразить совершенное отсутствие «действия» в том признаке, который сочетается предикативно (в качестве сказуемого) с предметом или лицом, выполняющим роль субъекта фразы: достигается это сочетанием именной формы со связкой «быть», имеющей единственную функцию выражать невыразимые иначе, чем глагольной формой, отношения времени, к которому относится данная предикативная связь. Это основное противоположение действия и состояния, выражаемое в ряде языков различными грамматическими категориями, имеет непосредственное отношение к формам залога, поскольку отсутствие действия в формах состояния исключает, строго говоря, самое понятие залога, как выразителя отношения субъекта действия к объекту: там, где нет действия, нет и залогов. Однако естественное соотношение понятий залога и действия нарушается в тех случаях, когда (как это имеет место, в частности, в абазинском) в представлении сочетаются действие и состояние, иначе говоря, когда действие мыслится, как состояние. Выразителем такого сочетания служит нередко в абазинском языке особая система форм глагола, которую назовем, в отличие от обычных форм глаголов действия, статической (по значению — связочной).

Система статических форм имеет, в отличие от форм обычных, динамических, свои особые форманты словообразования. Применительно к причастиям, различие это может быть показано следующей таблицей:

Таблица основных причастных формантов абазинского языка

а) Причастия состояния (статические)	б) Причастия действия (динамические)
Настоящее время — <i>у</i>	Настоящее время — <i>уа</i>
Прошедшее время — <i>э</i>	Прошедшее время — <i>(э)</i>
Будущее время — <i>ра</i>	Будущее время — <i>уиш ~ уаиш</i>

Вышеприведенная таблица может быть иллюстрирована следующими примерами:

1) Причастие состояния настоящего времени: *йытыу* «находящийся в чем-либо» (основа глагола *та*); *йыгыу* «существующий» (основа *ыга ~ ага*); *йымзыу* «имеющий» (основа *ма*); *йыгылыу* «стоящий» (основа *гыла*); *йыцахыу* «давно прошедший» (основа *цахъа*); *йиртахыу* «то, чего они хотят» (основа *тахъа*). Эта форма часто употребляется в качестве средства превращения в причастие состояния любого слова и даже сочетания слов. Например: *йыуысыу* «являющиеся его делом» (*йыуыс* «его дело»); *йыуапышыу* «похожий на тебя» (*уапыш* «подобно тебе»); *йарганыу* «находящиеся поблизости от него (неразумн.)» (*арганы* «близкий»); *йырдырчыу* «то, что они должны знать» (*рдырчы* «то, что им должно знать»); *ахъа йашывытыу* «свободный» (букв. «тот, голова которого свободная»); *аچارуырыу* «долго обедающий» (букв. «тот, которого обед — *чаръ* долгий — *уыра*); *ашигырахицапйыкыу* «имеющий трехногую пегую лошадь» (букв. «которого лошадь пегая, три ноги имеющиеся»); *атгынчъара эджыклатарыу* «тот, у которого солонкой мешок из шулятной кожи барана»; *пеглачыгъта абна зыбъазартакыу* «те птицы, местообитания которых лес» и т. п.

Последние четыре примера (взятые из старинных поэтических текстов) показывают характерное использование причастной формы на *у* в роли прилагательных со значением «обладающий чем-либо». Соответствующие отрицательные формы образуются путем замены *у* посредством *м*, причем *а*, изменяющееся в соседстве с *ы*, восстанавливается: *йытам* «не находящийся в чем-либо», *йыгам* «не существующий», *йымтам* «не имеющий», *йыгылам* «не стоящий», *йиртахым* «то, чего они не хотят», *йыуысым* «не являющееся его делом», *йыуапышым* «не похожий на тебя», *ахъа йашывытым* «не свободный» и т. п.

Особое положение занимают причастные формы совершенного вида, оканчивающиеся на *хыу*: им противостоят формы отрицательные на *с*, например: *йымцъс* «не ходивший» (или редко *йымцахыу*); *йымчпахыу* «раньше сделанный ею» ~ *йылымчпъс* «раньше не сделанный ею» (или *йылымчпахыу*); *йырихыу* «вскипяченный» ~ *йымырышс* «не вскипяченный» и т. п.

2) Причастие состояния прошедшего времени: *йытаэ* «находившийся в чем-либо», *йыгаэ* «существовавший», *йызмаэ* «имевший», *йыгылаэ* «стоявший», *йиртахыэ* «то, чего они хотели», *йыуысыэ* «являвшееся его

делом», *йыуапыыз* «бывший похожим на тебя», *йагваныз* «то, что находилось поблизости от него», *хэа йашьвйтыз* «бывший свободным», *этийгэра хцапйкйыз* «имевший трехногую пегую лошадь» и т. п. Редко встречается форма без конечного *э*, например: *йысыма* «я имеа, имел при себе» (букв. «тот, которого я имел всегда»)¹. Отрицательные формы: *йытамыз* «не находившийся в чем-либо», *йыгамыз* «не существовавший» и т. д. употребляется сравнительно редко.

3) Еще более редкой формой является причастие состояния будущего времени, образуемое, как правило, лишь от глаголов переходного значения, т. е. минимум с двумя местоименными показателями участвующих в действии или состоянии лиц или предметов (о значении этого причастия в глаголах действия см. ниже); *йызхэийцIара* «тот, которому он поверит» (категорически) (основа *хэацIа* «верить»); *уыцIаIарэ* «тот, которого ты спросишь» (основа *цIаIа* «спрашивать»); *дызтыйнцIара* букв. «он (разумн.) за какую цену которого он (разумн.) предложит на продажу» (основа *тынцIа*); *дызтыйхра* букв. «он (разумн.) за какую цену которого он (муж.) получит взамен» (основа *тных*) (в выражении *дызтыйнцIарый дызтыйхрый гыйдырам* «он не знает ему цены», где последние *и-* союз «и»); ср. еще *дызныцIабарму* «тот, которого он видит в первый раз» (? Ред.) (основа *ныцIаба* «видеть в первый раз») (форма причастия будущего в сочетании с формантом причастия настоящего?). Чаще всего причастия будущего времени формы состояния связываются с глаголом «желать, хотеть» в форме (й) *атахэыб* «нужно», (йы) *гыатахэым* «не нужно» и т. п. Например: *дыкэрэ тахэын* «он должен был бы умереть» (букв. «он, который умрет (наверное), следовало было»); (? Ред.); *йыгIбарэ йыхIатахэыз уарэ уакивын* «тот, которого мы хотели видеть, был ты»; *йыгIабхарэ гыстахэым* «я не хочу, чтобы он был вторым» (букв. «он (неразумн.), который сделается наверное вторым, я не хочу») и т. п.

Не случайная близость формы причастия состояния будущего и неопределенной формы глагола действия (*царэ* «ходить», *чарэ* «кушать», *нхарэ* «работать», *гIагра* «приносить» и т. п.) дает повод смешивать эти две формы, откуда наряду с *йыгIагра тахэыб* «нужно, чтобы его (неразумн.) принесли», возникает неправильное *йыгIагра тахэыб* «нужно, чтобы он принес» (вм. ожидаемого **йыгIыйгра* или **йыгIандгра*). Отрицательные формы причастия будущего имеют перед основой глагола *м*, например: *йыуэйсымхара гыйгам* «нет ничего (такого) того, которое я наверное не сделаю для тебя» (основа *ха* «делать»).

4) Причастие настоящего времени действия: *йыгйлуа* «встающий», *йыгIеуа* «бегущий», *йылдыруа* «то, что она знает», *йыцтIалуа* «лежащий», *йыргыккысуа* «нападающий на них», *йыцIыруа* «кричащий» и т. п. Отрицательные формы также имеют *м* перед основой, например: *йымгйлуа* «не встающий», *йымгIеуа* «не бегущий», *йылымдыруа* «то, чего она не знает», *йыцтIамылуа* «не лежащий» (префикс *цтIа* + основа

¹ Буквальный перевод, данный здесь автором, неточен. (Ред.).

л); *йыргейкымысуа* «не нападающий на них» (префиксы *гвы* + *квы* + основа *с*); *йымцIуруа* «не кричащий» и т. п.

5) Причастие прошедшего времени действия: *йыгIмыз* «вставший», *йыгIгыз* «бежавший»; *йылдIырыз* «то, что она знала», *йыцтIалыз* «легший», *йыргейкысыз* «напавший на них», *йыцIурыз* «кричавший». Формант *з* заимствован от причастий прошедшего времени состояния, что явствует из форм сочетаний причастий действия с вопросительными и относительными местоимениями, из форм причастий производных (отименных) глаголов (например: *йылаIаха* «ставший глупцом», наст. *йылаIахауа* «становящийся глупцом») и некоторых других выражений и форм, не имеющих *з*, *дыгIвэдзIа* «он, очень обтесавшийся» (от основы *гIгыз* «обтесывать»); *йызбIа* «первый встречный» (букв. «тот (который) которым видан») (? Ред.) и т. п. В отрицательных формах перед основой ставится *м*: *йымгIмыз* «не вставший», *йымгIгыз* «не бежавший», *йылымдIырыз* «то, чего она не знала» и т. д.

6) Причастия будущего времени действия: *йыгIыуаш* «тот, который встанет», *йыгIгуаш* «тот, который побежит, будет бежать», *йылдIуаш* «то, что она будет знать», *йыцтIалуаш* «тот, который ляжет», *йыргейкысуаш* «тот, который нападет на них», *йыцIуруаш* «тот, который будет кричать». В образовании этой формы наблюдается различие между двумя группами глаголов; глаголы, имеющие в конце основы *ы* (все вышеприведенные), образуют причастие будущее формантом *уаш*, имеющие *а* (*йыцауа*, *йычауа*, *йылфауа* и т. п.) — формантом *уиш* (след. *йыцIуиш* «тот, который пойдет», *йычыуиш* «тот, который будет кушать», *йылфIуиш* «то, что она будет кушать» и т. п.). По ассоциации значений двух будущих формы причастий состояния будущего времени примыкают иногда к системе причастий действия, откуда *йыгIыра* «тот, который встанет обязательно», *йыгIгера* «тот, который побежит» и т. п. Обычно в сочетаниях, вышеуказанных при причастиях будущего времени состояния с *атахIыб*. Отрицательные формы образуются постановкой *м* перед основой, т. е. *йымгIыуаш*, *йымгIгуаш* и т. п.

Категория вида. Категория вида служит средством выражения объективной характеристики самого действия или состояния, как такового, с точки зрения присущих ему особенностей наступления или течения. Абазинский язык различает морфологически целый ряд более или менее точных видовых оттенков в глаголе, неизвестных русскому и другим языкам. Считая основную форму глагола, в силу сказанного выше о значении простейшей глагольной основы в абазинском языке (см. выше), за вид результативный, отметим следующие производные формы вида, существующие в абазинском языке и отражаемые соответствующими формами причастий:

1) вид постоянный, характеризующий действие или состояние, как совершающееся или существующее постоянно и систематически; образуется морфемой *ла*, присоединяемой суффиксально к основе глагола, например: *йыца-л-уа* «ходящий постоянно», *йыца-ла-з* «ходивший постоянно». Наряду с абазинским формантом *ла* встречается в том же зна-

чении и заимствованное из кабардинского языка *заныт*, например: *йыцазаныт* «постоянно ходящий», *ла* представляет собой собственно основу глагола «быть внутри чего-либо»; ср. *йдыму* «находящийся внутри чего-либо»;

2) вид повторительный, характеризующий действие или состояние, как наступающее вторично или повторно; образуется морфемой *х* с обязательностью постановки ударения на одном из предшествующих слогов: *йыцыхуа* «идущий снова, вторично или повторно (несколько раз)»; *йыцаххыз* «ходивший снова»; значение формы этого вида во многих случаях теряется и переходит в (с трудом уловимый) оттенок отсутствия новизны, наступления действия или состояния;

3) вид интенсивный, означающий, что действие или состояние имеет место в степени особо интенсивной или окончательно определившейся. Соответственно двум, смешиваемым друг с другом, оттенкам значения вида, он имеет два формальных средства выражения: *чва* (оттенок собств. интенсивности) и *дза* (оттенок окончательности, определенности), например: *йычачываз* «много ходивший», *йыцадзаваз* «совсем сходявшийся»; *чва* первоначально относилось к разумному субъекту (или объекту) действия и тождественно упоминавшемуся выше форманту *мн.* числа класса разумных, *дза* представляет собою основу глагола «достигать». В единичных примерах находим третий суффикс интенсивного вида *чва*:

4) вид итоговый или утвердительный, означающий, что действие или состояние не вызывает никаких сомнений в его совершении; формантом вида утвердительного служит *за*, обычно сочетающееся с *ла* в форме *лаза*. Встречается в причастиях чаще всего в сочетании с формантом причастий действия будущего времени *ууш*, например: *йамазууш* «то, которое он (без сомнения) будет иметь».

Формант *за*, образующий, в особенности в абхазском, более отчетливую видовую категорию утвердительности, представляет собою основу утраченного ныне глагола с общим значением «существовать, находиться в определенном месте», которая сохраняется в таких абазинских пмсках существительных, как, например: *ныза* «главарь» (собств. «оказавшийся или находящийся впереди», морфема *ны* в значении «впереди» известна во множестве таких синтагм, как *ныц* «зуб», *ныцла* «предписание», *нынцла* «нос» и т. п.), *дзаныза* «селезенка» (собств. «находящееся в боку», ср. *адза* «бок», *адзарта*, *адзацлыс* «ребро»). В глаголах имеем редкие примеры: *йадрынхъазаб* «они их наверно научили» (от основы *пхъа*); *йджызаб* «наверно будет» (от основы *акIе*);

5) вид совершенный, означающий, что действие или состояние совершилось давно и представляется окончательно прекратившимся, например: *йыцахъыу* «давно ходивший», *йыцахъав* «давно ходивший» (формант *хъа*);

6) вид затруднительности, означающий, что осуществление действия или состояния встретило затруднение; формантом служит сложная морфема *уачва*, например: *йыдыруачвыу* «которого трудно узнать» (основа *дыр* «узнать»); *йыгIаууачваз* «которого трудно было най-

ти» (основа *gIau* «находить»); *уача* здесь полусамостоятельное слово со значением «трудный» (соответствует абх. *ауадагIе* «трудный»);

7) вид потенциальный, означающий, что действие или состояние не встречает затруднений. Образуется, в отличие от других видов, префиксальной морфемой *з* (этимологически восходит к послелогу *зи* «для» и ставится вместе с зависящим от него местоимением впереди других, имеющих в составе глагольной формы префиксов, непосредственно вслед за первым местоименным показателем, входящим в состав синтагмы), например: *йырыздыруа* «которого они могут узнать, которого им не трудно узнать»; *йырызгIауз* «которого они смогли найти, которого им было не трудно найти». Встречается по преимуществу с отрицанием, приобретая значения вида невозможности; замещает нередко формы отрицательно-утвердительного (изъявительного) наклонения в глаголе, сближаясь своим значением с категорией наклонений; см. об этой категории ниже в разделе «Глагол», например: *йырыздыруа* «которого они не могут узнать; то, чего они не знают»; *йырызгIам.ауыз* «которого они не могли найти, не найденный ими». Из примеров явствует, что формы вида потенциального допускают легко сочетания с другими видами, что также ставит его в обособленное положение в ряду видовых форм абазинского языка;

8) вид продолжительный, означающий, что действие или состояние, однажды наступившее, продолжается: выразителем этого вида служит морфема *ркIа* (этимологически восходит к основе вспомогательного глагола *акIа* «быть, существовать»). Особенностью этого вида, в отличие от большинства предшествующих, служит то, что формант *ркIа* присоединяется нормально не к чистой основе глагола, а к основе причастной, чаще всего основе причастия настоящего времени, например: *йыцау-ркIауа* «продолжающий идти»; *йычIкIвыныркIауа* «продолжающий быть молодым» (*йычIкIвыны* здесь вм. *йычIкIвынну* формы причастия состояния) и т. п. (лишь в более редких примерах *ркIа* присоединяется непосредственно к основе глагола, например в субстантивированном *чIеыцаркIа* «плакса», от основы *чIеыуа* «плакать»). Таким образом, этот вид приближается к типу сочетаний слов, имеющих каждое свою законченную синтаксическую форму;

9) еще в большей мере это относится к следующему виду — коннессивному, выражающему допустимость наступления действия или состояния, для чего к основе глагола или же форме повелительного наклонения (совпадающего, за исключением местоименных префиксов, с чистой основой глагола) присоединяется та или иная форма глагола *уа* «давать, делать», например: *йыца(й)ауа* «дающий возможность идти, допускающий совершение хождения», *уыца(й)ауа* «дающий тебе возможность идти» и т. п.

Из числа перечисленных видов абазинского языка не все имеют тождественные формы выражения в абхазском. Такими специфическими для абазинского языка формами служат 4-й (в его осложненной форме *ала*), 6-й, 8-й и 9-й виды.

Категория времени. Категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида, иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абазинском и абхазском языке, по существу безотносительных ко времени видовых значений. Вполне очевидный характер носит и сейчас видовая значимость формы давнопрошедшего на *хъа*, относимая нами к категории вида (см. выше, вид 5-й).

Проследить постепенное развитие временных различий позволяет сравнение с абхазским языком, лучше сохраняющим пережиточную абазино-абхазскую систему видов, в настоящее время существенно преобразившуюся и принявшую только что охарактеризованные формы. Из трех основных, существующих в абазинском и абхазском языке времен — прошедшего, настоящего и будущего — прошедшее представляет собой форму, лишенную особой внешней характеристики и относимую к прошедшему времени в силу основного (результативного) значения чистой основы глагола. Ясно выраженный именной характер значения этой основы, а также необходимость отличать его от формы повелительного наклонения, во 2-м лице мн. числа совпадающей с аналогичной формой причастий, дает повод к сочетанию *ес*, в непроизводных формах причастия, с формантом *з* (имеющим значение связки), например: *йыцъа(з)* «ходивший» (действие мыслится здесь, как факт «состояния»). Этим путем вызывается совпадение двух форм: причастия прошедшего динамического (или действия) и причастия прошедшего статического (или состояния). Лишь различие значений основ глаголов устраняет смысловое неудобство такого совпадения.

Настоящее время, сохраняющее в абхазском языке свое первоначальное значение лучше, чем в абазинском, образуется с помощью форманта начинательного значения *уа*; таким образом, *йыца-уа* означало первоначально не столько «идущий», сколько «начинающий идти» (откуда постоянные колебания в значении между собств. «настоящим» и «недалеким будущим», характерные в понимании особенно абхазских форм). Присоединение к производной основе форманта начинательного вида причастия прошедшего времени состояния — *з*, связанного по происхождению с морфемой *за* утвердительного вида, создает значение букв. «начало действия или состояния, находившееся в определенном моменте прошлого», откуда обычное сейчас вторичное значение сочетания *уа+з* в смысле прошедшего несовершенного, недавнего: *йыцауаз* «тот, который шел», т. е. «начинавший идти в «определенный момент прошлого» (в абазинском форма *йыцауаз* чередуется с *йыцыуз*; факт чисто фонетического происхождения, вызывающий, однако, более или менее индивидуальные и произвольные попытки различного осмысления форм: *йыцауаз* в смысле «ходивший многократно», *йыцыуз* «ходивший однократно»).

Форма будущего времени сохраняется в первоначальном виде лишь в абхазском (*йыцѧ+ша*), представляет собою результат сочетания основы спрягаемого глагола с основой вспомогательного глагола *шарѧ* «доставаться на долю, выпадать на долю» (сохраняется в близком значении «делить на части» в абазинском, ср. еще: *ашарабѧра(кѧ)* «отборные, лучшие части»); смысл сочетания давал видовой оттенок долженствования, неопределенной целеустремленности действия или состояния, откуда *йыцѧша* «тот, который пойдет» (неопределенно) букв. «тот, которому следовало бы пойти (в силу того, что это досталось ему по разделению функций между действующими лицами)». Этой ясной по своему происхождению абхазской форме соответствует абазинская форма тождественного значения. *Йыцѧуш*, возникшая, повидимому, по аналогии с формой причастия прошедшего недавнего *йыцѧуз* (имеются, как указано выше, параллельные формы прошедшего недавнего на *уаш*, например: *йыгѧуаш* «который должен бежать, который побежит»; след. абазинский формант разложим на *уа+ш*, *уу+ш*; ср. еще формы настоящего времени отрицательно-утвердительного наклонения: *йыгѧцѧум* «он не идет», но *йыгѧгѧуам* «он не бежит»).

Сочетание неопределенно-долженствительной формы *йыцѧша* (*йыцѧуш*) с формантом *з* (= *йыцѧша-з*, *йыцѧуш-з*) переносит факт долженствования в прошлое и дает сложной форме обычное сейчас значение сослагательного наклонения «тот, который пошел бы в определенный момент прошлого».

Изложенная система первоначально видовых форм абхазско-абазинского глагола (в его динамическом значении), дающая в современном понимании систему основных времен, осложняется, как мы видим на примере форм, осложняемых формантом *з*, внесением в нее первоначально не связанных с динамическими статических форм. Нам остается добавить к перечисленным формам еще две, по существу также вневременного значения, но приобретающие таковое при включении их в стабилизирующуюся систему времен. Первая из них малоупотребительна, в силу своей двусмысленности, одинаково и в абазинском и в абхазском, и имеет своим окончанием *ра* — именного значения (ср. *ра* — формант имен собирательных и отглагольных). Употребляется она соотносительно с аористом (в глагольных формах, оканчивающихся связкой *б*), в значении причастия будущего определенного. Эволюция значения этой формы довольно прозрачна: действие, мыслимое в своем законченном состоянии, как существующее постоянно, относимо, с точки зрения времени, легче всего в будущее (с оттенком полной категоричности, уверенности в его совершении), откуда *йыца+ра* «тот, который пойдет безусловно, категорически» (например: *йыцарѧ атахѧб* «он должен пойти», букв. «ему (*йы* здесь в значении неразумного субъекта действия) желательно его состояние совершившейся ходьбы»). Сочетаясь с формантом *з*, причастие на *ра* несколько видоизменяет свою звуковую форму (вм. ожидаемого *ра+з* имеем *рыз*); значение этого сочетания — «определенное будущее, мыслимое, как состояние в определенный

момент прошлого», что дает в переводе на другие языки форму сослагательного наклонения, например: *йыца + рьыз* (форма, повидимому, малоупотребительная) «тот, который наверное, безусловно пошел бы в известный момент прошлого».

Здесь следует отметить одну смысловую особенность большинства тех (за исключением связки *б*) временных форм, которые принадлежат по своему происхождению к категории состояния: это их относительность, предполагающая всегда сопутствующее им главное действие, которое служит в качестве точного показателя времени совершения и существования тех или иных фактов состояния, интересующих говорящего. Объясняется эта относительность естественной трудностью различения состояний во времени и направленностью внимания на моменты действия, как более конкретные выражения активного изменения явлений и их признаков. В силу такого относительного значения форм состояния становится понятным использование формы на *ра* (в ее кратком виде *р*) в значении относительной формы условного наклонения в абхазском языке, как например: *сăкIвза-р* «если я буду» (собств. «мое бытие дано, как факт» из *сăкIвза + ра*) и т. п.; в абазинском Тапанта и Шкарава форма условного наклонения на *р* осложняется допускающим различные объяснения элементом *кэ(ын)*, например: *сăкIвзар + кын* (зеленч. *сăкIвзари + кэ*). Вторая форма состояния, имеющая своим формантом *у* (= основе глагола *у-ра* «делать»), сохраняет значение аориста (т. е. неопределенного времени) с преобладанием оттенка времени естественно и практически наиболее значимого, именно настоящего¹, например: *йытăу* (собств. *йы + та + уы*, где *йы* — известное уже вопросительное местоимение в роли неопределенно-личного местоименного форманта глагольности (в данном случае причастности) значения синтагмы *та* основы глагола «быть внутри», *уы* «совершившееся, сделанное») «находящийся постоянно (в частности, и сейчас) внутри чего-либо». В абхазском формы типа *йытăу*, в сочетании со связкой *пI*, дают формы аориста в изъявительном (положительно-утвердительном) наклонении, в абазинском присоединение *б* устраняет, в силу своей гелетической однозначности с ним, элемент *уы* (последний элемент синтагмы), что создает различие между *йытă + упI* (в абх.) и *йытă + б* (в абаз.) «он (неразумн.) находится постоянно (в частности, и сейчас) внутри чего-либо».

Рассмотренные формы времени (а первоначально — вида) можно представить в следующей таблице:

Таблица времен абазинского причастия

	а) Причастия состояния
Наст.	<i>йытăу</i> — «находящийся внутри»
Прош.	<i>йытăз</i> — «находившийся внутри»

¹ Положение автора об увязке суффикса *у* с основой глагола *у-ра* «делать» является спорным. (Ред.).

Буд.	<i>йытӕзлара (йытӕзлыуи)</i> — «который будет находиться внутри»
Сослагат. неопред.	<i>йытӕзларыз (йытӕзлыуиыз)</i> — «который находился бы внутри»

б) Причастия действия

Наст.	<i>йыцауӕ</i> — «идущий»
Прош. соверш. недавнее	<i>йыцауӕз</i> — «ходивший недавно»
Прош.	<i>йыцӕз</i> — «ходивший, сходивший»
Буд. неопр.	<i>йыцӕуи</i> — «который пойдет»
Буд. опр.	<i>йыцарӕ</i> — «который пойдет» (наверное, обязательно)
Сослагат. неопр.	<i>йыцӕуиыз</i> — «который пошел бы»
Сослагат. опр.	<i>йыцарӕыз</i> — «который пошел бы» (наверное, обязательно)

Таблица показывает естественную дифференцированность времен действия и слабую развитость времен состояния, различимых лишь по признаку «всегда» (аорист) и «прежде» (прош.). Внесенные в таблицу формы *йытӕзлара* и *йытӕзлыуи* (с их производными) мало употребительны и представляют собой осложнение основы глагола показателем вида утвердительного, по аналогии с «повелительным состоянием» (см. ниже).

Категория лица. Характерной особенностью абазинских причастий является их изменяемость по лицам и числам, наглядно свидетельствующая об особом, сравнительно, например, с русскими причастиями, характере этих форм. Таким образом, наряду с *йыцауӕ* «идущий», *йылбауӕ* «видимый ею», *йырнӕтуа* «то, что оно дает им» существуют еще осложненные личными местоимениями формы тех же причастий настоящего времени действия.

С точки зрения их морфологической структуры, эти личные причастия представляют собою синтагмы аппозитивно-предикативного (придаточно-сказуемого) типа (см. выше, тип VII). Что же касается их синтаксической функции, то в ней они сближаются чаще всего с русскими деепричастиями, отличаясь от существующих в абазинском языке деепричастий в собственном смысле слова отсутствием специальных окончаний деепричастия, подчеркивающих глагольно-наречный характер синтагмы.

Таблица изменения причастий по лицам и числам¹

а) Непереходного значения

Единственное число	Множественное число
1-е лицо <i>сцауӕ</i> «я идущий»	<i>хIцауӕ</i> «мы идущие»
2-е лицо <i>уыцауӕ</i> «ты идущий»	<i>швцауӕ</i> «вы идущие»
» <i>бцауӕ</i> «ты идущая»	

¹ Все формы, приведенные в таблице, за исключением *йылбауа*, *йыжвбауа*, *йырбаквауа*, *йырнӕтуа*, *йыхIшӕтквӕуа*, деепричастного образования

3-е лицо *дцауа* «он (разумн.) идущий» *йыцауа* (*йыцаксауа*) «они идущие, идущие» (вообще)

» *йыцауа* { «он (неразумн.) идущий»
«идущий»
(вообще)

б) Переходного значения

Единственное число

1-е лицо *сыубауа* «я, которого ты (муж.) видишь»

2-е лицо *уызбауа* «ты, которого я вижу» или «ты, видишь» который

бызбауа «ты, которую я вижу»

3-е лицо *дыббауа* «он (разумн.), которого ты (жен.) видишь»

йылбауа { «он (неразумн.), которого она видит»
«тот, которого она видит» (вообще) и т. п.

Множественное число

1-е лицо *хIабауа* «мы, которых он (неразумн.) видит»

2-е лицо *швыгIбауа* «вы, которых мы видим»

3-е лицо *йыжсбауа* «они, которых вы видите; те, которых вы видите» (вообще)

» *йырбаксауа* «они, которых они видят; те, которых они видят» (вообще) и т. п.

в) Переходного значения (с косвенным объектом)

Единственное число

1-е лицо *судьлтуа* «я, которого она дает тебе»

2-е лицо *уысыйтуа* «ты, которого он (муж.) дает мне»

» *блэсттуа* «ты, которую я даю ей»

3-е лицо *дбыхIтуа* «он (разумн.), которого мы даем тебе (жен.)»

» *йырнэтуа* { «он (неразумн.), которого он (неразумн.) дает им»
«тот, которого он (неразумн.) дает им» (вообще)
и т. д.

Множественное число

1-е лицо *хIйыбтуа* «мы, которых ты (жен.) даешь ему (муж.)»

2-е лицо *швэзтуа* «вы, (которых) который дает ему (неразумн.)»¹

3-е лицо *йызыгтуа* «они, которых ты даешь которому; те, которых ты даешь ему» (вообще)²

» *йыхIгыетксауа* «они, которых вы даете нам; те, которых вы даете нам» (вообще) и т. д.

Приведенные в таблице формы представляют собою, при всем своем разнообразии, лишь незначительную часть форм, допустимых и обра-

¹ Правильнее «тот, который вас (от)дает ему» (класс вещей) (Ред.).

² Правильнее «ты (муж.) тот, которому (или: те, которым) даешь то (или: те)». (Ред.).

зуемых ежечасно в абазинском языке. Источником разнообразия служит здесь включение в состав формы причастия от одного до трех местоименных показателей непосредственных участников того действия (или состояния), которое выражается тем или иным причастием. Большее количество местоименных частиц, теоретически допустимое (в силу их способности указывать не только на непосредственных участников действия, но и на не имеющих непосредственного отношения к нему, в сочетании с послелогами, о чем см. выше), на практике не встречается, как осложняющее чрезмерно непосредственный анализ и понимание соответствующей формы.

Таблицы нуждаются в некоторых пояснениях:

1) Количество и качество наличных в составе синтагмы местоименных показателей различно, главным образом, в зависимости от значения глагольной основы и, во вторую очередь, от субъектного или объектного (все равно — прямого или косвенного) положения этих показателей, причем субъектным (подлежащим) положением является всегда положение в начале синтагмы. В значении субъекта используются личные и вопросительные местоимения в краткой форме на *ы*, в роли объекта — притяжательные местоимения и неопределенно-притяжательное местоимение *з*.

Различие косвенно-объектного положения от прямо-объектного выражается только в форме 3-го лица ед. числа класса неразумных и лишь при стечении трех местоименных показателей рядом (как мы видим в *йы + р + на + туга*), а также в составе глагольной формы переходного значения с префиксом (например, *йы + ш + аке + на + гага* «как следует» (букв. «как оно (неразумн.) приводит к тому (неразумн.)»; форма, производная от сложной основы *аке + га*).

2) Следует иметь в виду, что субъектный местоименный показатель 3-го лица ед. и мн. числа *йы*, стоящий в начале синтагмы, устраняется в случае непосредственного соседства играющего роль субъекта имени перед синтагмой; ср. например: *амч швѣбыта* (sic! Ред.) *йырнѣтуга* «сила, придаваемая им в большом размере тем» (неразумн.), но *амч рнѣтуга* «сила, придаваемая им тем» (неразумн.). Правило это, отражающее грамматическую зависимость слова синтагмы предикативного (сказуемого) значения от слова субъектного (подлежащего) значения, терпит нередко в современном словоупотреблении нарушение, например: *арѣт йѣдзахѣйд* «они шьют» (вм. закономерного *арѣт дзахѣйд*); обоснованным является сохранение *йы* в случаях необходимости избежать неупотребительный в начале слова гласный *ы*, как например: *царѣда й + ыцѣаб* «многое находится» (там), *ажъѣ й + ыгѣвѣйд* «заяц бежит» и т. п. (грамматически закономерные **ыцѣаб*, **ыгѣвѣйд* неупотребительны).

3) Как указывалось выше, стечение двух местоименных показателей *йы* в одном слоге влечет за собой фонетически закономерную утрату одного из них (например: *йычпауѣ* «то, что он делает», вм. **ййычпауѣ*, ср. *йылчпауѣ* «то, что она делает»; *йѣцѣтѣацауѣ* «они,

идущие вслед за ним», вм. **ййыцтлацауа*, ср. *йылыцтлацауа* «они, идущие вслед за нею» и т. п.).

4) В формах 3-го лица мн. числа чередуются формы типа: *йыцауа* и *йыцакцауа*, т. е. формы, напоминающие ед. и мн. число склонения имен. Значение этого *кца* может быть двойким в формах, где присутствуют два неопределенных местоименных показателя 3-го лица. Так, например, *йырчпауа* «делаемое ими» ~ *йырчпакцауа* «делаемые ими»; *аракIарф зыдзхъагылму* «тот, рядом с которым стоит эта буква» ~ *аракIарф зыдзхъагылмакму* «те, рядом с которыми стоит эта буква», т. е. в первом случае *кца* определяет множественность значения местоимения *йы*, во втором — местоимения *з*. Употребление форм, осложняемых посредством *кца*, ограничивается нормально лишь случаями особой необходимости и нарочитости выражения множественности смысла того или иного местоименного показателя, которая остается в других случаях невыраженной и лишь подразумеваемой контекстом речи.

Склонение причастий. Формы мн. числа причастий 3-го лица (в 1-м и 2-м лице множественность выражена в самом местоименном показателе) дают повод коснуться вопроса о склонении причастий. В силу своей частичной принадлежности к именам (по значению и в особенности по своей синтаксической функции они совпадают в абазинском языке с категорией прилагательных относительных), причастия теоретически допускали бы такую возможность склонения, которая, однако, парализуется в значительной степени, в силу причины двойкого свойства: 1) внешняя форма причастия, заключающая в себе обязательное указание на определенный или неопределенный субъект действия, устраняет возможность различения падежей определенного и неопределенного, 2) глагольное значение причастий влечет за собою неизбежное осмысление образованных от них падежей орудивного и наречного, как наречий (деепричастий), что вырывает соответствующие формы из системы собственного склонения имен и переводит их в категорию другой части речи (аналогичную судьбу испытывает нередко, как мы видели, форма на *та* наречного падежа и в прилагательных). Действительно, значение абазинских причастий самих по себе, вне связи с морфемами словоизменения по падежам, соответствует обычно или русским прилагательным качественным, или причастиям, в каковом значении они предшествуют имени и лишены, следовательно, возможности изменяться сами по себе по падежам (изменяется лишь имя); при перевесе же их глагольной функции, они соответствуют по значению русским деепричастиям или придаточным предложениям, в каковом случае они тем менее могут считаться именами по значению своих производных форм. Ср., например: *йыгIайуаш асквыш* «следующий (букв. «тот, который придет») год»; *бызгIымысхыз уау* «отличный (букв. «мимо которого ты (жен.) не можешь пройти») яд»; *бызгIыушыз азгIва* «смертельная для него (букв. «которая унесла бы его») болезнь»; *йыузымI-вауш агвыргIва* «непростительная (букв. «которая тебе не простится»)

«ошиб́ка», где причастия соответствуют по значению русским прилагательным и причастиям; в примерах *алых хлымчау́* «мы, не делая различия» (букв. «различие нами не делаемое»); *арый дрымбадзау́* «они его совершенно не видя» (букв. «этот (разумн.) ими совершенно не видимый»); *аудый шабгьу́* «он целиком» (букв. «он, как являющийся целым»); *дцау́ дгларынйад* «идучи он встретился с ними» (букв. «оп идущий он встретился с ними») и т. п. причастия стоят независимо от последующих имен, но имеют определенное значение или русских наречий (деепричастий), или русских придаточных предложений. Поэтому сочетания причастий с морфемами *ла* и, в особенности, *та* (не говоря уже о специально наречных формантах *мца*, *жива* и т. п.) относятся нами безусловно к числу деепричастий.

Деепричастия. Категория деепричастий или отричастных наречий, означающая активный признак другого признака, т. е. сопутствующее главному действию (или состоянию) действие (или состояние), может считаться морфологически выраженной при наличии наречных формантов, из коих главными являются упомянутые *та* и *мца* (*мцра*, *мцара*). Употребление этих формантов в общем факультативно и выражения *дгьмца йыхIвад* и *дгьмцамца йыхIвад* одинаково означают по-русски: «вставая, он сказал», лишь с той разницей, что *мца* подчеркивает момент одновременности действий, если *дгьмцата йыхIвад* означает иногда «он сказал, что он, мол, встает», то этот оттенок значения должно относить не за счет значения формы, как таковой, а глагола «говорить», поскольку, например, между параллельными выражениями *гвэтра аживьма*, *гвэтра аживьмамца* и *гвэтра аживьмата* нет разницы, и они, в общем приблизительно одинаково, передают одно и то же значение «вы будучи внимательны, со вниманием» (первое выражение букв. «внимание, которое к тому у вас имеется»; второе — «пока (есть) внимание, которое к тому у вас имеется»; третье — «будучи внимание, которое к тому у вас имеется»).

Единственным формантом, применение которого ограничено причастными наречиями и который в наречиях иного происхождения не встречается, служит морфема *кIва* (связанная по происхождению с основой глагола *акIе* «быть, существовать»), сочетающаяся с отрицанием *м* в значении деепричастия отрицательного аористного значения. Например: *йымцамкIва* или *йымцакIва* «он, не ходивши»; *дрымбадзакIва* «они его совершенно не видя»; *сыйпхIамкIва* «я, не будучи его дочерью» (*сыйпхIадзамкIва* «я, не будучи совершенно его дочерью»); *йапиымкIва* «они не будучи сходны» и т. п.; значение послелога «кроме» приобретает нередко деепричастие *акIеымкIва* (основа *акIе*), так например: *аше акIеымкIва* «кроме сыра», *арат ракIеымкIва* «кроме этих» и т. п.

В употреблении деепричастия на *кIва* следует отметить еще одну особую функцию его — выражать категорическую необходимость сделать что-либо, как, например, в *хлымцтййкIва* (основа *цтйй* «посылать») «нам необходимо пойти», точнее: «будучи невозможно, чтобы ты нас

не послал». Такое употребление основано на пропуске глагола, определяющего десипричастие (примерно: *амьль гьдмам хьыумитыйкIва* «нет возможности, чтобы ты не послал нас» и т. п.).

Распространенные причастия. Причастия, играющие исключительную роль в абазинской речи, замещая слабо развитую в абазинском языке синтаксическую категорию придаточных предложений, выполняют это свое последнее назначение как самостоятельно, так и, в особенности, в сочетании с некоторыми местоименными и паречными морфемами. Такого рода сочетания причастий с дополнительными морфемами назовем «распространенными причастиями».

Из числа этих сочетаний типичнейшими и важнейшими являются следующие:

I. Распространенные причастия предикативного значения. Сочетания причастий с вопросительными местоимениями *да* и *йа*, имеющие предикативное значение, т. е. играющие роль (основного) сказуемого вопросительного предложения, например: *йырьмайа* «что они имеют?», *йырьмада* «кого они имеют?» (соотносительно с *йырьмыу* «то, что они имеют; тот, которого они имеют», ср. выше замечание по поводу *йысыма*); *йырьмазйа* «что они имели?», *йырьмазда* «кого они имели?» (соотносительно с *йырьмаз* «то, что они имели; тот, которого они имели»); *йылхаудйа* «что она делает?» (ср. *йылхауд* «то, что она делает»); *йылхайа* «что она сделала?» (ср. *йылхаз*, замещающее здесь, согласно сказанному выше, **йылхэ*: «то, что она сделала»); *йылхыуийа* «что она сделает?» (ср. *йылхыуи* «то, что она сделает»); *йыжвдыруайа* «что вы знаете?», *йыжвдыруада* «кого вы знаете?» (ср. *йыжвдыруа* «то, что вы знаете; тот, которого вы знаете»); *йыжвдыруазйа* «что вы знали» (недавно)?, *йыжвдыруазда* «кого вы знали» (недавно)? (ср. *йыжвдыруаз* «то, что вы знали (недавно); тот, кого вы знали (недавно)»); *йыжвдыр(ыз)йа* «что вы знали?» (ср. *йыжвдырыз* «то, что вы знали»; краткая форма *йыжвдыр* имеет самостоятельное значение 2-го лица мн. числа повелит. наклонения: «узнайте»); *йыжвдыруаийа* «что вы узнаете?» (ср. *йыжвдыруаи* «то, что вы узнаете») и т. п.

Приведенные примеры показывают, что, сочетаясь с местоимениями вопросительными, причастия состояния настоящего времени утрачивают свой формальный признак (*y*). В отношении форм причастия прошедшего действия наблюдается чередование чистой основы и основы, осложненной формантом *з*; с этим чередованием может ассоциироваться незначительное смысловое различие: формы, сохраняющие *з*, приобретают, благодаря этому сохранению, слабо уловимый оттенок несколько большей конкретности, определенности того, что служит предметом вопроса.

II. Распространенные причастия предикативного и полупредикативного значения. Сочетания причастий с относительными и вопросительными местоименными наречиями

ан(анба), ш(шпа), га(аба), ахь (ахьла), образующие причастия относительные и вопросительные, имеющие соответственно аппозитивно-предикативное или предикативное значения, т. е. играющие роль сказуемого придаточного (причастия относительные) или главного (причастия вопросительные) предложения. К примерам, приведенным выше, можно добавить следующие:

1) ан, уангIагълау «когда ты встанешь» (основа гIа + гъл), уангIагъла «когда ты встал», уангIагълара «когда ты встанешь» (определенно). Последний пример показывает сочетание наречия с редко встречающимся вне данной связи с относительным наречием причастием будущего времени состояния, оканчивающимся на ра. Ср. еще ауий андъфра «когда он (неразумн.) съест» (определенно) (основа ф), ауьса андъазара «когда так будет» (основа ызаза), ауьт анрылцIра «когда они отойдут от них» (основа лцI), йангIагълара «когда они соберутся» (основа ай + зза), ауий анызбарь «когда я это увижу» (основа ба). Нередки случаи осложнения относительного сочетания с ан последующим послеложным наречием времени, уточняющим значение относительного причастия, например: швандъгара амцтахъ «после того, как вы окончите»; йаншвхIауь агIан «в то время, как вы говорите», дангIай асхъан «после того, как (когда) он приехал», санцъбырг «как только я пошел» и т. п.:

2) анба, данбалагауа «когда он начинает?», данбалага «когда он начал?», данбалагыуи «когда он кончит?»;

3) ш, йышъжсгIауа «как вы пишете», йышъжсгIа (ыз) «как вы написали», йышъжсгIауаи «как вы напишете», йышъутахъдзыгъый «как тебе только угодно», дшигъаз «когда он был», йышгIайра рахIа «скажи им, чтобы они приехали» (букв. «как они приедут»: основа гIай), ауат рыцIа йышбъйхъуи йышбагъахъуи хIацтаб «мы стремимся к тому, чтобы они стали лучше и крепче» (основы: бзый + ха, багъа + ха), уышъутахъыхым йысагIад «я слышал, что они тебя не желают», уышгIайз йышпабъйз «как хорошо, что ты пришел!» и т. д. Примеры показывают, что формы, сочетающиеся с ш, переводятся различным образом: «как» (основное значение), «когда», «что» и «чтобы». Значение «как» передается отчетливо в сочетаниях с последующим наречием ани(та), например: дшынхъуз (дшынхауьз) ани(та) «как он работал», йышатахъуи ани(та) «как надлежит» и т. п.

На пропуске основного глагола, от которого зависит форма причастия относительного образа действия, основано приобретаемое причастием значение категорического приказания, в таких выражениях, как: йышъжсгIауаи «ты будешь пить!», «пей-ка!» (дополнить, например: уымбалъарыгъа «не дурачься!...»), йышъжсгIа «ты обязательно будешь пить!» (дополнить, например: здырьд «я знаю, что»...);

4) шпа, йышпашвхIауа «как вы говорите?», йышпашвхIа «как вы сказали?», йышпашвхIауи «как вы скажете?»;

5) гадъатыу акът «селение, где он находится» (где он живет), гадъагъ акът «селение, где он находился, жил», йыгаргъылъыу «там,

где следует поставить его» (неразумн.), *йыаагылчыу* «где должен стоять», *йыаргылартам* «где не следует стоять», *йыаргылартыу* «где следует стоять», *дыардабаауаз йкыб* «потому что он с ними воевал», *дыадыабааз* «пока он был жив». Соответствует русским: «где», «куда», «так как», «откуда». В сочетании с послелогом: *ауый ауаа дэныз ахъаба* «так как он был таков», *дыайгарый йызыйхарый йымдыруа* «он, не зная, куда ее увести и что с ней сделать»:

6) *аба, дабапхъауа* «где он учится?» (основа *пхъа*), *уабацауа* «куда ты идешь?», *йабагIажвгуаи* «откуда мы достанем?» (собств. «приведем») (основа *гIа + г*);

7) *ахъ, дахъыу* «та сторона, где он находится», *дахъыаа* «та сторона, где он находился»; чаще в сочетаниях с *га*: *йахъаныу* «то место, где оно (селение) расположено, лежит» (основа *ны*).

8) *хъна, дахъныу* «в какой стороне он находится?», *дахънааа* «в какой стороне он находился?», *йахъныз* «в каком месте оно находилось?», *йахънаа* «в какую сторону он пошел?», *йахънагIашыл* «с какой стороны он вошел?». Как видим, и здесь чередуются, смотря по значению глагола, значения наречия: «где», «куда», «откуда».

III. Распространенные причастия полупредикативного значения. Сочетания причастий с различными другими наречными элементами, вполне аналогичные по способу образования и синтаксическому употреблению вышеназванным деепричастиям на *та* и *мца*, из коих отметим наиболее употребительные:

1) *(э)шва* «точно, подобно, будто»; *дыIапсэшва тшыичпэд* «он притворился усталым» («точно он устал»; от основы *гIапса* «уставать»), *дарбэаэшва дыгаб* «он (таков), точно его кто-то (неразумн.) облизал» (от основы *рбэа* «облизывать»), *дыэбауэшва сыгаб* «я точно (будто) вижу его», *дыэбэшва сыгаб* «я как будто видел его», *дыбыушэшва сыгаб* «я как будто увижу его». Ср. *тшыэшва* «точно лошадь, как лошадь», и т. п.;

2) *ма* (первоначально — основа глагола «иметь»), присоединяемое впереди основы причастия, дает особый оттенок значения, как видно из следующих примеров: *змабзыу* «которому кажется хорошим», *змадыу* «которому кажется большим», *зма — магIыз* «которому казалось недостаточным» и т. п. (оборот, чуждый абхазскому литературному языку);

3) *нацIыкIа(ра)*, *нацIкIа(ра)* «до тех пор, пока не», «вплоть до того момента, когда», например: *йышнацIыкIа* «до тех пор, пока оно не замерзло», *сыпсын(а)цIыкIа(ра)* «до тех пор, пока я не умру; вплоть до момента моей смерти», *йыубана — цIыкIа* «до тех пор, пока ты не увидишь», *йышэыгIена — цIкIара* «до тех пор, пока вы не сможете написать» и т. п. *нацIыкIа(ра)* соответствует абх. *нацIы(нацIа)* и представляет собою сочетание глагольной формы причастия относительного прошедшего времени от основы *цI(ы)* «проходить» (о времени) с наречием *кIа(ра)* «по направлению к»; ср. абаз. *ахъкIаа* «по направлению к тому» (неразумн.);

4) *йжътара* «с тех пор, как», *сцййжътара* «с тех пор, как я пошел», *сцййжътара* «с тех пор, как я кушал», *сцауййжътара* «с тех пор, как я иду», ср. *ауййжътара* «с тех пор» (соотв. абх. *йжътар*);

5) *пхьадза* (зый) «всякий раз, как», *сцъпхьадза* «всякий раз, как пойду» (например, *дызбыйд* «я его вижу»), *дгларгвыкхьадзагый* «всякий раз, как он на них напал» и т. п. Ср. *пхьадза* в составе местоименного значения формантов (ср. выше);

6) (з) *лакIгый*, в сочетании с относительными причастиями времени, образа действия и т. д., дает соответственно значения «когда бы ни», «как бы ни» и т. п., например: *санцаллакIгый* «когда бы я ни пошел», *йанъкIвылакIгый* «когда бы то ни было», *йышйгалакIгый* «как (каков) бы он ни был», *дганылакIгый* «где бы он ни находился» и т. п.

IV. Супин. Причастие будущего времени состояния в слегка измененной форме (именно, с окончанием *р* вм. *ра*) сочетается с сохранным только в абхазском языке послелогом *ныс* «для»; получаемая в результате форма имеет значение супина («для того, чтобы сделать» (sic!)), каковое название и можно присвоить соответствующим формам абазинского глагола. Примеры: *уырIмалырыс* (*уырIмалныс*) *бзыйб* «хорошо, чтобы ты вступил в число их», *уасакIла уыйдырсахырыс йачейжвад* «они сговорились, чтобы обменять тебя на одну овцу», *йычпарныс мыурадта йьман* «он имел намерение сделать» и т. п. Как показывает пример *уырIмалныс*, окончание причастия *р* устраняется иногда при стечении с предшествующим *л* основы глагола¹, откуда *хIгIадгылныс* «чтобы мы приходили» (*хIгIадгылырыс*), *йацIбныс* «чтобы они соревновались» (*йацIбырыс*) и т. п. Соответствующая абазинскому супину абхазская форма образуется сочетанием с послелогом *азы* (переходит диалектически в *ацы* или *цы*, например: *сцаразы* (*сцарцъ*) «для того, чтобы я пошел»).

Глагол

Глагол в узком смысле слова. Рассмотренные нами причастия, количественно безусловно преобладающая в абазинской речи форма глагольного значения, познакомили нас с целым рядом грамматических различий, свойственных им в силу их принадлежности к глаголу в широком смысле этого слова. Нам остается рассмотреть глагольные формы в узком смысле слова, понимая под глаголом систему форм, служащих (наряду с некоторыми видами распространенного причастия в предложениях вопросительных, о чем см. выше, для выражения сказуемого законченного предложения. Таким образом, принадлежность того или иного слова, относящегося по своему общему значению активного признака к обширной грамматической категории глагольных форм, к глаголу в указанном, специальном

¹ Суффикс *-р* в данной форме устраняется и в других случаях. См. К. Ломтатидзе. К образованию условно-целевого наклонения в абхазских диалектах. «Иберийско-кавказское языковедение», II, 1948. (Ред.).

смысле определяется: его синтаксической функцией сказуемого законченного предложения; наличием формальных (морфологических) признаков особой, неизвестной причастиям грамматической категории наклонения. Так как в предикативном (сказуемом) употреблении встречаются все имена существительные и прилагательные и многие наречия — для этой цели они сочетаются или с формантами глаголов состояния, или с формами глаголов действия (страдательного залога) — можно считать и эти сочетания глаголом в узком смысле слова; следовательно, в абазинском языке спрягаются, т. е. изменяются по системе глагола, не только глаголы в обычном смысле, но и имена и наречия. При этом местоимения личные, как указывалось выше, а также и наречия сочетаются в предикативном употреблении специально с основой вспомогательного глагола *акъ*.

Отглагольное имя. К числу не относящихся к глаголу в узком смысле глагольно-именных форм принадлежит, кроме причастий, отглагольное имя, практически наиболее целесообразная «словарная» форма абазинского глагола, переводимая на русский язык двояким образом: посредством отглагольного имени действия (как *царъ* «хождение, ходьба», *нхаръ* «работание, работа», *баръ* «видение» и т. п.) посредством так называемого неопределенного наклонения. Действительное употребление этой формы сближает ее, с одной стороны, с именами и мы имеем примеры почти полного перехода ее в категорию имен существительных, как по значению, так и по употреблению (*нхара дьу* «большое хозяйство», *раиваръ* «время полотьбы», *гвалыхра* «рассудительность», *алыхра* «различие» и т. п.), с другой стороны, она служит глагольным дополнением, в особенности при глаголах движения (*нхаръ йыцъд* «они пошли работать», *аьхъара дъад* «он пошел учиться», *заргаръ сьад* «я пошел за кизилом», т. е. букв. «принести кизил», *чвагъагра хъад* «мы отиравились за сеном», *тагъвэръ йыцъд* «они пошли кататься на коньках», *ачаръ сьагдад* «я кончил есть», *ачаръ джыкьырцълад* «они начали кушать» и т. п.); во втором случае, форма отглагольного имени сближается по значению с супином, имеющим, как мы видели, свою специальную форму в абазинском языке, ср. параллелизм: с одной стороны, *ауът амырцаръ ахъазла* «для того, чтобы они (растения) не померзли» (*амырцаръ* — отглагольное имя), с другой, — *ауъгъакъъ йамгарныс ахъамл* «для того, чтобы люди не замерзли»¹ (*йамгарныс* — супин).

Отрицательные формы отглагольного имени или «неопределенного наклонения» образуются путем присоединения частицы в глаголах действия — в начале основы (*дырра* «знать», *мдырра* «не знать»), в глаголах состояния — в конце основы глагола (*аъазлара* «быть», *аъамызлара* «не быть»).

Категория наклонения. Помимо категорий положительности (отрицательности), переходности (непереходности), действия (состояния), вида, времени и лица, глагол в узком смысле слова различает

¹ В абазинском тексте пропущено слово *моръа*. (Ред.).

наклонения. Наклонениями называются такие грамматические формы, которые выражают субъективное отношение говорящего к содержанию действия (или состояния), точнее, к характеру связи, которая предполагается осуществившейся в сочетании предиката (сказуемого) с субъектом (подлежащим). Определяя собою смысл законченной фразы, формы наклонения, естественно, связываются с теми словами, которые обуславливают ее законченность, т. е. с глаголом в узком смысле этого слова. Абазинский язык различает следующие пять основных наклонений: 1) повелительное, с подвидом уступительным, 2) желательное, 3) изъявительное (утвердительное), 4) вопросительное и 5) сослагательное, с подвидом условным. Каждое из этих наклонений имеет две более или менее характерные разновидности, положительную и отрицательную.

Повелительное и уступительное наклонения. Наклонение повелительное выражает в абазинском языке повеление двух видов: или категорически требуемое осуществление признака действия, или допускаемое осуществление признака состояния, подразумеваемых сказуемым. Первой цели служат формы собственно повелительного наклонения, второй — формы наклонения уступительного. И те и другие могут быть представлены в виде следующих таблиц:

Таблица форм повелительного наклонения (действия)
Непереходного значения

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>уыцà</i> «иди» (ты, муж.)	<i>шеца</i> «идите»
»	<i>бцà</i> «иди» (ты, жен.)	
2-е лицо	<i>уыгыл</i> «вставай» (ты, муж.)	<i>шегыл</i> «вставайте»
»	<i>бгыл</i> «вставай» (ты, жен.)	

Переходного значения

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>сга</i> «неси меня»	<i>сыжсгà</i> «несите меня»
»	<i>йыгà</i> (<i>йыгаквà</i>) «неси его (неразумн.), их»	<i>йыжсгà</i> (<i>йыжсгаквà</i>) «несите его (неразумн.), их»
»	<i>дга</i> «неси его» (разумн.)	<i>дыжсгà</i> «несите его» (разумн.)
2-е лицо	<i>сдыр</i> «узнай меня»	<i>сыжсдыр</i> «узнайте меня»
»	<i>йыдыр</i> (<i>йыдырква</i>) «узнай его, их»	<i>йыжсдыр</i> (<i>йыжсдырква</i>) «узнайте (его, их)»
»	<i>ддыр</i> «узнай его»	<i>дыжсдыр</i> «узнайте его»

Таблица форм повелительного наклонения (состояния)

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>уыгылазла</i> «постой-ка»	<i>шегылазла</i> «постойте-ка»
2-е лицо	<i>бгылазла</i> «постой-ка»	

Таблица форм уступительного наклонения

а) Непереходного значения

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>сгылмыргIад</i> «пусть я встану»	<i>xIгылмыргIад</i>	«пусть мы встанем»
2-е лицо	<i>уыгылмыргIад</i> «(пусть) ты (муж.) встанешь»	<i>швгылмыргIад</i>	«пусть вы встанете»
»	<i>бгылмыргIад</i> «(пусть ты (жен.) встанешь»		
3-е лицо	<i>дгылмыргIад</i> «пусть он (разумн.) встанет»	<i>йыгылмыргIад</i>	«пусть они встанут» (<i>йыгылкваргIад</i>)
»	<i>йыгылмыргIад</i> «пусть он (неразумн.) встанет»		
1-е лицо	<i>сгылазд</i> «допустим, что я стою»	<i>xIгылазд</i>	«допустим, что мы стоим»
2-е лицо	<i>уыгылазд</i> «стой» («не ходи»)	<i>швгылазд</i>	«стойте» («не ходите»)
»	<i>бгылазд</i> «стой» («не ходи»)		
3-е лицо	<i>дгылазд</i> «допустим, что он (разумн.) стоит»	<i>йыгылазд</i>	«допустим, что они стоят» (<i>йыгылквезд</i>)
»	<i>йыгылазд</i> «допустим, что он (неразумн.) стоит»		

б) Переходного значения

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>йыздырыргIад</i> «пусть я узнаю (то)»	<i>йыгIдырыргIад</i>	«пусть мы узнаем (то)»
2-е лицо	<i>йыуддырыргIад</i> «пусть ты (муж.) узнаешь (то)»	<i>йыжвдырыргIад</i>	«(пусть) вы узнаете (то)»
»	<i>йыбдырыргIад</i> «пусть ты (жен.) узнаешь (то)»		
3-е лицо	<i>йыуддырыргIад</i> «пусть он (разумн.) узнает (то)»	<i>йырдырыргIад</i>	«пусть они узнают (то)» (<i>йырдыркваргIад</i>)
»	<i>йылдырыргIад</i> «пусть она узнает (то)»		
»	<i>йаддырыргIад</i> «пусть он (неразумн.) узнает (то)»		
1-е лицо	<i>йыздырыз</i> «допустим, что я знаю (то)»	<i>йыгIдырыз</i>	«допустим, что мы знаем (то)»
2-е лицо	<i>йыуддырыз</i> «допустим, что ты (муж.) знаешь (то)»	<i>йыжвдырыз</i>	«допустим, что вы знаете (то)»
»	<i>йыбдырыз</i> «допустим, что ты (жен.) знаешь (то)»		
3-е лицо	<i>йыдырыз</i> «допустим, что он (разумн.) знает (то)»	<i>йырдырыз</i>	«допустим, что они знают (то)» (<i>йырдырквезд</i>)
»	<i>йылдырыз</i> «допустим, что она знает (то)»		

йадырызд «допустим, что он
(неразумн.) знает (то)»

Замечания к таблицам. Вышеприведенные таблицы нуждаются в некоторых пояснениях:

1) Формы повелительного наклонения действия весьма употребительны, наряду с простейшим, результативным видом, в сочетании с формантами видов постоянного и повторительного, например *уыцәх* «иди снова, уходи», *уыцәлә* «ходи» (постоянно); основа утвердительного вида служит для образования повелительного наклонения состояния, производных от него форм отглагольного имени (например, *гәлаз-лара* «стоять», *йәдәлара* «сидеть», *әлазлара* «находиться в чем-либо» и т. п.) и малоупотребительных причастий будущего времени состояния (например, *йыгәлазлыуш*, *йыдәдәлыуш*, *йәлазлыуш*, *йыгәлазлара*, *йыдәдәлара*, *йәлазлара*).

2) Некоторые формы повелительного наклонения, образуемые от основ повелительных залогов, служат для выражения смысла увещательного, побужительного, например: *хIшвyrчә* «давайте сделаем, сделаемте-ка», *хIшвyrчә* «давайте кушать, покушаем-ка», *хIайшвyrзә* «давайте соберемся», *хIшвyrгIвә* «давайте писать, начнем-ка писать», *хIыншвyrхә* «давайте работать» и т. п.

3) Различие значения двух видов уступительного наклонения (имеются соответствующие формы и в абхазском литературном языке, например: *сыпсәйтI* «пусть я умру», *сыпсәзәйтI* «допустим, что я умер, мертв») сводится к основному различию причастия состояния будущего времени (от которого с помощью форманта *гIа+д* образована первая разновидность) и причастия состояния прошедшего времени (от него с помощью форманта *д* образована вторая разновидность). Отсюда более категорический характер первого вида, связанный со значением причастия будущего (см. выше), и более объективно-равнодушный характер второго. В современном употреблении разница оттенков сознается довольно неотчетливо, и в частности второй вид ограничен в своем употреблении преимущественно 2-ми лицами глаголов непереходного значения состояния, вытесняющими формы собственно повелительного наклонения. В других лицах эта вторая форма употребительна по преимуществу в сочетании с основой глагола «говорить» (*хIвә* «сказав, мол, скажем» и т. п.) для образования уступительных форм, со значением русского «хотя и», например: *сәәлаэдхIвә* «хотя я и стою», *сәдәдхIвә* «хотя я и ходил», *йәдырыздхIвә* «хотя он и знает, узнает» и т. п.; существуют и образованные по аналогии формы настоящего и будущего времени, например: *сәуәддхIвә* «хотя я и иду», *сәйуыгәддхIвә* «хотя я и пойду» и т. п. Происхождение форм уступительного наклонения, сводящееся к использованию ими форманта *д* изъявительного наклонения, становится очевидным при сопоставлении их с некоторыми современными примерами употребления собственных форм изъявительного наклонения в значении оптативном (категориче-

ского пожелания), встречаемом в формулах, соответствующих русскому «да» (будет), например: *йышвызымждарахад* «да будете вы несчастными, да постигнет вас несчастье» (отличается особой интонацией от *йышвызымждарахад* «для вас наступило несчастье»), (*царда*) *нышвцIыд нгуцIыд* «да проживаете вы (долго), да проживешь ты долго» (без интонации опативности эти же слова означают: «вы стали, ты стал безболезненным, не имеющим болезни») и т. п. Что касается форманта *гIа*, семантическая функция его разъясняется значением префиксального *гIа* в противопоставлениях типа: *йыжвдыр* «знайте» ~ *йыгIажвдыр* «узнавайте» (собств. «приближайтесь к тому, чтобы знать»); в суффиксальном употреблении формант *гIа* известен в сочетании с глагольными основами, распространенными префиксами *л*, *цI*, *т*, *н*, например: *айырдыгIара* «уменьшать» (от основы *р(ы)дз* «терять»), *адыргIара* «различать» (от основы *д(ы)р* «знать»), *ацIкIгIара* «давить, жать» (основа *кI(ы)* «держать»), *аифгIара* «выедать, выгрызать» (от основы *ф* «есть») и т. п. Сочетанием второй формы уступительного наклонения (в несколько измененной форме *эт* вм. *зд*) с формантом наклонения сослагательного *н* объясняются формы со значением русского «хотя бы и», «если даже и», например: *сцэдэтын* (*сцэдэтынгыый*) «если бы даже я (и) пошел», *йыздырызтын* (*гыый*) «если даже я (и) знаю (узнал бы)» и т. п. Развиваясь по аналогии с формами со значением «хотя и», образования на *этын* (*гыый*) получают три возможные разновидности: *сцауэдэтынгыый*, *сцёуэтынгыый* «если даже я и иду (пойду)», *сцэдэтынгыый* «если даже я и пошел», *сцёушыэтынгыый* «если даже я и пойду», *йыздыруаэтынгыый* «если даже я и знаю», *йыздырызтын* (*гыый*) «если даже я и знал», *йыздыруашыэтынгыый* «если даже я и буду знать».

Отрицательные формы повелительного и уступительного наклонения. Формы отрицательные, соответствующие формам повелительного положительного наклонения, образуются с помощью форманта сослагательного наклонения (*н*); первоначальное сослагательное значение этих форм ныне уже теряется и смысл приводимых ниже форм повелительного отрицательного действия сводится попросту к запрещению.

Таблица форм наклонения повелительно-отрицательного (действия)

Непереходное значение

Единственное число		Множественное число	
2-е лицо	<i>уымцан</i> «не ходи» (ты, муж.)	}	<i>швымцан</i> «(вы) не ходите»
»	<i>бымцан</i> «не ходи» (ты, жен.)		
2-е лицо	<i>уымгылын</i> «не вставай» (ты, муж.)	}	<i>швымгылын</i> «вы не вставайте»
»	<i>бымгылын</i> «не вставай» (ты, жен.)		

Переходное значение

Единственное число

- 2-е лицо *сыумгъан* «не неси меня» (ты, муж.)
 » *сбымгъан* «не неси меня» (ты, жен.)
 » *йыумгъан* (*йыумгакъан*) «не неси его (их)»
 » *йыбымгъан* (*йыбымгакъан*) «не неси его (их)»
 » *дыумгъан* «не неси его» (разумн.)
 » *дбымгъан* «не неси его» (разумн.)

Множественное число

- 2-е лицо *сшвымгъан* «не несите меня»
 » *йышвымгъан* ~ (*йышвымгакъан*) «не несите его (их)»
 » *дшвымгъан* «вы не несите его» (разумн.)

Таблица форм наклонения повелительно-отрицательного состояния

Единственное число

Множественное число

- 2-е лицо *уыгъламызлан* «не стой» (ты муж.) *швгъламызлан* «не стойте (вы)»
 » *бгъламызлан* «не стой» (ты, жен.)

Таблица форм наклонения уступительно-отрицательного

Переходное значение

- 1-е лицо ед. числа *сымгълыргIад* «пусть я не встану»
 2-е лицо ед. числа *уымгълыргIад* «пусть ты не встанешь» и т. д.
 1-е лицо ед. числа *сгъламыздын* (*сгъламызтын*) «допустим, что я не стою» («если даже я и не стою»)
 2-е лицо ед. числа *уыгъламыздын* (*уыгъламызтын*) «допустим, что ты не стоишь» («если даже ты и не стоишь») и т. д.

Переходное значение

- 1-е лицо ед. числа *йызымдырыгIад* «пусть я это не узнаю» и т. д.
 1-е лицо ед. числа *йызымдырыздын* (*йызымдырызтын*) «допустим, что я не знаю» и т. д.

Первоначальное теперь уже смутно сознаваемое значение формы *уымгъан*, *уымгълын* может быть передано по-русски «ты бы не ходил, ты бы не вставал» и т. п.

Таблица показывает различие в образовании форм уступительно-отрицательных второго вида в зависимости от значения глагола: глаголы состояния ставят отрицание *м* непосредственно перед окончанием *этын*, глаголы действия — перед основой глагола. Формы повелитель-

ного склонения положительного сочетаются нередко с различными частицами для придания приказу (повелению) смягчающего оттенка например: *йыхIвə* (*Sic! Ped.*) «скажи» ~ *йыхIвəс* «скажи-ка», *йəIасəхIв* «скажи мне» ~ *йыIасəхIвыст* «скажи-ка мне, пожалуйста» (ожидается нечто удивительное), и проч. Аналогичные служебные слова известны и в абхазском (абаз. с, ст здесь соответствуют абх. *ц, цт*).

Наклонение желательное. Ближайшим по значению к повелительному (уступительному) наклонению является наклонение желательное. Формантом желательного наклонения, выражающего нереальное пожелание, т. е. такое, выполнение которого совершенно не зависит от воли говорящего, служит *нда*, например: *сцəнда* «о, если бы я пошел!», *сытсцəнда* «о, если бы я умер!», *сыйпхIанда* «если бы я была его дочерью!», *сыйпхIапсəнда* «о, если бы я была его приемной дочерью!», *дгьмында* «о, если бы он встал!», *йыуəгIанда* «послушай-ка» (собств. «о, если бы ты послушал!»), *адзъ дьуханда* «о, если бы вода стала высокой!» и т. п. Прибавление *з*, форманта причастий прошедшего времени состояния, переносит пожелание в прошлое: *сцəндаз* «о, если бы я тогда пошел!», *сытсцəндаз* «о, если бы я тогда умер» (форма мало употребительная). Прибавление *ра*, форманта причастий будущего времени состояния, в свою очередь осложняемого окончанием *з* (= *рыз*), дает формы: *сцəндарыз*, *сытсцəндарыз*, по существу лишь допускаемые, но не употребляемые в значении, равном *сцəнда* *сытсцəнда* и т. д. Также почти неупотребительные отрицательные формы образуются присоединением частицы *м* перед основой в глаголах действия: *сымцəнда*, *сымпсцəнда*, *дымгьмында* и т. д. или, после основы в глаголах состояния (или после спрягаемого имени): *сыйпхIамында* и т. п.

Наклонение изъявительное. Наклонение изъявительное выражает лишенное всякой окраски воли и чувств сообщение и служит основным (с точки зрения мыслительного содержания речи) средством изложения и описания фактов, наблюдаемых, как в повседневной жизни, так и в сфере отвлеченного и научного. Формантами этого наклонения служат: для выражения форм действия *ид* и *д*, частично *б* для выражения форм состояния *б*. Происхождение первых двух установить в настоящее время не легко, ввиду полной утраты ими какого-либо, хотя бы минимального оттенка реального значения; трудность анализа усугубляется противоречивостью абазинского и абхазского языков по части использования этих двух вариантов. Можно лишь предположить, что значение этих элементов было глагольным по преимуществу, поскольку они являются в сущности единственным формантом, придающим другим, полуименного значения формам, характер действительности, составляющий, как сказано выше, основную природу глагола. Вероятным представляется происхождение *б* (по своей функции не глагола в строгом смысле, а связки) от частицы указательной со значением «вот», представленной сейчас в составе местоимений *абарьй*, *абаньй* и т. п.; допуская такое происхождение связки, при-

шлось бы считать современную абхазскую звуковую форму морфемы — смычногортанное *nl* — фонетически вторичным вариантом этой частицы.

Формы глаголов действия. Формы изъявительного наклонения глаголов действия могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица форм изъявительного наклонения глаголов действия

а) Глаголы с основой, оканчивающейся гласным *a*
Формы положительные

Наст.	<i>сцѣйд</i> «я иду»
[Прощ. недавн.]	<i>сцѣун (сцѣаун)</i> «я шел, ходил»
Прощ. (законч.)	<i>сцѣад</i> «я пошел»
[Прощ. завис.]	<i>сцѣан</i> «я пошел и...»
Буд. неопр.	<i>сцѣуишд (сцѣауишд)</i> «я пойду, собираюсь пойти»
[Прощ. сослаг.]	<i>сцѣуишын (сцѣауишын)</i> «я пошел бы, я хотел бы пойти»
Буд. категор. (аорист)	<i>сцѣаб</i> «я пойду» (обязательно)
[Прощ. сослаг. 2-е]	<i>сцѣарѣн</i> «я бы пошел» (потом)

Формы отрицательные

Наст.	<i>сыгъѣцум (сыгъѣаум)</i> «я не иду»
[Прощ. недавн.]	<i>сыгъѣцумызд (сыгъѣаумызд)</i> «я не шел, не ходил»
Прощ.	<i>сыгъѣмцѣд</i> «я не пошел»
[Прощ. завис.]	<i>сыгъѣдмѣызд</i> (не употребительно)
Буд. неопр.	<i>сыгъѣцѣишым (сыгъѣауишым)</i> «я не пойду, не предполагаю идти»
[Прощ. сослаг.]	<i>сыгъѣцѣишмѣызд (сыгъѣауишмѣызд)</i> «я не пошел бы, я не хотел бы идти»
Буд. категор. (аорист)	<i>сыгъѣарѣм</i> «я не пойду» (категорически)
[Прощ. сослаг. 2-е]	<i>сыгъѣарѣмѣызд</i> «я не пошел бы» (потом)

б) Глаголы с основой, оканчивающейся гласным *y*

Формы положительные

Наст.	<i>сыпсѣйд</i> «я умираю»
[Прощ. недавн.]	<i>сыпсѣуан</i> «я умирал»
Прощ.	<i>сыпсѣйд</i> «я умер»
[Прощ. завис.]	<i>сыпсѣын</i> «я умер и...»
Буд. неопр.	<i>сыпсѣуишд</i> «я умру, собираюсь умереть»

[Прощ. сослаг.	<i>сыпсуаишын</i> «я бы умер, я хотел бы умереть»]
Буд. категор.	<i>сыпсйб</i> «я умру (обязательно), я мертв»]
[Прощ. сослаг. 2-е. (категор.)	<i>сыпсрйи</i> «я бы умер» (потом)]

Формы отрицательные

Наст.	<i>сыгыпсуа́м</i> «я не умираю»
[Прощ. недавн.	<i>сыгыпсуа́мызд</i> «я не умирал»
Прощ.	<i>сгымпсйб</i> «я не умер»
[Прощ. завис.	<i>сыгыпсймызд</i> «я не был мертв»]
Буд. неопр.	<i>сыгыпсуа́ишым</i> «я не умру, не собираюсь умереть»
[Прощ. сослаг.	<i>сыгыпсуа́ишмызд</i> «я бы не умер, я не хотел бы умереть»]
Буд. категор. (аорист)	<i>сыгыпсрй́м</i> «я не умру (категорически)»
[Прощ. сослаг. 2-е. (категор.)	<i>сыгыпсрй́мызд</i> «я бы не умер» (потом)]

Замечания к таблицам. По поводу таблиц необходимо сделать следующие замечания:

1) Наблюдается указанное в таблицах различие в образовании форм глаголов, в зависимости от последнего гласного основы, но по аналогии с формами глаголов на *ы*, глаголы на *а* допускают варианты: *сцауа́ид* (*сцпуид*) *сыгцауа́м* (*сыгы́у́м*), *сыгцауа́ишым* (*сыгы́у́ишым*), дифференцируемые иногда по значениям (формы с *ауа* означают при такой дифференциации более замедленное или затрудненное вмешательством чужой воли действие).

2) Элемент *гы*, вставляемый в формах изъявительно-отрицательного наклонения непосредственно вслед за первым местоименным показателем, входящим в состав синтагмы, первоначально факультативная частица (союз *и*), в этом сочетании означавшая «ничуть не, нисколько не, совершенно не», проникая из сочетаний типа *закIгы́й зымба́д* «я ничего не видел»; отсюда, в конце концов, получилась нынешняя форма с обязательным *гы* — *йыгы́зымба́д* «я не видел».

3) Наряду с формами наклонения изъявительно-отрицательного, весьма часты отрицательные формы, осложняемые формантом потенциального вида *з* (см. выше), предпочитаемые во многих случаях формам простым. Ср. например: *йыгы́сызды́руа́м* «я не могу знать» *вм.* *йыгы́зды́руа́м* «я не знаю», *йыгы́рыззIа́мйа́уд* «они не могли его найти», *вм.* *йыгы́зIа́рмйа́уд* «они не нашли его» и т. п.

4) Форма настоящего времени положительного значения, оканчивающаяся на *йа́д*, представляет собою фонетически сильно искаженное первоначальное сочетание причастия настоящего времени состояния,

например: *сцауа*, с формантом *ид*. Это явствует, в частности, из сравнения с абхазским, где (правда уже в незначительном меньшинстве глаголов) теоретически оправданная форма с окончанием *ауайтI* имеет по сей день реальное существование (ср. например: *йьсахIауайтI* «я слышу» от причастия *йьсахIауа* «то, что я слышу» + *итI*; окончание *итI* придает сочетанию значение действия, совершающегося в определенный момент). Постепенный переход от доказываемого этими абхазскими формами морфологически ясного первоначального *сцауаид* и *сцыйд* можно проследить в наречиях и говорах абхазского и абазинского языков: а) *сцудейтI*, *сцуойтI*, *сцойтI* «иду» (или *сыпсудейтI*, *сыпсудейтI*, *сыпсдойтI*, «умираю») — формы, характеризующие различные закавказские говоры абхазского языка; б) *сцо(тI)* (или *сыпсѐ(тI)*) — форма настоящего времени в говоре кувинском; в) *сцуйтI* (или *сыпсайтI*) — форма наст. вр. в говоре апсуа (здесь существует параллельно и *сцауайтI*, *сыпсудайтI*); г) *сцыйд* (из трудно-произносимого **сцуюд*; ср. судьбу *у* в зеленч.-абаз. *сыпсайтI*, *сыпсѐтI*) — форма тапантинская. Элемент *уа* всплывает в абазинском снова в форме отрицательной, отчетливее в одном варианте (*сыгъ-(цуюа-м)*), менее отчетливо во втором более употребительном (*сыгъ-цую-м*).

5) Форма прошедшего времени *сцад* результат сложения причастия прошедшего *сца* (без дополнительного *з*, о котором см. выше) с формантом *д*. В этом случае абазинский язык дифференцирует форманты настоящего (*ид*) и прошедшего (*д*) времени там, где абхазский знает лишь один *итI* (ср. *сцауайтI* «иду», *сцайтI* «пошел»). Наличие в самом абхазском, преимущественно в бзыбском наречии, форм прошедшего времени, содержащих одно *тI*, например: *далагтI* «он начал», *дыдзтI* «он исчез» и т. п., равно как абхазские же сочетания *сцаштI*, *сцудыштI*, содержащие также краткий элемент *тI* без сопутствующего ему *и*, дает основание предположить, что окончание *ид* || и *тI* выражало первоначально только настоящее время, а окончание *д* || *тI* — прошедшее и будущее и что абазинский в этом отношении лучше сохраняет распределение формантов по временам.

6) Форма будущего времени — результат сложения причастия будущего *сцуюи*, образованного, возможно, по аналогии с формой *сцуюз* (см. выше), с тем же формантом *д*. В литературном абхазском соответствующая форма звучит *сцаштI* (из **сцаша* + *тI*), в зеленчукско-абазинском, почти также как и в абазинском Тапанта, *сцуюштI* (*сцауаштI*). Обращает на себя внимание утрата в формах отрицательных настоящего и будущего времени элемента действия *тI* и замена его суффиксальным *м* отрицания, что объясняется очевидной ассоциацией обеих названных форм по значениям с формой аориста на *б* в глаголах состояния, где *б* закономерно заменяется при отрицании частицей *м* (см. ниже тип *сыгъа* + *б* «я существую» ~ *сыгъа* + *м* «я не существую»).

7) Форма будущего категорического на *б* включается в систему форм действия лишь вторично; как указывалось выше, она принадлежит по существу системе форм состояния, в каковой за ней и сохра-

няется морфологически обоснованное значение аориста. В этой форме абазинского языка совпадают таким образом две различные формы, имеющие в абхазском языке каждая свое особое выражение (ср. абаз. *счIваб* «я сижу» (аорист) и «я сяду» буд. категор. при абх. *счIваунI* «я сижу», *счIванI* «я сяду»). Оттенок категоричности, безусловности, присущий значению этой формы, проистекает из того, что действие мыслится в сущности как законченное (*сча* «я пошедший» + *б* связка аориста) и потому не зависящее от чьей-либо посторонней воли. Отсюда возможность вторичного осмысления ее, как зависящей только от воли самого говорящего (*счаб* означает собств. «я пойду по своей воле, по своему усмотрению» или, что по существу то же: «я пойду, если Вам угодно, для того, чтобы удовлетворить, со своей стороны, ваше желание»).

8) Формы, заключенные в квадратные скобки (прошедшего недавнего, прошедшего зависимого и прошедших сослагательных) относятся по образованию с помощью *н* не к изъявительному, а к сослагательному наклонению, что сохраняется частично в их значении. Однако образование соответствующих форм отрицательных указывает на ассоциативную связь с изъявительным наклонением, благодаря присутствию конечного *д*; это обстоятельство служит основанием для включения их в систему форм изъявительного наклонения. Значение прошедшего времени в формах *счыун* (*счау́дн*), *счыушын* (*счау́дшын*) и *счарын* представляет собою результат осмысления заключенного в форманте *н* (связанном генетически с формантом *н* местного падежа имен) значения определенно, во времени, фиксированной соотносительности с каким-либо другим действием; таким образом *счау́дн* собств. «я идущий в определенный момент, когда совершается, совершилось или совершится другое действие», *счарын* «я, который пойдет (определенно) в определенный момент» (совершения другого действия), *счау́дшын* «я, который пойдет (вероятно) в определенный момент» (совершения другого действия). Связываясь во фразе по преимуществу с формантами изъявительного наклонения прошедшего времени (большинство высказываний обычно имеет ввиду указание на действия уже так или иначе определившиеся), формы сослагательного наклонения приобрели постепенно по существу чуждый им оттенок прошлости, откуда их современное значение и употребление. Чаще всего употребляется прошедшее недавнее, в начале рассказа или сообщения, преимущественно для введения, за которым следует изложение событий в форме прошедшего законченного времени; реже самостоятельное употребление этой формы (при описаниях). Форма прошедшего зависимого самостоятельно не употребляется совершенно, а лишь в связи с прошедшим, для выражения быстро сменяющих друг друга событий, например: *счан дызба́д* «я пошел (и сразу же) увидел его». Прошедшее сослагательное лучше других сохраняет, во всех случаях применения, сослагательное значение формы и употребляется в качестве сказуемого придаточных предложений во фразах условного (нереального) значения, как например:

ауый ауауыс йымчарыкен(ыз) сарй ссарын «если бы он не сделал этого, я бы должен был пойти (пошел бы обязательно)».

9) В таблицу форм изъявительного наклонения не включены многочисленные производные видовые формы, хотя некоторые из них и приобретают смысл по преимуществу временный. Особенно это относится к формам вида совершенного на *хъа*, например: *сцахъад* «я уже давно ходил», *сцахъаь* «я давно ходил» (одновременно с другим данным моментом), *сэьымъаст* «я еще не ходил» (тогда, давно) и т. п. Так, например, возможны еще: *счалъид* «я постоянно хожу», *счалаь*, *счалад* и т. п.; *счажъид* «я снова иду», *счажын*, *счажуан*, *счажд* и т. п.; *счадъид* «я окончательно сходил», *счачъад* «я много походил», *счауъркIылад* «я продолжаю идти» и т. п.

19) Формы отрицательные прошедшего недавнего и прошедшего сослагательного допускают еще иную расстановку элементов отрицания, см. ниже в таблице форм наклонения сослагательного.

Формы глаголов состояния. Формы изъявительного наклонения глаголов состояния могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица форм состояния изъявительного наклонения глаголов

Формы положительные	
Аорист	<i>сыбзыйб</i> «я хорош»
Прощ.	<i>сыбзыйын</i> (<i>сыбзыйн</i>) «я был хорош»
[Буд.	<i>сыбзыйхуид</i> ¹ «я буду хорош, стану хо- рош»]
Аорист	<i>йыстахъыб</i> «я хочу»
Прощ.	<i>йыстахъын</i> «я хотел»
[Буд.	<i>йыстахъыуид</i> «я буду хотеть, мне ста- нет хотеться»]
Аорист	<i>сыгаб</i> «я существую, есмь»
Прощ.	<i>сыган</i> «я существовал, был»
[Буд.	<i>сыгазлыуид</i> «я буду существовать»]
Аорист	<i>сгылаб</i> «я стою»
Прощ.	<i>сгылан</i> «я стоял»
[Буд.	<i>сгылазлыуид</i> «я буду стоять»]
Формы отрицательные	
Аорист	<i>сыгъбзыйм</i> «я не хорош»
Прощ.	<i>сыгъбзыймыд</i> «я не был хорош»
[Буд.	<i>сыгъбзыйхуышым</i> «я не буду хорош, я не стану хорош»]

¹ Приведенные в таблице формы будущего времени нельзя считать формами состояния (Ред.).

Аорист *йыгыстахым* «я не хочу»
 Прощ. *йыгыстахымызд* «я не хотел»
 [Буд. *йыгыстахыушым* «я не буду хотеть»]

Аорист *сгыгтам* «я не существую, меня нет»
 Прощ. *сгыгтамызд* «я не существовал, меня не было»
 [Буд. *сгыгтазыушым* «я не буду существовать»]

Аорист *сыгыгалам* «я не стою»
 Прощ. *сыгыгаламызд* «я не стоял»
 [Буд. *сыгыгалазыушым* «я не буду стоять»]

Замечания к таблице. Таблица требует нескольких замечаний:

1) Форма аориста (неопределенного времени) выражает в глаголах состояния факт постоянный и по существу как бы вневременной; только соотносительно с формой прошедшего, он приобретает преимущественно значение настоящего. Форма прошедшего (с оттенком прошедшего постоянного недавнего) по способу образования (путем форманта *н*) относится не к изъявительному, а к сослагательному наклонению; она употребительна главным образом в описаниях. Категория будущего времени не выработалась с достаточной четкостью в глаголах состояния в силу, вероятно, самого понятия состояния, как чего-то, представимого легче как бывшее или наличное. Недостаток различия восполняется образованными формами будущего времени по типу глаголов действия, как это показано в таблице в квадратных скобках. Повидимому, наряду с формами типа *сыгазыушд*, допустимо в этом значении и сочетание основы вида утвердительного со связкой *б*, т. е. *сыгазлаб*;

2) Спрягаемые «имена» (как например, *бзый*) в параллельных формах состояния формах действия сочетаются в большинстве случаев с вспомогательным глаголом *хара*, след. *сыбзыйхид* «я становлюсь хорош, хорошою», *сыбзыйхуун* «я становился хорош», далее *сыбзыйхад* «я стал хорош, похорошел», *сыбзыйхан*, *сыбзыйхаб* «я стану хорош, похорошею» и проч.

Глаголы вспомогательные. Вспомогательный глагол *сызаб* «есть» — лишь один из нескольких, существующих в абазинском языке вспомогательных глаголов. Точное определение количества таких глаголов затрудняется тем, что понятие вспомогательности глаголов вполне условная грамматическая категория, выражающая лишь одну синтаксическую функцию того или иного глагола реального значения, его способность выполнять по временам, в сочетаниях, называемых сложным сказуемым, роль связи и утрачивать поэтому известную часть своего реального значения. В такой вспомогательной роли выступают чаще всего глаголы: *акигызлара* «наличествовать, быть» (наиболее близкий по своему значению к связке); *агазлара* «существовать» (отсюда *сыгаб* и проч.); *аурд* собств. «делать» (а сейчас скорее «произво-

Таблица форм состояния наклонения вопросительного

Формы положительные

Аорист	<i>сыбзыйма</i> «хорош ли я?»
Прощ.	<i>сыбзыйызма</i> «был ли я хорош?»
[Буд.	<i>сыбзыйхушма</i> «стану ли я хорош?»]

Формы отрицательные

Аорист	<i>сыгьбзыйымма</i> «разве я не хорош?»
Прощ.	<i>сыгьбзыйызма</i> «разве я был не хорош?»
[Буд.	<i>сыгьмбзыйхушма</i> «разве я стану не хорош?»]

Наряду с формами, оканчивающимися на *ма*, существуют формы с окончанием на *мый*, придающие вопросу оттенок удивления или неуверенности (см. *сыарыма* «пойду ли я?», *сыарыймый* «пойти ли мне? неужели я пойду?» и т. п.). Осложнение формантов *ма* и *мый* наречием *цт(а)* также подчеркивает вопрос, например, *сыгьмцъмацта* «разве я не пошел, что ли?», *сыарыймыйцт* «пойти мне, что ли?». В качестве особенности зеленчукских форм вопросительного наклонения, следует отметить постановку ударения на *ма* (в кувинском говоре).

Наклонение сослагательное. Наклонение сослагательное выражает вообще, что наступление действия или состояния зависит от какого-либо другого действия или состояния. Соответственно двум различным типам возможной зависимости — условной и безусловной, формы сослагательного наклонения, объединяемые общим формальным признаком (именно суффиксальной морфемой *н*, которая, как уже указано выше, того же происхождения, что *н* местного падежа и *н(ы)* абхазских деепричастных форм, о них см. выше), распадаются на две группы: формы зависимости безусловной, под каковой следует понимать одновременность данного действия (состояния) другому действию (состоянию) — эти формы примкнули в процессе развития системы абазинского глагола к формам наклонения изъявительного и рассмотрены нами выше — и формы зависимости условной, под каковой разумеется предположение: «если будет это, то будет и то». Естественный параллелизм частей фразы, составляемый из двух предложений условного характера, служит причиной тому, что в абазинском языке и первая половина фразы условного значения, первоначально не имевшая признака сослагательного наклонения, стала его иметь. Доказывается это сопоставлением, с одной стороны, абхазских языков и абазинского Тапанта — *сыарыквын* «если я пойду» соответствует зеленч. абаз. *сыарыкве(ын)*, где *(ы)н* не обязательно, абх. (бзыбск. и кодорск.) *сыа(за)р* (окончание *р = ра* причастий будущего времени состояния, см. выше), с другой же стороны, очевидной связью форм и значений наклонения уступительного (типа *сыа́зтынгы́й*, рассмотренных нами выше) и наклонения сослагательно-условного. Существующие ныне в условном значении формы сослагательного наклонения могут быть представлены в форме следующей таблицы.

Таблица форм наклонения (условно)-сослагательного
и времен, их исконно формально обуславливавших

Формы положительные

Формы основные

Прош. несоверш.	<i>сѣуун (сѣауа́н)</i> «я шел, я шел бы»
Прош.	<i>(сѣан «я пошел и...»), сѣад «я пошел»</i>
Буд.	<i>сѣууи́ын (сѣауа́иын)</i> «я пошел бы» (раньше)
Буд. опр.	<i>сѣары́н «я пошел бы безусловно» (раньше)</i>

Формы относительные

Прош. несоверш.	<i>сѣуузы́н (сѣауа́зын)</i> «если бы я шел»
Прош.	<i>сѣа́зын «если бы я пошел»</i>
Буд.	<i>сѣууи́ызын (сѣауа́иызын)</i> «если бы я пошел» (раньше)
Буд. опр.	<i>сѣары́квын(ыз)</i> «если бы я пошел (раньше), если я пойду»

Формы отрицательные

Формы основные

Прош. несоверш.	<i>сыгъѣу́мызд (сыгъѣауа́мызд)</i> или <i>сгъымѣу́ызд (сгъымѣауа́ызд)</i> «я не шел, я не шел бы»
Прош.	<i>сгъымѣа́зд «я не пошел»</i>
Буд.	<i>сыгъѣуи́мызд (сыгъѣауа́имызд)</i> или <i>сгъымѣуи́ыызд (сгъымѣауа́иыызд)</i> «я не пошел бы»
Буд. опр.	<i>сыгъѣары́мызд «я не пошел бы»</i>

Формы относительные

Прош. несоверш.	<i>сѣууы́зын (сѣауа́мызын)</i> или <i>сымѣууы́зын (сымѣауа́ызын)</i> «если бы я не шел»
Прош.	<i>сымѣа́зын «если бы я не пошел»</i>
Буд.	<i>сѣууи́ымызын (сѣауа́иымызын)</i> или <i>сымѣууи́ыызын (сымѣауа́иыызын)</i> «если бы я не по- шел» (раньше)
Буд. опр.	<i>сымѣары́квын(ыз)</i> «если бы я не пошел (раньше), если я не пойду»

В осмыслении и употреблении этих форм наблюдается смешение их временных функций и способность замещать друг друга без заметного влияния на смысл. Форма *сѣан*, заключенная в квадратные скобки, не способна образовать законченного предложения и замещается в этой роли ближайшей по морфологической структуре формой *сѣад*. Ожидаемые по аналогии формы *сѣарымызын (сымѣары́зын)*, повидимому, не употребительны.

Другие примеры условно-сослагательного наклонения: *сгылхуазтын* «если я снова встану», *амаль амазтын* «если бы оказалась возможность», *йыхъауцIуэзтын* «если ты веришь», *йыхъаумцIуэзтын(гый)* «если (даже) ты не веришь», *йыхIварыквын* «если они скажут», *йыуфарыквын* «если ты покушаешь», *дӕнхъахырквын* «если он снова будет читать», *дымгылрквын* «если он не встанет» и т. п.

Наряду с формами, характерными для Тапанта, оканчивающимися особым формантом *квын*, существует возможность и примеры употребления в Тапанта другой формы условного значения, оканчивающейся союзом *(ы)й* или *гый*, например: *уыхIварый(гый)* «если (даже) ты и скажешь», *йыхIварарый(гый)* «если я (даже) скажу», *йӕкIваргый* «если он и будет (таков)», *уыIасӕдгылркый* «если даже ты и явишься ко мне» и т. п. Эта форма примыкает к числу тех многочисленных вариантов формы условного наклонения, которые известны в абаз. зеленч. (*сцӕрый, сцӕрыкк, сцӕрквын, сцӕзарый, сцӕзарыкк, сцӕзакк, сцӕзарквын*, все формы Тапанта *сцарыквын*).

Как уже упоминалось выше, к числу наклонений тяготеет по своему значению вид потенциальный, который употребляется по преимуществу в сочетании с вопросительным *ма* (т. е. вопросительным наклонением) или же в форме, соответствующей изъявительному наклонению отрицательному.

Проведем здесь еще несколько характерных примеров употребления потенциального вида: *уызӕпхыума* «умеешь ли ты читать?», *уызӕгувыума* «умеешь ли ты писать?», *уызӕпхъадыума* «умеешь ли ты считать?», *йыгъызбӕзыушым* «они не смогут жить», *йыгъызгIауам* «он не найдет, не сможет найти», *йыгъызӕмкIд* «она не смогла поймать» (ср. *йыызӕкIд* «она смогла поймать»), *йыгъызӕхIуамызд* «она не могла сказать» и т. п.

Структура синтагм глагольного значения. Подведем некоторые итоги предшествующему рассмотрению причастий и глагола в тесном смысле.

Размещение различных элементов, образующих сложную синтагму глагольного слова, подчиняется нормально следующим правилам: 1) на первом месте синтагмы стоит или местоименная морфема, выразитель грамматического субъекта действия, которая может отсутствовать, если это местоименная морфема *йы*, попадающая в непосредственное соседство с внеглагольным словом, означающим этот же субъект (см. выше), или формант возвратного залога (в формах возвратных); 2) на втором месте стоит отрицательная частица *гъы*, если это форма изъявительного наклонения отрицательного; 3) далее идет формант потенциального вида *з*, с предшествующим ему непосредственно местоименным показателем лица, которому приписывается невозможность совершить данное действие. При отсутствии формы потенциального значения, элемент *з*, в значении послелога «для», в сочетании с предшествующим ему соответствующим притяжательным местоимением, может занимать то же место; 4) при отсутствии сочетаний с *з*, стоит местоименный выразитель непрямого объекта действия; 5) затем идет местоименный выразитель

логического субъекта действия; 6) затем следует, если форма отрицательная и из числа ставящих частицу *м* перед основой глагола, частица отрицательная *м*, между которой и основой может стоять только *р* — формант повелительного залога; 7) затем следует основа глагола, которая оформляется последовательно по категориям: сначала вида, затем времени и наклонения; 8) в конце ставится или формант наклонения (при отрицательных формах это нередко частица *м*), или же какой-нибудь суффиксальный элемент наречного или союзного значения (*цта*, *йа*, *сый*, *ий*, *хIаа* и т. п., см. об этих суффиксальных элементах в отделе союзов и частиц, ниже).

Изложенный порядок размещения составляющих глагольную синтагму морфем предполагает простые глагольные основы, неосложненные префиксальными элементами более или менее самостоятельного, чаще всего наречного, значения. Однако в большинстве случаев в абазинском языке приходится иметь дело именно с глаголами, имеющими префиксы.

Глагольные префиксы. Количество и смысловое качество префиксальных элементов, входящих в сочетание с простейшими, «чистыми» глагольными основами, велико и разнообразно, и полное перечисление всех глагольных префиксов этого рода может быть делом только более или менее обстоятельного словаря абазинского языка. Однако здесь нам все же необходимо перечислить важнейшие и наиболее употребительные префиксы, нередко (в случаях переходности значения производного глагола) отделяющиеся от основы и допускающие вклинивание между ними и основой глагола форманта повелительного залога *р*, частицы отрицания *м* и местоименного показателя логического субъекта действия.

Они разделяются на две категории: I категория — префиксы, употребляемые без препозитивных местоименных частиц косвенного объекта, и II — префиксы, определяемые препозитивно-притяжательным местоимением.

Наиболее употребительные из префиксов первого рода: *гIа*, указывающий на общее направление движения в сторону говорящего, и противоположный ему по значению префикс *на*, выражающий движение по направлению от говорящего. Примеры: *гIа + йрә* «приходить» (собств. «двигаться сюда»), *на + йра* «уходить» (собств. «двигаться туда»), *гIа + гра* «нести сюда», *на + гра* «нести туда». Эти два префикса весьма часто сочетаются с другими, и, кроме того, основное значение их сглаживается до степени весьма неопределенного и непереводаемого на другой язык оттенка характеристики движения действия, например, *д + на + ййдзхъаIсад* «он сел рядом с ним (муж.)» (*д + на + йй + дзхъа + чIаа + д* букв. «он в том направлении с ним рядом сел»); *йы + гIа + джвыквейцIад* «он начал» (*йы + гIа + джвыквей + й + цIа + д*, букв. «то в этом направлении он начал, наружу положил»); *йы + гIа + лжвгIвыгIа* «выпишите» (*йы + гIа + л + жв + гIвы + гIа* букв. «то в этом направлении из вы выпишите сюда») и т. п. Повидимому то же *гIа* употребляется и суффиксально, непо-

средственно за основой глагола, в сочетании с префиксами *л*, *н*, *т*, *ц* *л* (см. выше).

Сочетания недопускающего ударения форманта взаимного залога *а* встречается реже, в самостоятельном употреблении и в форме *ай* с морфемой *ба* (*а+ба*) или с одним из нижеуказываемых в разделе II префиксов *ц*, *д*, *ла*, *та*, *м*, что даст сложные префиксы *ац*, *ад*, *ала*, *ата*, *ам* (сюда же сочетание *аз*). Примеры: *абабарà* «видеться друг с другом» (*аба+бара* «видеть»); *абацрà* «воевать друг с другом» (*аба+цра* «убивать»); *ацынхарà* «работать вместе» (*ацы+нхара* «работать»); *ацыбзàзара* «жить вместе» (*ацы+бзàзара* «жить»); *адгýлра* «становиться рядом друг с другом» (*ад+гýлра* «становиться, вставать»); *адкIгýлра* «собирать воедино, друг с другом» (*ад+кIгýлра*, где *кIгýлра* производное от *кIра* «держатъ»); *алалра* «сходиться друг с другом в одно место» (*ала+лра* последний корневой элемент *л*, самостоятельно не существующий, означает «движение вглубь чего-либо»); *алажврà* «варить совместно друг с другом, сваривать» (*ала+жвра* «варить»); *атàрашвара* «переполоть, полоть вторично» (*ата+рашвара* «полоть»); *атàнсàхрa* «пересыпать, сыпать вторично» (*ата+нсàхрa* «сыпать опять»); *амдарà* «расхаживать»; *амýцIра* «расходиться» (*амы+цIра* «двигаться»); *азгарà* «собирать» (*аз+гара* «нести»); *аздарà* «собирать» (*аз+дара* «вести»). Сюда же относятся префиксы *агIв* «мимо»; *агIвысра* «проходить мимо», *агIвыцтра* «пропускать мимо». Из числа перечисленных префиксов большинство дает в сложении с простыми основами глаголы непереходного значения, не допускающие инфиксальных (вставляемых между префиксом и основой) элементов.

кIа указывает на движение вниз (на землю, пол и т. п.). Например: *кIалсарà* «сыпать на землю, сеять» (*кIа+нсара* «сыпать»), *кIаджев-джварà* «плевать» (*кIа+джв+джвара* «вниз воду извергать») и т. п.

джвык, *джвыл* указывает на движение изнутри наружу («в поле»), например: *джвýквылра* «выходить наружу», *джвýлдара* «вывести наружу» (*джвыл+дара* «вести»); *джвýлцIра* «выйти наружу» (*джвыл+цIра* «двигаться»).

тишкIара (*тишкIары*) «в углу» (из угла), например: *тишкIарагýлра* «встать в углу», *тишкIарýцIра* «выходить из угла».

цтIа (*цтIы*) «вниз плашмя» (снизу), например: *цтIацIарà* «класть», *цтIа́лра* «ложиться», *цтIа́хрa* «поднимать».

пхà (*пхы*) «впереди (спереди), вперед» например: *пхàгýлра* «стать впереди», *пхýйсра* «обогнать» (букв. «двигаться вперед»).

тишгIа (*тишгIы*) «у очага» (от очага), например: *тишгIацIарà* «положить у очага» (огня), *тишгIа́хрa* «взять от очага» (из огня).

та (*ты*) «внутри» (изнутри), например: *тацIарà* «класть» (внутри), *тýцIра* «выходить» (изнутри).

бжà (*бжы*) «посреди, из среди», например: *бжàгýлра* «встать посреди», *бжýйцIра* «выйти из среди».

тишýжв «на лошадь, с лошади», например: *тишýжвцIара* «сажать на лошадь», *тишýжвцIра* «слезать с лошади».

типын «на берегу», например: *типынгыла* «встать на берегу», *типынчгёйла* «сесть на берегу».

нила «перед», например: *нилагыла* «встать перед».

уахгёта «сзади», например: *уахгётагыла* «стать сзади».

гёна «в (доме), внутри», например: *гёнагыла* «встать внутри».

кёла (*кёла*) «сквозь», например: *кёлаагёра* «всовывать», *кёлацёра* «проходить» (сквозь).

цкёла «сзади» (у стремени), например: *цкёлаагёра* «положить сзади» и т. п.;

II. Ко второй группе префиксов, сочетаемых с местоимениями, относятся:

аз «для», например: *азцарё* «идти для кого-либо, к кому-либо», *азыныгёра* «искать» (собств. «смотреть для кого-нибудь»), *азингёра* «случаться» (букв. «приходить для кого-либо»), *азхёра* «хватать» (собств. «тянуть для кого-либо»).

хё (*ы*) «по направлению к» (от), например: *хёшварё* «отставать» («падать по направлению от кого-либо»), *ахёсра* «касаться» (букв. «ударять по направлению к чему-либо»), *хёнышрё* «смотреть на кого-либо».

дэхё «рядом с», например: *дэхёагыла* «встать рядом», *дэхёаххрё* «подбежать» (рядом к).

ла (*лы*) «внутри» (изнутри), например: *лацёра* «класть внутри», *ахра* «вынимать изнутри».

н (*ы*) «внутри» (изнутри), например: *нцёра* «класть внутри, вникать», *ницёра* «выходить изнутри».

чё (*ы*) «от» (поверхности), например: *чёйфёра* «отъедать», *чёгарё* «употить» (с поверхности).

кёвы «от» (спины), например: *кёвёхёра* «отделять», *кёвёцёра* «отходить».

д (*ы*) «около, рядом», например: *дгёла* «встать рядом», *дцёра* «положить рядом».

ц (*ы*) «вместе с», например: *цынхарё* «работать вместе», *ццёра* «положить вместе».

цёла (*цёлы*) «под» (из-под), например: *цёлаагёра* «класть под», *цёлыцёра* «выходить из-под».

кё (*ы*) «на (верх), с (верху)», например: *кёцёра* «класть на что-либо», *кёвёхёра* «снимать».

цта «вслед», например: *цтаацарё* «идти вслед», *цтаагёйла* «приходить вслед», *цтаанышрё* «смотреть вслед».

мцёла «впереди» например: *мцёлаагёра* «класть впереди».

хёа(*хёы*) «на поверхность» (с поверхности), например: *хёагёра* «ложиться на что-либо», *хёарышрё* «набрасывать», *хёвёхёра* «снимать сверху», *хёаагёра* «класть наверх» и др.

Перечисленные глагольные префиксы, сочетаясь друг с другом, образуют передко сложносоставные префиксы. Процесс осложнения простых глагольных основ различными префиксами продолжается на наших глазах и служит одним из частных проявлений общей тенден-

ции абазинского языка инкорпорировать в состав сказуемого относящиеся к нему слова, в данном случае — определяющие глагол наречия.

Наречие

Под категорию наречий подводятся нами слова, не склоняемые и не спрягаемые (т. е. не имена и не глаголы) и выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства при глаголе или прилагательном. Непроизводные наречия характеризуются бесформенностью, т. е. неделимостью на части — на морфемы, реально или формально смысловые (см. например: *йацъ* «вчера», *йахъчIвâ* «сегодня», *дâра* «очень, весьма», *агIъла* — *псыла* «едва, еле-еле», *нырчв* «по ту сторону», *аудцIа* «внутри» и т. п.).

По внеграмматическим, т. е. формально не выраженным признакам значения, наречия распадаются на несколько групп: наречия времени, места, образа действия, меры и т. п. Относясь, таким образом, в своем большинстве к фактам словаря, а не грамматики, наречия подлежат рассмотрению здесь лишь в той мере, в какой они производятся с помощью специальных формантов наречий от основ именных или глагольных. Применение формантов наречия для придания слову синтаксической функции обстоятельства более или менее факультативно, в силу способности всех выше рассмотренных падежных форм склонения имен выполнять по мере надобности эту роль. Ср., например, такой ряд «наречий», как: *ауахъ* «в ту ночь (= опр. падеж «та, определенная ночь»); *уахъыжI* «однажды ночью» (= падеж единичности «одна ночь»), *уахъыла* (*уахъылла*) «ночью» (= орудивн. падеж от *уахъы* «ночь»), *уахъылата* «ночью» (= сочетания орудивн. и наречного падежей); *бзый* «хорошо» (= падеж неопр. «хороший», в составе, например *бзый уырбыйд* «они любят тебя», собств. «они видят тебя хорошо»); *âдзын* «в ту осень» (= опр. падеж «та осень»), *дэныжI* «(однажды) осенью» (= падеж единичн. «одна осень»), *дэныла* (*âдзылла*) «осенью» (= орудивн. падеж); *дэныта* «осенью» (= наречн. падеж); *âгара* «столько» (= такое количество) и т. п. В значении наречий имена употребляются все же преимущественно в форме падежей орудивного и, особенно, наречного. Разница значения этих форм сводится, как мы видели выше, к различию значения тех глагольных основ, к которым этимологически восходят форманты этих падежей. Таким образом, формы на *ла* означают собственно обстоятельство, внешне дополняющее действие, а формы на *та* — обстоятельство, внутренне определяющее действие. Отсюда разница оттенков в параллельных выражениях, как *агъныла* (собств. «при зиме, в течение зимы», здесь зима признак дополнительный) и *агъныта* «зимой» (собств. «в зиме, в зимнее время»; здесь «зима» — признак определяющий), *тIапIâнтала* «по-абазински», *тIапIâнтата* «в качестве абазин, как настоящий абазин» и т. п. Морфема *та* служит формантом наречий, производных от прилагательных: *мачI* «малый» ~ *мâчIта*¹

¹ У автора было: *мачIв, мачIета*. (Ред.).

«мало»; *дыу* «большой» — *дыута* «много»; *цIабырг* «истинный» ~ *цIабыргыта* «истинно», и т. п. От этих наречий образуется сравнительная степень с помощью служебного слова *рыцIа*: *рыцIа мацIта* «меньше», *рыцIа дыута* «больше», *рыцIа тынчта* «спокойнее», *рыцIа цIабыргыта* «более истинно».

Как указывалось выше, производные от прилагательных наречия часто вербализуются, т. е. переходят, путем присоединения к ним местоименного префикса *йы*, из категории наречий именных в категорию наречий отглагольных, т. е. деепричастий.

Присоединяясь к формам глагола повелительного и изъявительного наклонения, та же морфема *та* (чередующаяся с *цта*) приобретает особый оттенок значения, приближающий ее к союзу «и», например: *уыцIта уыцIыд* «пойди и посмотри», *дылыдыта дчIадыдыд* «он встает и говорит», *сIабыта йыхIысIыбы* «я ударю и отрублю» и т. п. Поэтому поставленное в конце предложения при сказуемом, это *та* начинает играть роль подчинительного союза, соединяющего два первоначально самостоятельных предложения, например: *аьсIаьсIа хIаьсIа гIанарый-бта*, *аьсIаьсIа чегьа гIанIаьсIа* «доброе слово порождает доброе, а дурное слово приносит зло». Деепричастную (т. е. глагольно-наречную) функцию имеют сочетания с следующими морфемами:

1) *цта* «да, так, теперь» произвольно чередуется с *та*, преимущественно в образовании наречных форм от причастий, соответствующих русским деепричастиям, например: *йыцаудIцта* (или, *йыцаудIта*) «он (неразум.) идучи»; *дылуацта* (*дылуата*) «он (разум.) стоя» и т. п.;

2) *мца* (*мцра*, *мцара*) образует наречия со значением обстоятельства, лишь внешне сопутствующего какому-либо действию или состоянию, почему они также играют преимущественную роль в образовании деепричастий: *йыцаудIамца(ра)* «он (неразум.) идучи; когда он (неразум.) шел; в то время, как он шел»; *дылуамца(ра)* «он, вставая; когда он вставал; в то время, как он вставал»; *дчIаьмца* «он, сидя; пока он сидел; в то время, как он сидел»; *дгIансIымца(ра)* (основа *гIа + пса* «утомляться») *дгIансIаьдIсIд* «он с трудом прошел свой жизненный путь» (букв. «он, будучи утомляем, пока он утомлялся»).

В качестве примеров использования морфемы *мца* (и ее вариантов) для образования собственно наречных (отыменных) синтагм, можно привести следующие: *бжыбжыьмца* «по отдельным звукам» (*бжы* «голос, звук»); *шIчIаьрашIчIаьрамца(ра)* «по отдельным слогам» (*шIчIаьра* «слог»); *мачIемIаьмца(ра)* (sic! *Ред.*) «мало-помалу, постепенно»; *аудIсамца(ра)* «таким образом, пока это так было» и т. п. Этимологически *мца(ра)* восходит к самостоятельному слову со значением «чистый, беспримесный», известному в полуслужебном применении и в абхазском, например, *адзымацара* «одна вода», собств. «беспримесная, чистая вода»; *чIаламацара* «одним только хлебом» (букв. «хлебом беспримесно»); *чIырчIыраа мацара* «только болтая, чиркая» (и больше ничем не занимаясь) и т. п. Последний пример иллюстрирует наглядно

переход *мацара* из категории прилагательных в роль наречного определения при деепричастии;

3) *кIва* (*м+кIва*) образует отричастные наречия (деепричастия) отрицательного значения, как например: *дзй рымышкIва* «они, не пъя воды», *йыцIарамкIва* «не будучи острым», *йауамкIва* «он (неразумн.) не делаая», *дымцIакIва* (*дцIамкIва*) «он (разумн.), не ходивши (не ходя)» и т. п.

Служа своему прямому назначению обстоятельственного слова при глаголе (или, реже, при прилагательном), наречия становятся перед словом, к которому они относятся. Сочетаясь с существительными, они становятся позади того слова, к которому относятся, утрачивают некоторую долю своего самостоятельного значения и переходят в категорию слов служебного значения, называемых послелогами.

Послелоги

Наречия, входя в сочетания с существительными или субстантивированными (приравниваемыми к существительным) причастиями, становятся послелогами. Послелоги соответствуют русским предлогам, с той существенной разницей, что наречное, самостоятельное значение сохраняется за ними в степени большей, чем в русских предлогах; в этом отношении их лучше сравнивать специально с русскими предложными наречиями (типа «вокруг», «около» и т. п.). Формальным выразителем послеложной функции наречия служат согласование наречий с предшествующим существительным или причастием в роде, лице и числе, путем сочетания их с соответствующими притяжательными местоимениями. Употребление послелогов вообще мало характерно для абазинского и абхазского языков, поскольку в большинстве случаев контекст (и прежде всего глагольная форма) определяет те отношения (главным образом пространственные), выразителем которых служат послелоги, откуда значительная факультативность пользования ими (как правило, они ставятся лишь для усиленного, подчеркнутого указания на соответствующие значению послелога отношения).

Наряду с послелогами-наречиями, в значении послелогов употребляются и некоторые эквивалентные наречиям имена существительные в неопределенном падеже. Словообразовательным суффиксом значительной группы послелогов служит морфема *хъ*, отчасти в сочетании с морфемой *ла* (см. ниже), придающей трудно переводимый оттенок «движения вдоль».

Употребительнейшими послелогами в абазинском языке служат следующие:

ны «у, при, около», например: *акIт аннI* «в селении», *ауам рыннI* «у них» (в доме), *сарI сыннI* «у меня», *атыдзбIрдзаннI* «в самом доме» и т. п. По аналогии образованы такие сочетания двух наречий, как например: *ауааннI* («именно) там». Прибавление морфемы *дза* здесь и далее дает значение усиительное: *нынIдза* «вплоть до», например:

акът аннѣдза «выплоть до селения». Субстантивируясь, *пны* получает значение существительного «дом, хозяйство»: *рыпнѣ* «их дом», *рыпнѣдз* «их дома».

типы «на берегу, на краю», например: *абна атипы* «на краю леса, к лесу», *адзѣ атипы* «на берегу река» (или «берег реки») и т. п.

ати(та) «подобно», например: *уарѣ уѣпши(та)* «подобно тебе», *сарѣ сѣпши(та)* «подобно мне» и т. п. По происхождению *ати* — глагольная основа, со значением «походить друг на друга».

да «кроме», например: *уарѣ уѣда* «кроме тебя», *сарѣ сѣда* «кроме меня», *ларѣ лѣда* «кроме нее» и т. п.

ма «с», например: *йылабѣ йѣма* «он, со своей палкой», *тишкѣ сѣма* «я, с одной лошадей; я, имея одну лошадь» и т. п. По происхождению *ма* — глагольная основа, со значением «иметь».

ѣгара «в меру, сообразно» (с количеством), например: *ауѣй ѣгара* «столько», *мчыбѣйкѣ ѣгара* «с неделю» и т. п. Именного происхождения (*ѣгара* «количество»).

тарѣ «вместо», например: *ауѣт ртарѣ* «вместо них». Именного происхождения (*тарѣ* «место хранения, футляр»).

бжѣгара «между», например: *ауѣт рыбжѣгара* «между ними». Именного происхождения (*бжѣ(ра)* «середина»).

цѣйхѣва(н) «за», например: *сарѣ сѣйхѣва(н)* «за мной», (вслед за мной); именного происхождения (*цѣйхѣва* «хвост»).

рѣуа(та) «из числа», например: *йыгѣбажѣдз рѣуа* «из числа виданных нами», *сарѣ дарыжѣвакытсрѣуата* «я будучи из числа (жителей) селения Псыж» и т. п. Именного происхождения (*ѣуа* «принадлежащий к данному коллективу, близкий друг»).

ѣгѣан «во время», например: *ауѣт рѣгѣан* «в их время», *агѣнѣ ѣгѣан* «во время зимы», *сарѣ сѣгѣан* «в мое время» (именного происхождения — *агѣа* «время»).

(ѣ)хѣаз(ла) «для», например: *ауѣт рѣхѣаз(ла)* «для них», *ауѣй ѣхѣазла* «для этого» и т. д. Именного происхождения (*ѣхѣаз* для головы).

ахѣыла (ахѣгѣѣла) «(по направлению) к, в сторону», например: *йахѣгѣѣла* «в его сторону», *шварѣ швахѣыла (швахѣгѣѣла)* «в вашу сторону, по направлению к вам» и т. п.

хѣахѣ «на» (верху, поверхности), например: *адзѣ ахѣахѣ* «на (поверхности) воды», *сарѣ сѣахѣ* «надо мной». Именного происхождения (*хѣа* «голова»).

пахѣ(ла) «перед», например: *сарѣ спѣахѣ(ла)* «передо мною, впереди меня», *атыдзѣ апѣахѣ* «перед домом».

(а)цѣахѣ(ла) «под», например: *атыдзѣ ѣцѣахѣ* «под домом», *ауѣт рѣцѣахѣ* «под ними», *адзѣ ѣцѣахѣ* «под водой». Именного происхождения (*цѣа* «дно»).

(а)цѣахѣ(ла) «сзади», например: *атыдзѣ ѣцѣахѣ* «позади дома», *ауѣт рѣцѣахѣ(ла)* «позади их». Именного происхождения (*цѣа* «след»).

апхѣѣ(ла) «до, перед», например: *ауѣй апхѣѣ* «до этого», *акѣѣ*

апхъа(ла) «перед дождем», *уычаръ апхъала* «прежде, чем ты будешь кушать».

амцтахъ(ла) «после», например: *ауый амцтахъ* «после этого», *аква амцтахъ* «после дождя», *уычаръ амцтахъ* «после того, как ты будешь кушать».

(а)дзхъа «рядом с», например: *ауый адзхъа* «рядом с ним».

(а)хъызла «для, по поводу», например: *ауат рыхъызла* «для них, по поводу них»; именного происхождения (*хъызъ* «имя», следовательно букв. «именем»).

ахIа (айхIа) «более, свыше», например: *ауый ахIа* «более этого», *ауат райхIа* «более них». Именного происхождения (*ахI* «старший»).

ауацIа «внутри», например: *атыдзъ ауацIа* «внутри дома»; именного происхождения (*ауацIа* «внутренность»).

Абазинскому языку чуждо приименное послеложное использование некоторых употребительных абхазских послелогов, каковы *къны* «при, около», *шы* у, *при*, на поверхности» и *зы* «для».

Числительные

Числительные не образуют в абазинском языке единой группы, выделенной по каким-либо внешним грамматическим признакам. Основанием для обособления их, в ряду других частей речи, служит исключительно объединяющее их всех значение счетных слов. По своей грамматической природе они распадаются на сочетания счетных префиксальных морфем с именами, это — числительные количественные, собирательные и разделительные, наречия — числительные обстоятельственные и причастия — числительные порядковые.

Числительные количественные. Числительные количественные первого десятка представляют собою в самостоятельном употреблении (например, отвечая на вопрос: *зъаръа* «сколько предметов?», *зъаръгIа* «сколько людей?») сочетание двух видов: относясь к предметам (вообще классу неразумных), основы числительных сочетаются со словом *ба*, утраченным в абазинском языке, означавшим «штука (товара)», (ср. абх. *абъ* «красный товар», форма единич. *бакI*), за исключением числительного «один», выражаемого особым самостоятельным словом *закIы* (абх. *акIы*); относясь к классу разумных, они соединяются со словом *гIа(ы)*, означающим «человек», за исключением первого и второго по порядку счетного слова: «один» (разумн.) выражается посредством *зиджъы* (абх. *аджъы*) и «два» (разумн.) — посредством *гIыиджъ* (абх. *гIыиджъа*).

Таблица самостоятельных числительных первого десятка

а) Числительные класса неразумных (предметов):

<i>закIы</i> «один»	<i>цба</i> (абх. <i>фба</i>) «шесть»
<i>гIаба</i> «два»	<i>бжъба</i> «семь»

<i>хпа</i> «три»	<i>агIба</i> «восемь»
<i>пиба</i> «четыре»	<i>жвба</i> «девять»
<i>хвба</i> «пять»	<i>жваба</i> «десять»

б) Числительные класса разумных (людей):

<i>заджвй</i> «один»	<i>цгIвы</i> «шесть»
<i>гIвыдж</i> «два»	<i>бжъгIвы</i> «семь»
<i>хуы</i> (вм. <i>хгIвы</i>) «три»	<i>агIгIвы</i> «восемь»
<i>пицгIвы</i> «четыре»	<i>жвгIвы</i> «девять»
<i>хвгIвы</i> «пять»	<i>жвагIвы</i> «десять»

Следует отметить, что *заджвй* утрачивает уже нередко свое специальное отношение к классу разумных и сочетается со словами класса неразумных, например; *джма заджвйкI* «единственная (одна) коза».

Числительные количественные второго десятка не требуют при счете прибавления *ба* (в счете предметов), сохраняя *гIвы* для обозначения счета людей.

Таблица самостоятельных числительных
второго десятка

а) Числительные класса неразумных:

<i>жвййз</i> «одиннадцать»	<i>жвййц</i> «шестнадцать»
<i>жвыгIв</i> «двенадцать»	<i>жвййбжъ</i> «семнадцать»
<i>жвах</i> «тринадцать»	<i>жвагI</i> «восемнадцать»
<i>жвййпиц</i> «четырнадцать»	<i>жвайжв</i> «девятнадцать»
<i>жвыгIв</i> «пятнадцать»	<i>гIважва</i> «двадцать»

б) Числительные класса разумных:

<i>гжвййзыгIв</i> «одиннадцать»
<i>гIважвагIвы</i> «двадцать»

Дальнейший счет производится путем сложения 20 и 1:

<i>гIважвййзак</i> «двадцать один»	<i>гIважвййгIвба</i> «двадцать два»
<i>гIважвййхпа</i> «двадцать три»	<i>гIважвййжваба</i> «тридцать»
<i>гIважвййжвййз</i> «тридцать три»	<i>гIважвййжвыгIв</i> «тридцать два»

и т. д.

«Сорок», «шестьдесят» и «восемьдесят» образуются по так называемому двадцатиричному счету, т. е. путем умножения 20 на 2, 20 на 3, 20 на 4; таким образом: *гIвынгIважва* «сорок» (*гIвын* числительное наречие «дважды», см. ниже), *хынгIважва* «шестьдесят», *пицнгIважва* «восемьдесят».

«Сто» выражается особым словом *швкI* так же, как и «тысяча» — *экъы*.

При сочетании с теми предметами или лицами, которые подвергаются счету, естественно отпадает необходимость в пользовании вспомога-

ными словами *ба* и (отчасти) *гIвы*, и основа числительного на правах служебной морфемы примыкает префиксально к тому слову, к которому она относится. Таким образом, и «1 лошадь» — *тшыкI*, «2 дня» — *гIвымшкI*, «3 месяца» — *хымыжкI*, «4 собаки» — *пцлакI*, «5 лет» — *хвысыкшыкI* (*хвысыкшыа*) и т. п.; «1 человек» — *гIвыкI* (*гIвычIгIгIейскI*) «2 мальчика» — *гIвычIкIгIынчва(кI)*, «3 мужчин» — *хуыхъа(кI)* и т. п. До 19 числительные предшествуют слову, к которому относятся, и рассматриваются, как собирательного значения единицы, что явствует из сопровождающего их заключительного *кI* — форманта единичности. Образованная этим сочетанием синтагма может изменяться по падежам и осложняться другими служебными морфемами, например. *хмыжIыдза* «до трех месяцев» (от *хымыжкI* «3 месяца»), *хажвâкIла* «тремя словами» (от *хажвâкI* — «3 слова»), *гIешIчIвâракIкве* «двуслоговые» (от *гIешIчIвâракI* — «2 слога»), *бжъымшкIы* «в течение семи дней» (от *бжъымшкI* — «7 дней») и т. д. Начиная с двадцати порядок меняется, числительное рассматривается, как качественный атрибут существительного и ставится позади: *тшы гIважва* «20 лошадей», *сом хынIгIважвых* «45 рублей», *тыдзъшкI* «100 домов», *угIâхшыгIв* «300 человек», (но *жъы тшыкI* «1000 лошадей!») и т. п.

Числительные порядковые. Числительные порядковые представляют собой причастия страдательного залога, образованные от соответствующих счетных в их полной форме; такие порядковые представляют собою тапанта-абазинское и шкарава-абазинское новообразование (в абхазском порядковые числительные отсутствуют)¹.

Таблица числительных порядковых

<i>йапхъахауâ</i> (йызакIхауâ) «первый» (букв. «становящийся прежним, одним»)
<i>йыгIвбахауâ</i> «второй» (букв. «становящийся двумя»)
<i>йыхпахауâ</i> «третий»
<i>йыпцбахауâ</i> «четвертый»
<i>йыхвбахауâ</i> «пятый» и т. д.

Наряду с причастиями настоящего времени для той же цели служат иногда причастия прошедшего времени недавнего, например:

йыгIвбахыуз «второй», *йыпцбахыуз* «четвертый».

Прочие числительные. Числительные разделительные образуются путем повторения простого счетного, осложняемого нередко наречного значения формантами *мца* и *ла*.

Таблица числительных разделительных

Класс предметов
<i>закIызакI</i> (или <i>закIызакIымца</i>) «по одному»
<i>гIвбагIвбâ(ла)</i> «по два»
<i>хпахпâ(ла)</i> «по три» и т. д.

¹ Порядковые числительные имеются и в южных абхазских диалектах. (Ред.)

Класс людей

заджвызадже (*заджвэдже, аджвэдже*) «по
одному (человеку)»
гIвуджъгIвуджъ(ла) «по два (человека)»
хуухуы(ла) «по три (человека)» и т. д.

Числительные собирательные образуются путем присоединения к счетным определенного члена или притяжательного местоимения, как например: *агIвба(гый)* «оба (предмета), *хIгIвэдж(гый)* «мы оба», *ахла(гый)* «все трое», *аццба(гый)* «все четверо» и т. д. Числительные наречия, отвечающие на вопрос *зъаранъйа* «сколько раз?», образуются формантом *ны* (одного происхождения с утраченным падежом «местным»).

Таблица числительных наречий

<i>зны, зныкI</i> «однажды, один раз»	<i>бжъны</i> «семью, семь раз»
<i>гIван</i> «дважды, два раза»	<i>агIны</i> «восемью, восемь раз»
<i>хын</i> «трижды, три раза»	<i>жвын</i> «девятью, девять раз»
<i>пцын</i> «четырежды, четыре раза»	<i>жванъ</i> «десятью, десять раз»
<i>хвын</i> «пятью, пять раз»	<i>жвыйзны</i> «одинадцать раз»
<i>цын</i> «шестью, шесть раз»	<i>жвыгIвын</i> «двенадцать раз»
	<i>шекIны</i> «сто раз» и т. д.

В значении «в который раз» от этих наречий образуются причастия страдательного залога, например, *йыгIвânхуз* «во второй раз», *йыхынхуз* «в третий раз» и т. п. Наряду с *йыгIвânхуз* и *йыхынхуз* существуют особые формы: *уадыргIвâна* «вторично» (обычно в значении «потом, затем»), *уадырхâна* «в третий раз».

В соответствии русским «вдвое, втрое» и т. д. на вопрос — *зъаранъйа(йа)* «во сколько раз?» употребляются числительные наречия, осложненные формантом *ла*: *гIвânла, хынла* и т. д. При умножении, в соответствие русским «на два, на три» и т. п., на вопрос *зъарâла(йа)* употребляют числительные счетные в сложении с *ла*: *гIвbâла, хпâла* и т. д.

При делении, в соответствие русским «на два, на три» и т. п., употребляются или числительные счетные в наречной форме на *та* (*гIвbâта, хпâта* и т. п.) или собирательные в сочетании с глаголом *азиард* (например, *аццба йырзыца* «раздели на четыре»).

«Половина» выражается словом *бжа* (например: «пол гектара» — *габжакI*, «полгода» — *сыкшыбжакI*, «полтора» — *шекIый бжакIый* и т. п.). «Одна треть» — *закIы хпачIвэнта*, «одна четверть» — *закIы пцбачIвэнта*.

В заключение отметим, что наряду с сочетаниями *хтыдзъкI* «3 дома», *пцтшыкI* «4 лошади», и т. п. употребительны под влиянием кабардинского языка описательные обороты типа: *тыдзъта хпа, тшыта пцба*

(букв. «в качестве домов три», «в качестве лошадей четыре» и т. п., ср. кабардинск. *унэу цы* «три дома» и т. п.).

Правила орфографии числительных. Отступления в порядке постановки числительных при именах от принятого в русском и других европейских языках влечет за собой некоторые последствия орфографического порядка, поскольку для передачи числительных пользуются цифровыми обозначениями, ставимыми обычно перед тем словом, к которому числительное относится. Для сохранения естественного для абазинского читателя порядка слов можно рекомендовать дифференцировать способ написания числительных до 10 включительно от следующих за ними и писать: 1 *тишкI*, 2 *тишкI*, 10 *тишкI*, но *тишкI* 11, *тишкI* 19, *тиш* 20, *тиш* 100, 1000 *тишкI*. В обозначении числительных порядковых целесообразнее всего выражать их следующим образом: 1-*хауа* «первый», 2-*хауа* «второй» и проч. В обозначении числительных разделительных писать можно таким образом: 2-*ба* «по два», 6-*ба* «по шести» и т. п. Иначе говоря, применять следует такой способ написания, чтобы буквенная часть выражения ограничивалась той последней морфемой, которая характеризует данную форму числительного. В обозначении цифр месяца и года, соответственно абазинскому порядку, обратному тому, который принят в русском языке, следует ставить на первое место название месяца и условное сокращение слова «год», а на второе — число, например: *нойдбр (амз) а-7*, (*нойдбр амз абжьба* «седьмого ноября») *ас. 1917 рпны* (*асквыш зкы жевий-жевийбжь рпны* «в тысяча девятьсот семнадцатом году»). В таком же положении находятся все иные цифровые обозначения, как-то: обозначение цен, веса, где на первом месте следует ставить (для единообразия во всех случаях одинаково, без исключения для первых десяти) сокращенное название единиц измерения, как например: с. 5 *кI* 60 = 5 руб. 50 коп. (абаз. *хасомкIый кIапыйкIа хынIважвдй*). Принцип единообразия в постановке цифр на втором месте говорит, как кажется, за то, чтобы и в таких символических сочетаниях, каковы обозначения градусов и процентов, предпочтение оказывалось порядку, обратному тому, который принят в большинстве других языков с иной системой выражения числительных отношений (т. е. чтобы писалось, например, %15, вм. русск. 15%, °6 вм. русск. 6° и т. п.).

Союзы и частицы

Естественное отсутствие в абазинском языке, не знавшем до 1933 г. письменности, сложной периодизации речи, т. е. отсутствие длинных, формально-взаимозависимых предложений и фраз, сводит потребность в так называемых союзах, под каковыми разумеются слова, соединяющие отдельные части фразы друг с другом, к весьма ограниченному количеству. «Бессоюзие» является, таким образом, одной из характерных, отличительных черт абазинского языка, в котором преобладают короткие предложения, соединяемые с соседящими одной лишь после-

довательностью во времени. Нам надлежит отметить здесь лишь немногие, служащие, главным образом, для соединения однородных членов предложения союзы и некоторые более характерные и употребительные частичные слова.

Важнейшими союзами служат служебные морфемы — *гый*, *-хIва*, *-та(цта)* и самостоятельные слова: *йицтый*, *йа*, *ауа́са (мца)*, *уадыргIв́ана*, *уацIгъван*; далее сочетания, как например: *ау́йй а́кIвыздхIва* (*ау́йй а́кIвмызын*) и др. Из числа их *-а* употребляется при сочетании стоящих в одинаковой синтаксической роли двух существительных или местоимений, как например: *алыгажгый атажгый* «старик и старуха», *а́дысый ау́рбажгый* «козленок и орел», *уар́йй сар́йй* «ты и я» и т. п., повторяясь после каждого из них. Специальное, притом частое применение находит себе союз и в числительных, как например: *уандыр шкIый бжакIый* «150 арб», *жвас́мкIый гIванс́кIый* «10 рублей 40 копеек» (состав. «10 рублей и 2 двугривенных») и т. п.

Вышеуказанные сочетания *жв́ййз*, *жв́ййиц*, *жв́ййц*, *жв́йбж* и *жв́ййж* содержат в себе примеры очень старых сочетаний с *й* (*жва* + *й* + *зы*, *жва* + *й* + *ицы* и т. д.), где *й* присоединяется лишь к первому элементу сложения. Союз *гый* представляет собою результат сложения известного больше из абхазского самостоятельного союза *гы* с тем же *й*, имеет то же основное значение, что и *й*, лишь несколько более определенное, выражаемое по-русски повторением союза «и» после каждого слова: *алыгажгый ат́ажгый* «и старик и старуха», *а́дысгый ау́рбажгый* «и козленок и орел» и т. п. В отличие от *й*, *гый* получает весьма часто применение в глагольных формах отрицательного и уступительного значения (примеры см. выше, в отделе глагола). Союз *хIва*, по происхождению основа глагола со значением «говорить», равнозначущее русскому «скажем, мол», в роли союза со значением «и» выступает при более длинных перечислениях, например: *ати́кв́ахIва а́жкв́ахIва*, *ау́асакв́ахIва* «лошади, коровы, овцы и т. д.»; *хIва*, стоящее после того слова или слов, к которым оно относится, употребляется в смысле, заменяющем русское двоеточие (перед приводимыми словами другого лица) или кавычки, например: *ау́йй ам́альта й́амайа хIва й́акъанѓадиуан* «Есть ли какое-либо средство от этого, (говоря) рассуждали они», и т. п. В выражениях, подобных: *сц́абхIва смы́радб* «я намереваюсь пойти», *хIва* заменяет русский союз цели «чтобы». Нередко, во всех перечисленных случаях применения, союз *хIва* замещается более выразительными формами изъявительного наклонения того же глагола (*схIван*, *схIвийд* и т. п.). Морфема *та* употребляется в роли союза, как указывалось выше, в сочетаниях с глагольными формами наклонений повелительного и изъявительного. Для соединения однородных глагольных членов предложения допустимо, хотя и не общепринято, использование *та* в качестве сочинительного (т. е. стоящего между равноправными предложениями) союза, в значении русских: «но», «а», «же», например: *й́аншар́а ды́ббыйд (та) й́анхълар́а ды́кIвт́ухыйд* «когда светает, он ревет (как дикий зверь),

а (та) когда смеркается — становится курицей» (т. е. трусит). Союз *йицтэй* собств. «вслед за тем», играет более подчеркнуто ту же роль, что и *й*, например: *кэйдэйиэ йицтэй бакьбэй зыбжэара* «между (именно) Кайдухом и Бакбием» (собственные имена местностей); иногда он соединяет числительные, например *август агIважвэйицтэй ахпа рпны* «23 августа».

Союз *йа* имеет значение разделительное «или» и повторяется обычно перед каждым словом, входящим в состав разделительного сочетания, например: *йа сарà йа уарà* «или я или ты».

Союз *аудаса*, собств. «так», употребляется (вполне факультативно) в роли сочинительного союза «но», «однако», в начале предложения, а союз *аудасамца(ра)* «таким образом, итак», в такой же роли подчинительного союза следствия; *уадыргIейна* (или *уацIейхван*) «затем, потом», *ауэй акIвыздхIва* «тем не менее, однако», *ауэй акIвмызтын* «как бы то ни было».

Из числа наиболее широко используемых частичных слов, т. е. слов, лишенных полного реального значения, следует назвать из самостоятельных слов, относящихся сюда, *цта (хIгъын)* «да»; *мамàу (мау)* «нет» (заменяют в ответах целое предложение); *абар* «вот», *ма* «на, возьми».

Из служебных морфем наиболее характерны упоминавшиеся выше *дза* — частица усилительного значения и *бырг* — частица подтверждательная, например: *анхъадзà* «прежде всего», *багъадзàта* «очень крепко», *майрадзàб* «очень просто», *акътабýрг* «самая середина», *акýтмдзакIбырг* (sic! Ред.) «у самого края деревни» и т. п.

Глава IV

ФОРМЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Словосочетания и предложения (фразы). Любые два, три и более слов, следующие одно за другим в связной речи, составляют словосочетание. В таком широком, лишенном специально-грамматического значения смысле выражения «словосочетание», под это понятие подходят, например, и такие бессвязные по значению сочетания слов, как: *зны амив* «однажды медведь», *скейтывугый абагъ* «все (нарекание) лисицы», *рылны хъацIарала* «у них мужеством», *дрьмырцарныс мыубагIа* «чтобы его выгнать от них бойкот» и т. п. (примеры взяты из текстов сказок). Под словосочетанием во втором, более узком и имеющем грамматическое значение смысле понимается такое сочетание слов, когда не только смысл (реальный, внеконтекстовый), но и форма слов, входящих в состав сочетания, зависят от данного сочетания, в нем получают свое реальное обоснование. Примерами словосочетаний в последнем, специальном значении грамматического термина могут служить, например: *анхъа замън* «в прежнее время», *ажелараква рны* «среди народа», *хъацIарала йыхъызгауата* «он (муж.), славясь мужеством», *зны амив чмазагIэхъд* «однажды медведь заболел», *ашевърква шкейтывугый* «все звери», *абагъ акимызтын* «кроме лисицы» (собств. «если бы не было лисицы»), *ажелара дрьмырцарныс* «чтобы выгнать его из селения», *мыубагIа йькеырцарныс* «объявить ему бойкот» и т. п. В первом примере *анхъа* получает данный свой смысл именно в силу того, что стоит перед существительным *замън*; в сочетании *ауый анхъа* «перед этим» смысл этого же слова меняется. Грамматическая взаимозависимость смысла слов *ажелараква рны* также очевидна: *ажелараква* здесь не подлежащее предложения, а лишь слово, которое определяется следующим за ним послелогом *рны*, как косвенный объект предложения, не имеющий непосредственного отношения к действию, тогда как послелог *рны* своим *р*, в свою очередь, свидетельствует об отношении к имени в форме множественного числа. В сочетании *хъацIарала йыхъызгауата* первое слово дополняет смысл второго, будучи определяемо в свою очередь вторым, как свойство, принадлежащее лицу мужского пола, и т. д.

Примеры показывают, что наряду с формой отдельного слова, решающее во многих случаях значение может приобретать самый порядок последовательности слов. В этом отношении абазинский язык заметно отличается от тех языков, в которых последовательность слов, хотя и не всегда безразлична, все же отступает на задний план сравнительно с формальными признаками отдельного слова, достаточно определяющими его место и роль в речи.

Сводя основные, имеющие грамматическое значение, типы последовательности слов абазинского языка к общей, господствующей здесь тенденции, можно формулировать ее, примерно, следующим образом: слова, внешние дополняющие другое слово, ставятся перед ним, а слова, внутренние его дополняющие, за ним. Различение этих двух типов последовательности слов отражает, быть может, два осуществляемых в мышлении способа сочетания представлений, соответствующих отдельным словам: в одном случае мы имеем дело с сочетанием словесных эквивалентов первоначально-независимых представлений, тогда как в другом происходит расчленение на составные, взаимозависимые части первоначально единого, цельного представления с последующей подстановкой под каждую обособившуюся часть представления отдельного слова.

К категории «внешних» дополнений относятся в абазинском языке: 1) относительные определения, указывающие отношение данного предмета мысли к другим; 2) дополнения при имени, указывающие на принадлежность данного предмета мысли к другому предмету; 3) дополнения при причастии и глаголе, конкретизирующие результат, цель или сопутствующие обстоятельства совершающегося действия или состояния. Первая группа внешних дополнений выражается грамматически существительными (в роли прилагательных относительных), причастиями (с этой же функцией) и указательными местоимениями; ко второй группе принадлежат дополнения, выражаемые существительными и личными местоимениями; к третьей группе относятся, помимо существительных в роли прямого и косвенного дополнения, причастия и наречия (или деепричастия) по отношению к следующему за ними глагольному слову предложения.

В категории «внутренних» дополнений принадлежат некоторые качественные местоимения (как например, «все», «похожий» и т. п., см. выше) и приравняемые к ним числительные по отношению к определяемому ими существительному, но в особенности глагол по отношению к грамматическому субъекту выражаемого им действия. Этот последний вид отношений, связывающий субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое), относится (наряду с специальной «фразовой» интонацией) к особому роду словосочетаний, имеющих значение законченного сообщения, называемому предложением и составляющему крупнейшую, наиболее важную единицу речи.

Типы словосочетаний. Прежде чем перейти к предложению, нам необходимо рассмотреть важнейшие грамматические типы слово-

сочетаний, не имеющих значения законченного сообщения. Таковыми являются (помимо рассмотренных выше, 1) сочетаний существительных с прилагательными относительными и качественными, образующими нормально одно слово и 2) сочетаний существительных с послелогоми, образующих нормально два слова), следующие сочетания слов:

1) Сочетание (атрибутивного) причастия с определяемым им существительным. Формальной характеристикой сочетания служат здесь соотносительные с существительными местоименные показатели в составе синтагмы причастий (*й(ы)* или *з*) и порядок слов — причастие предшествует слову, им определяемому. Примеры: *ййглайуаш астатйа* «следующая статья», *ауаа (йырйламыз йгйвычггйвыс)* «(там) вступивший в их число человек», *амара йаблыз ачагъварта* «память, согретая (сожженная) солнцем», *йыгйамешайуа ашвыр* «растущий на вас плод», *йууыжвхуаш адзы* «вода, которую ты будешь пить» и т. п. Определяемое существительное стоит в оформленном определенным членом («определенном») падеже.

2) Сочетание (атрибутивного) указательного местоимения (в полной форме) с определяемым им существительным; местоимение предшествует существительному и согласуется с ним в числе. Примеры: *арый анхйыс* «эта женщина», *арат анхачвакв* «эти крестьяне», *ауый адзгыл* «то место», *ауит ймачвакв* «те орудия» и т. п. Определяемое существительное стоит в «определенном» падеже.

3) Сочетание деепричастия с определяемым им атрибутивно существительным или субстантивированным числительным; деепричастие предшествует существительному (редкий тип). Примеры: *йыбжанархъата ахъызкв* (*нашвырхъа*) «неоконченные имени» (докончите), *арат дрыуацта заджжы* «один из числа их».

4) Сочетание «посессивное» или сочетание дополнительного имени, в форме определенного падежа (или сочетания имени с притяжательным местоимением), с другим именем, так же оформленным местоименными морфемами. Это сочетание соответствует сочетанию «родительного» падежа русского и других языков, с именем, которое им определяется. Формальные признаки его: определяющее предшествует определяемому, а определяемое согласуется с определяющим в лице, числе и роде. Примеры: *тйанйанта ртаурых* «история абазин» (ср. *тйанйантатаурых* «абазинская история»); *агънй ахъта* «холод зимы» (ср. *агънйхъта* «зимний холод»); *анхачв* *рсабийкв* «дети крестьян», *ар рымгйва* «дорога войска», *агйвычггйвыс йынанй* «рука человека», *ажыджьма ачв* «шкура волка», *анхйыс лхъабра* «коса женщины». Сюда же относятся сочетания личных местоимений с именем, снабженным соответствующим личному местоимению притяжательным местоимением, например: *сар* *стиш* «моя лошадь», *уар* *уыжакйа* «твоя борода», *йар* *йынхйыс* «его жена» и т. п., тяготеющие к слиянию в одно слово, когда приведенные примеры звучат соответственно *сарастий* (или *састий*), *уаруыжакйа*, *йарыйнхйыс* и т. п.

Постановка в вышеперечисленных словосочетаниях «внешних» дополнений перед слогом, к которому они относятся, приводит к тому, что в большинстве случаев порядок абазинских слов диаметрально противоположен порядку соответствующих слов русского языка, ср. например: *айныжсгIвара йыташвэх анхIейсчегъа* «злая женщина, упавшая в берлогу великана» (букв. «великан берлога упавший женщина злая»); *ачсартасгъей ацIахъ йыцIаз агъыч йайкwa йытaз ацIыдз* «блоха, находившаяся в штанах вора, сидевшего под кроватью» (букв. «кровать под находившийся внизу вор его штаны находившийся внутри блоха») (примеры взяты из сказок) и т. п.

Если определяемым словом, к которому относятся другие слова сочетания, служит причастие (или деепричастие), имеют место следующие типы сочетаний:

5) Сочетание наречия (или деепричастия) с причастием, причем наречие предшествует определяемому им причастию. Примеры: *бзый йызбау* «любящий», *гIешIчIейракIта йалыу* «состоящий из двух слогов», *дызгъыкымскIва йыганхъаз* «те, на которых он не напал» (букв. «он на которых не нападши оставшиеся»); *йыхIаумткIва йанум уазара* «если ты обязательно хочешь дать нам» (букв. «ты нам не давши, когда ты не допустишь»); *йырмъухуа йандлага* «когда они стали испытывать недостаток в том» (букв. «они то не находя более, когда они начали»); *рыцIа йыдыруацIта йаъаз* «более знающие» (собств. «более зная бывшие»); *хIкыч алыта хIацбъазауа* «мы, живущие своим общим трудом», *дъута йанхъауа* «громкочитающий», *бзыйта инхау* «хорошо работающий» и т. п.

6) Сочетание (атрибутивного) указательного местоимения с причастием; местоимение предшествует определяемому им причастию и согласуется с ним в числе. Например: *арый йыгIайуаш* «этот нижеследующий», *арат йыгIайкыуш* «эти нижеследующие» и т. п. Данное сочетание отличается от сходного сочетания причастия с указательным местоимением, выражающим грамматический субъект (подлежащее) предложения, обязательным присутствием в первом случае формальной характеристики причастий местоименного префикса *йы* в начале синтагмы причастного значения. Во втором случае префикс *йы* может отсутствовать.

7) Сочетание имени или местоимения (в значении дополнения) с причастием; имя предшествует причастию и выражено в глаголе соответствующим соотносительным местоименным показателем. Примеры: *амара йаблыз* «сожженный солнцем», *шкытыугъый йырагIау* «слышимое всеми», *уыхъа йазыумхыуш* «то, что ты себе не сделаешь»; *арат йырылыуа* «то, что они могут», *шваръ йалашецIаъ* «сложенное вами в одно место», *уаръ йыуапшыу* «похожий на тебя» и т. п. Дополнительная функция имени выражается здесь формой следующего за ним причастия, сохраняющей начальное (*йы*).

8) Сочетание имени с определяемым им причастием (деепричастием): *абъабышыва зхIвау* «говорящие на абазинском языке», *алых амамкIва*

«без различия» (собств. «различие не имеясь у него» (не разумн.), *ацтанчIв гIагсйз* «которого укусила змея», *ауый анййхIва* «когда он это сказал», *цIыдз дыукI тата* «большая блоха, находясь внутри», *сыкеийкI хъымпауа* «ежегодно» (букв. «один год не перепрыгивая»), *арый згыуш* «тот, который унесет этого», *ауый анабъ* «увидев это, он (неразумн.)» и т. п. Зависимость причастия от предшествующего имени выражается пропуском начального йы.

К законченным по значению и грамматическому составу приближается следующее:

9) Сочетание имени (или причастия) и наречия (или деепричастия) с глаголом служебного значения, образующее составное сказуемое; неглагольный элемент предшествует глаголу. Например: *йакъангъашуа йалагад* «они начали советоваться», *дталмырбзыхуа далагад* «из-за нее ему стало более невозможно жить внутри» (букв. «она ему не давая более жить внутри, он начал»); *йылзыпшгIауа йалаган* «они начали ее искать», *дызбала сгвйгыйд* «я думаю, (что) я его видел» (букв. «мною оно виданное я думаю»); *йымдыруа дыган* «он не знал», *арса акIвыб* «так обстоит» (дело), *уаръ уакIвын* «(это) был ты», *ауый акIвын* «(это) был он», *йарцауата йалыйд* «случается, что помораживает их» (т. е. растения — холод); сюда же должны быть отнесены случаи раздельного, сохраняющего ударение на каждом из элементов сочетания, произношения таких видовых форм, как: *йыгIайуа ркIвийд* «они продолжают идти» или *уйнхъа йауыйд* «(это) дает тебе возможность читать» и т. п.

Из других сочетаний с глаголом, также не имеющих в настоящее время значения вполне законченного [словосочетания, можно отметить:

10) Сочетание имени субъекта или объекта действия с относящимся к ним глаголом, когда глагол стоит в форме условно-сослагательного наклонения: *(ауый акIвызтынгый* «хотя бы таки и было», *мачIв* (sic! *Ред.*) *цардызтынгый* «более или менее»; *амаль амазтын* «если имеется возможность», *ахъа хъыхIварыквын* «если мы отрубим его голову») или в форме прошедшего зависимого (*аддхтор сыйзцан* «я пойдя к доктору», *ахъа хъыхIчIван* «мы, отрубив его голову» и т. п.).

Типы фраз. Высшей и основной единицей речи служит фраза. Под этим термином разумеется всякое отдельное слово или словосочетание, произнесенное с особой интонацией, называемой фразовой и показывающей, что говорящий закончил свое сообщение. Фразы, состоящие из одного слова, представляют собою довольно частое явление в повседневной речи, преимущественно в ответах на чужую речь, когда одного слова бывает достаточно, чтобы выразить свою мысль или отношение к тому, что говорит другой. Наиболее известным примером таких слов-фраз служат междометия и частичные слова, как *цта* «да», *мамау* «нет» и т. п.

Определить максимальное количество слов, которое может входить в состав одной фразы, трудно. Возможные границы распространения

фразы определяются интересами как говорящего, так и слушающего: в интересах говорящего ограничить количество слов фразы, произносимой нормально одним выдохом, в интересах слушающего ограничение фразы дает возможность легче и яснее воспринимать внутреннее соотношение составляющих ее элементов-слов. Поскольку письменная речь, способствующая всегда развитию фраз до значительных размеров (в силу более легкой обозримости написанного, чем слышимого), до 1933 г. у абазин отсутствовала, в абазинском языке преобладают фразы, состоящие максимально из 8—10 отдельных слов.

Для того чтобы быть понятной вне связи с предыдущей речью, чужой или своей собственной, фраза, произнесенная говорящим, должна заключать в себе словесное указание минимально на два представления: представления предмета или лица и представление относящегося к нему признака или совокупности признаков, которые сочетаются в уме говорящего в предикативное сочетание, под каковым разумеется такое сочетание двух представлений, когда одно мыслится, как зависящее в самом своем существовании от другого. Например, во фразах: *ларь дгылаб* «она стоит», *абагъ гычкIвырйб* «лисица-воришка», *акIолахъд чвагъвахъд* «колхозники уже пахали» представления, выраженные словами *дгылаб*, *гычкIвырйб*, *чвагъвахъд* находятся в предикативной (зависимой) связи с представлениями, выраженными словами *ларь*, *абагъ*, *акIолахъд* и мыслятся существующими лишь постольку, поскольку существуют эти последние.

Предложение. Фраза, содержащая в себе одно законченное, самостоятельное выражение предикативной связи двух представлений, называется предложением. Основным условием, предъявляемым в абазинском языке в громадном большинстве случаев к предложению, является наличие в нем глагола в форме повелительного, желательного, изъявительного или вопросительного наклонения или причастия в сочетании с вопросительным или вопросительно-относительным местоимением. В этом заключается характерное отличие абазинского языка от таких языков, в которых (как, например, в русском) глагол не обязателен в законченном предложении, как видно из примера: «лисица-воришка». Правда, существуют единичные примеры употребления в абазинском языке таких предложений, которые могут считаться законченными, не имея вышеуказанных формальных признаков; однако они ограничены определенной сферой применения — именно загадками и пословицами — и основаны на пропуске легко подразумеваемого глагольного слова (как например, *зачIвййа* «что такое?» и т. п.). Например, в загадке: *чымлътъа лыгъеръ хъапал* «без лестницы прыгает (собств. «прыгающий») на матицу» подразумевается *зачIвййа* «что такое?» (или *уачIвы акIампал абагъ ацкIыс йахъчIвд акIампал бжа* «чем завтра целый хампал (род печенья), сегодня пол хампала» (подразумевается: *рыцIа йыбзыйб* «лучше») и т. п.

Вне этой специальной категории случаев можно отметить еще, как не требующие глагола: сочетания с указательной частицей *абър*, напри-

мер: *аб̄ар завод̄* «вот завод!», *аб̄ар жь̄й̄йра* «вот кузница!», *аб̄ар уыс* «вот дело!» и т. п.; сочетания, содержащие в себе ответ на вопрос об имени того или иного лица, например: *с̄аба й̄ызлай̄ыпх̄ауа — ц̄айк̄ъ-вар̄га* *нан̄й̄ й̄ып̄а й̄ус̄уф̄* «Моего отца (как) зовут—Юсуф Нануевич Цейква» (здесь подразумевается *а̄к̄Iвыб* «есть»). За этими единичными исключениями остается подавляющее большинство предложений, определяемых, как таковые, наличием в них глагольной формы наклонения или указанного сочетания с причастием.

Члены предложения. В предложении следует различать образующие его слова, называемые членами предложения. Согласно данному выше определению предложения, в состав его входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выразит собою представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым и имеет, как мы только что видели, обязательную глагольную форму наклонения, выраженную, как таковую (за редкими исключениями), словесно. Грамматическим выразителем подлежащего могут быть только имена существительные, заменяющие их местоимения и приравняемые к ним по значению причастия.

Существеннейшей особенностью абазинского строя речи служит то, что обозначаемое в качестве грамматического подлежащего предложения слово не всегда соответствует тому представлению, которое мыслится сейчас говорящим в качестве логического (или реального) субъекта действия. Противоречие встречается там, где сказуемое, сочетаемое с подлежащим, обладает формой и значением переходного глагола, иначе говоря, там, где участниками действия, выражаемого сказуемым, мыслится два предмета или лица: то, которое совершает действие, и то, которое непосредственно испытывает на себе действие. Как указывалось выше, основное, полуименное значение глагольных основ абазинского языка влечет за собой то последствие, что действие, как таковое, выразимо не иначе, как образным путем приписывания логическому (реальному) субъекту данного действия посесивного или притяжательного отношения к результату действия, выражаемому глаголом. Таким образом, произнося, например, *апх̄Iвыс ач̄Iах̄ва таб̄ама й̄ыр̄ыдзы̄д* «женщина печет хлеб на сковороде», говорящий на абазинском языке представляет себе, без сомнения, реальным субъектом признака, выражаемого сейчас глаголом, женщину, а не предмет, который печется — хлеб, между тем, как грамматическая форма глагола *й̄ыр̄ыдзы̄д* свидетельствует своим стоящим на первом месте местоименным показателем *й̄ы*, что грамматическим субъектом служит *ач̄Iах̄ва*. Возникающая из подобных примеров необходимость различения реального (логического) субъекта от субъекта грамматического, отражает тот огромный сдвиг мышления, который привел к созданию логической категории переходного действия, выражаемой грамматической формой, недостаточно приспособленной для точного отображения тех логических отно-

шений, как их понимает сейчас говорящий на абазинском языке. Формальным выразителем совершившейся перемены служит *ныне* постановка имени логического субъекта действия на первое место в предложениях, имеющих сказуемым переходный глагол.

Виды предложений. За основание для распределения в абазинском языке видов предложений по группам естественно взять различия в сказуемом, как слове, которое составляет самое существо предложения, как такового.

В зависимости от того, какова форма наклонения сказуемого предложения — предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные; каждая разновидность сопровождается своей особой фразовой интонацией. Примеры предложений:

1) Повелительные (запретительные): *йыуыжсхуаш адзй уытамджеджён* «не плюй в ту воду, которую будешь пить», *уыхъа йазыумхууи датийд заджвы йызымхан* «не делай другому того, чего не сделаешь самому себе», *уыхъаза уапийта уыцанIы рау* «смотря по своему одеялу протягивай свои ноги» и т. п.

2) Желательные: *лара дтарышында* «о, если бы она провалилась!», *ауый дымгылында* «о, если бы он не встал!», *сара сымпсёнда* «о, если бы я не умер!» и т. п.

3) Изъявительные (повествовательные): *къаранъгва ашсхъыхьрта тагълаб* «в Карапаго (назв. сел.) имеется сыроварня», *аркътариц хIырхъыйд* «Красная армия нас охраняет», *ажъыйкве жъыйыйд* «кузнецы куют», *арат цIла ларцIыйд* «они сажают деревья» и т. п.

4) Вопросительные: *уыпцкве уырыцкьума* (? Ред.) «чистишь ли ты зубы?», *уынанIквей уыджеджесъума* «моешь ли ты руки?», *агрод хIцъуума* «пойдем ли мы в город?», *араъа даъума* «находится ли он здесь?», *чIвта йызымхъа* «сколько яблок у него осталось?», *расчIвта йылай* «какие овощи растут в нем?», *йышндшсхIсауайа* «как вы будете говорить?» и т. п.

В зависимости от того, каково значение сказуемого предложения, — предложения можно разделить на предложения с сказуемым непосредственного значения, сказуемым значения переходного и сказуемым значения вдвойне переходного. В первом случае предполагается непосредственное участие в действии одного, во втором — двух и в третьем — трех участников, что находит себе отражение, как в форме самого глагола (в количестве местоименных показателей в составе глагольной синтагмы), так и в количестве слов, необходимых для того, чтобы предложение могло считаться вполне законченным.

Порядок слов в предложении. Порядок слов в предложении бывает различен в зависимости от тех связей, которыми данное предложение соединяется с предложениями предшествующим и последующим. Взятое само по себе отдельное предложение имеет следующий нормальный порядок расположения составляющих его слов:

1) В предложении с непереходным глаголом на первом месте стоит слово, выражающее субъект действия (состояния), и на втором — сказуемое: *уарь уыдэгма* «ты глухой?», *сарь сыгыцарым* «я не пойду», *нына дхыхыйд* «мать придет», *атийь гылаб* «лошадь стоит», *ауый зачI-выйа* «что это такое?», *хIызтахъым дгIахIцыхчымуашд* «наш враг будет нам завидовать». Нарушение этого порядка подчеркивает значение сказуемого, придает ему особо выразительный смысл: *йызгIадахад аркъариц* «да здравствует Красная армия»; *нына лэкIеыб йысырхIагыз* «сказавшая мне это — (именно) мать» (здесь *нына лэкIеыб* — составное сказуемое). Слова, атрибутивно характеризующие подлежащее, подчиняются установленным выше правилам постановки перед ним, если это атрибуты относительные, и за ним, если это атрибуты качественные; слова, составляющие сложное сказуемое, подчиняются особым правилам расстановки элементов сложного сказуемого. Например: *арый йыгIайуаш астайа ауыйаши акIеыб* «эта следующая статейка такова».

2) В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором — грамматического субъекта (логического объекта) действия и на третьем — глагол. Например: *аут хIарь хIырхыйд* «они нас охраняют», *хIарь абацакwa хIыпхад* «мы наломали хворост», *гвыпыйпхадзъ заджвяджв пионёр рымаб* «каждая группа имеет по одному пионеру». Постановка на первое место грамматического субъекта придает выражению нарочитый смысл, однако в степени менее отчетливой, чем постановка на первое место глагола в предложениях непереходного значения, например: *абацакwa хIарь йыхIпхад акIолхдз йыршиыхд* «хворост-то мы наломали, а потом уже колхозники сплели» (из него плетень). В некоторых случаях постановка на первом месте грамматического субъекта обязательна, как, например, во фразе *дасыу йыквыч дарчъхб* «каждого его труд будет кормить», где *дасыу* стоит в двойной роли: субъекта глагола и дополнения имени (следовало бы точнее сказать неупотребительным образом: *дасыу йыквыч дасыу* или *йарь дарчъхб* букв. «каждого труд каждого (или его самого) будет кормить»). Логический субъект, преимущественно тот, который выражается личным местоимением, может нередко отсутствовать: *йыбызгIайхуа ббаб* «ты увидишь его приходящим к тебе» (не достаёт *барь*); несколько реже отсутствует, по тем же причинам выраженности местоимением, грамматический субъект: *сарь дызбад* «я его видел» (отсутствует выраженное лишь в составе глагольной синтагмы, посредством *д* указание на грамматический субъект: ожидалось бы *йарь* или *ауый* «его»).

3) В предложении с вдвойне переходным глаголом на первом месте стоит обычно логический субъект, на втором — косвенный объект, на третьем — грамматический субъект, например, *азавдд акIолхдз зланхауъ амашйнакwa гIарнътыйд* «завод дает колхозникам рабочие машины», *дчIекIеын дхна хуы йырыйтад* «мальчик все три отдал троем». Иногда порядок меняется: так, например, второе место занимает косвенный

объект, а третье — грамматический субъект: *атджэчІкІвын ауыгъ гзы ндлтыд* «старушка обратила на это внимание» (букв. «старушка тому сердце дала»). И здесь, как и в предшествующей группе, имеет весьма часто место пропуск одного из элементов, в особенности личного местоимения; в примере *ауа са райхІед* «он так сказал им» (отсутствуют: *ауыгъ ауат* «он им») отсутствуют даже два элемента.

Однородные члены предложения. При наличии в составе предложения двух или более субъектов, объектов или сказуемых, они называются однородными членами предложения. Например: *абагъ къаз кІетыу свагъыцъ агъычыйд* «лисица ворует гусей, кур и индеек» (три подлежащих при одном сказуемом), *апІиондъква йыгъдычхІыум йыгъдысум* «пионеры не бранятся, не ссорятся» (два сказуемых при одном подлежащем). Для абазинской речи характерно стремление устранить синтаксическое равноправие однородных членов сказуемого значения и поставить одно из них в зависимое положение от другого, что достигается:

1) Постановкой первых сказуемых в форме прошедшего зависимого, если сказуемые относятся к прошедшему времени, например: *ауат асагІандакъла йацхъмарын цъайсын йабацъыхд* «они устроили состязание на луке, сразили и убили друг друга», *арт ауандыр йаныйпсалахын, цІыдзыцъга хъвешы йыхІван тыйрә йыджыквыйгахд* «он положил их на арбу, назвал их средством от блох, и вывез (их) на продажу» (из сказок).

2) Присоединением к первым из них форманта наречий *та(цта)*, если сказуемое относится к настоящему или будущему времени: например: *шварә швацта швапшы* «вы пойдите и посмотрите», *уарә уыцдбта гІауыгъ* «ты пойдешь и скажешь», *дылшыгъдта йыхІвыгъд* «он смотрит и говорит», *бацІагІкІвын гІашедута, бацІкъагІкІвынта йышвишш, ауат гІагъсгта апхъарта шиванахъ йыцтІашецІа* «найдите мелкий хворост и сплетите в маленький плетень, принесите их (плетенки) и постелите перед дверью школы».

Наряду с основными членами предложения — субъектом (подлежащим), объектом (дополнением) и сказуемым, в состав предложения могут входить еще (помимо определенных и дополнений, непосредственно связываемых с субъектом или объектом) относящиеся к сказуемому обстоятельственные слова и предложные дополнения (наречия) и постпозиционные сочетания, занимающие наиболее свободное положение в предложении (обычно они занимают или первое место, перед реальным или грамматическим субъектом, или же предпоследнее место перед сказуемым).

Обособленные члены предложения. Наречия, производные от причастий, т. е. деепричастия, играют особую роль так называемых обособленных членов предложения, под каковыми понимаются слова, по ритму и интонации уподобляющиеся целому предложению не составляя его, однако, по своим формально-грамматическим признакам. Деепричастия (вместе с причастиями) замещают собою

в абазинском языке почти все виды придаточных предложений русского языка, за исключением условных и уступительных, выражаемых особыми формами наклонений. Обычным местом обособленных членов и связанных с ними слов служит начало предложения, в состав которого они входят: *дымцадзакIа* (деепр. прич.) *йыдырыйд* «он знает, (и) совершенно не ходивши»; *цардакI дымкэваута* (деепр. прич.) *дгIайхд* «он пришел, не задерживаясь долго»; *ажвакэва ажванахта йырылцуа* (деепр. прич.) *йапылэква* «связывайте слова так, чтобы получилось предложение»; *шквытыгый йырагIауд* (*та* или *цта* (деепр. прич.)) *дыута шегIарыпхэ* «читайте громко так, чтобы слышали все», *уард уышыхтаыхым* (распр. прич.) *йысагIад* «я слышал, что они не хотят тебя больше»; *апхэара шваналгара* (распр. прич.) *агIрд шадлага* «когда вы кончите читать, начните писать»; *ачIкIвын арат ажвакэва нына йанлайхIэра* (распр. прич.) *нына дгIайыйд* «когда мальчик скажет эти слова матери, приходит мать»; *ауат йызлажыбйуа* (распр. прич.) *амачвакэва рыхыкэква йышешырдыр* «узнайте имена орудий, посредством которых они куют»; *ауат рсуратквей шшIырткэвауый* (распр. прич.) *жэглэвы* «нарисуйте их и (напишите), как они кричат».

Наиболее сходства с русскими придаточными предложениями имеют помимо сочетаний форм изъявительного наклонения с морфемой *та* обороты со сказуемым в форме сослагательного наклонения; однако здесь разница в том, что, сохраняя свою форму, сказуемые придаточного предложения в русском языке могут встретиться и в независимом от другого предложения предложении, тогда как абазинское сказуемое вне такого «придаточного» предложения невозможно: например: *дгIайырквын уыйшыб* «если он придет, он убьет тебя», *дыубарыквын йызыухарыза* «если бы ты увидел его, что бы ты ему сделал?», *плагый йызбарыкыыз ахэа сшыцрын* «если бы я увидел хоть собаку их, я бы погладил ее по голове», *ауый абхэз бызшва йыздырызджIа тIанIантабызшва гыйдырам* «если даже он знает абхазский язык, то абазинского¹ языка он не знает» и т. п.

Сказуемое предложения. Как уже указывалось выше, сказуемым предложения может быть каждое слово абазинского языка, поставленное в предикативную связь с подлежащим предложения. Для того чтобы обратить в сказуемое какой-либо из членов предложения, соответствующее слово ставится в конце предложения в сочетании со сказуемостными формами вспомогательного глагола *ажIыызлара*, а предшествующие этому слову остальные слова предложения противопоставляются ему в форме сочетания с распространенным причастием. Например, фразы: *хIард уыгIбард хIтахын* «мы хотели тебя видеть», *арса тIанIанта ртаурых рхIыйд* «так рассказывают историю абазин», при желании обратить в сказуемое местоимение *уард* существительное — *ажалмыш* или наречие — *арса*, могут быть превращены в следующий вид: *хIард йыгIбард йахIтахынз уард*

¹ Точнее здесь — «тапантского». (Ред.).

уа́кIвын «тот, кого мы хотели видеть, был ты»; *тIапIа́нта ртауры́х йышырхIау́д а́рса а́кIвыб* «историю абазин рассказывают так» и т. п.

Не только отдельные слова, но и целые сочетания слов легко превращаются в сказуемое, для чего достаточно сочетать их с глагольным и местоименными префиксами и формантами сказуемых форм глагола (наклонений). Например: *акы́т а́раххча* «пастух села», *хэа заджэ́кI* «одинокая голова», *аквайчIва́ра йыха́мыла* «не вмешивающийся в толпу» и т. п. превращаются в сказуемую синтагму, например: *джIтраххчан* «он был сельским пастухом», *дхэазаджэ́кIын* «он был одиноким, одиночкой», *джвайчIварах́а́мыл* «он не вмешивается в толпу» и т. п. Глагол поглощает, таким образом, имя и становится все более и более тем центральным опорным пунктом, на котором держится структура и смысл предложения. Функция выражения целого ряда отношений, передаваемых обычно в других языках падежными формами имен, переходит к глаголу. Так, например, различение двух возможных значений формы неопределенного падежа (например, такой, как *аджэ́джва́рта* «прачешная, в прачешной») достигается предпочтительно не сочетанием слова *аджэ́джва́рта* с послелогом «в», как то: *аджэ́джва́ртанн* и т. п., как это наблюдается в русском языке, а соответствующим изменением формы глагола (ср. *аджэ́джва́рта цкэ́аб* «прачешная чистая», но *аджэ́джва́рта йы́цкэ́аб* «в прачешной чисто»).

В подавляющей массе случаев одна лишь глагольная форма дает возможность судить о синтаксических и смысловых взаимоотношениях других слов предложения, не достаточно характеризованных в этом смысле с формальной стороны; ср. еще например: *аба́гI акы́т гы́чра йы́гIа́йы́д* «лиса приходит в селение воровать» (местное значение формы слова *акы́т* определяется здесь значением глагола *гIа́йра* «приходить»), *хIара́ йбна́ зарга́р хIы́цуи́д* «мы пойдем в лес за кизилом», *ары́мдэа да́кчIва́б* «он сидит на скамье» (но ср. *ары́мдэа гы́лаб* «скамья стоит»), *асабы́гIа́рта анха́чэа рсабы́кэа ры́гIа́йы́д* «крестьяне воспитывают своих детей в яслях» (ср. *асабы́гIа́рта бзы́б* «ясли хороши») и т. п. Глагол принимает на себя также часто функцию выражения и орудивных отношений, например: *ары́т а́мачва́кэа дры́лачва́гэ́выи́д* «он будет пахать этими орудиями» (взамен более естественного с точки зрения русского и ему подобных языков: *ары́т а́мачва́кэала дэ́вагэ́выи́д*); *ау́йы́ шва́пIкэ́а алашвы́цкэ́ала* «вытирайте им (т. е. половником) свои ноги» (взамен *ау́йы́ йы́ла* (или *ау́йла шва́пIкэ́а швы́цкэ́ала*); *ауанды́р йаланькэ́выи́д* «посредством телеги ездят» (взамен *уанды́рла йыны́кэ́выи́д*) и т. п.

Глагол замещает и функцию выразителя притяжательных отношений, как явствует из таких примеров, как: *са́рI да́рыкэ́вакы́т сы́руаб* «я принадлежу к жителям селения Псыж», *акIо́лхэ́з на́ртышьвы́шIыхча рца́рдаб* «у колхоза много ломщиков кукурузы (вм. ожидаемого, но неупотребительного *акIо́лхэ́з рна́ртышьвы́шIыхча ца́рдаб*), *ау́йы́ акIо́лхэ́з*

ржъйраб «это кузница колхоза» (вм. неупотребительного *ауый акIолхъз йыржъййраб*) и т. д.

Втягивая в себя, таким образом, не только все основные члены предложения, путем включения в состав синтагмы сказуемого соотносительных с ними местоименных префиксов, но также и целый ряд формальных выразителей надежных отношений, глагольная синтагма приближается все более и более к тому, чтобы поглотить все предложение, уменьшенной копией которого она является; этот процесс подчеркивает еще раз основную синтаксическую особенность абазинского языка: доминирующую, определяющую смысл всего предложения роль синтагмы сказуемого.

Орфографические правила разделения слов. Нам остается сделать некоторые практические выводы, которые вытекают из рассмотренных нами грамматических отношений, регулирующих абазинскую речь. Основной вывод касается орфографической проблемы «отдельного» слова в условиях письменного оформления абазинского языка. Как мы видели выше, под понятие слова подходят в абазинском языке и целые словосочетания других языков и даже целые предложения. При всей условности определения понятия слова, как единицы речи, — а в основу определения абазинского слова целесообразнее всего класть понятие словесного ударения, — за словом всегда остается значение той эмпирической реальности, которую говорящий на данном языке стремится передать на письме, как отдельный комплекс буквенных начертаний. Учитывая в этом смысле ту практику писания на родном языке, которая развивается по отношению к абазинскому языку систематически с осени 1933 г., приходится констатировать, что большинство тех синтагм, которые подведены нами под категорию «слова», мыслятся, как таковые, действительным большинством пишущих на родном языке, и в этом смысле не возникает затруднений, что и как писать отдельно и что слитно. Единственным серьезным и сложным исключением из общего правила служат те синтагмы, которые названы нами аппозитивно-атрибутивными (см. выше), в отношении которых наблюдается значительный разнобой, вызванный без сомнения, с одной стороны, ассоциациями с русскими графическими навыками, с другой и главной стороны — отчетливой выделяемостью как прилагательных качественных (в силу их употребления самостоятельно и как наречий и как сказуемых), так и, в особенности, прилагательных относительных, в роли которых выступают обычно самостоятельно употребляемые существительные.

При решении вопроса, как быть с аппозитивно-атрибутивными синтагмами, следует учесть, что при всяком решении орфографических и связанных с ними орфоэпических вопросов возможны две противоположные точки зрения, в зависимости от той общей установки, которая кладется при этом в основу частных суждений. Одна точка зрения, которую можно назвать чисто утилитарной и сущность которой сводится к требованию возможной механизации процесса письма, опи-

рается на предположение широкого, массового, размноженного печатного распространения письменности, на ее роль культурного фактора, всесторонне обслуживающего повседневную жизнь. Вторая точка зрения, не отрицающая выгоды и даже практической неизбежности такой механизации графических навыков, стремится соблюсти при этом известные интересы педагогического и общеобразовательного порядка, вводя в правила орфографии некоторые элементы сознательного, вдумчивого отношения к орфографическим нормам языка. Она учитывает при этом, как опасно бывает прельщаться легким, простым и удобным правилом, позволяющим не думать, но тем более вредным, что оно схематизирует и искажает факты действительной жизни. Бесплезность ничему не учащей орфографии, в отношении особенностей своего родного языка, становится особенно очевидной, если принять во внимание, что не всегда и не везде имеются основания усматривать за национальной письменностью такую или только такую роль универсального фактора культуры. Не менее часто по отношению к составляющим предмет нашего ближайшего внимания абазинам, приходится думать, что роль национальной письменности заключается главным образом в ее исключительном, ничем другим в полной мере незаменимом значении общевоспитательного и общеобразовательного средства, неиспользование которого в условиях элементарной школы служит самым ярким и убедительным свидетельством культурного неравноправия по сравнению с народами, этим средством пользующимися.

Возвращаясь к вопросу об атрибутивно-апозитивных синтагмах, следует признать, что механическое решение вопроса говорит за единый способ передачи цельным словом всех разнovidностей этих синтагм. При более аналитическом, педагогическом подходе представляется полезным выделять случаи: 1) полного смыслового слияния сочетания, как напр. в случаях: *алдыгажэ* «старик», *тыдздыу* «домище», *советвласт* «советская власть» и т. п., в отличие от случаев 2) лучшего сохранения отдельной значимости входящих в состав синтагмы слов, как например, в *адзы дыу* «большая река» (ср. *адздыу* «половодье»); *тыдзы чIкIвын* «маленький дом» (ср. *тыдзчIкIвын* «домик»). В первом случае можно рекомендовать слитное, во втором — раздельное написание.

Продолжая далее, можно разграничить правила написания сочетаний относительных атрибутов с определяемым — от правил сочетаний атрибутов качественного значения, как более тесно сливающихся с определяемым словом в представлении говорящих, чем атрибуты относительные, что отражается и в правилах расстановки определений в одних случаях — впереди, в других — позади определяемого слова. В последнем случае можно рекомендовать слитное написание, тогда как в первом допустимо раздельное написание. Словосочетания, имеющие в своем составе числительные свыше девятнадцати (противопоставленные словам, сочетающим имена с числительными первых двух десятков),

следует, не взирая на колеблющуюся в некоторых случаях практику, писать раздельно, в отличие от первых 19 числительных, где предпочтительнее слитное написание. Особо выделить следует правила написания слов и словосочетаний, служащих собственными названиями; здесь следует, наряду с выделительными кавычками, пользоваться дефисом, как напр. *йынджыгъ-чIкIгъы* «Малый Зеленчук», *йынджыгъ-дыу* «Большой Зеленчук» и т. п.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Глава I. Введение</i>	<i>5</i>
Общие сведения об абазинах и абазинском языке	5
Расселение абазин-тапанта	5
Расселение абазин-шкарава	6
Общая численность абазин	7
Различные наименования абазин	7
Взаимоотношения абазин и абхазцев	9
Историческое прошлое абазин	9
Родовой состав абазинских селений	10
История существующих селений	11
Классификация языков и наречий «абаза»	12
Примеры звуковых и морфологических соответствий	13
Различия в словаре	14
Различия в грамматике	15
Различия в фонетике	16
Общая характеристика взаимоотношений языков «абаза»	16
Дальнейшие задачи развития абазинского литературного языка	17
<i>Глава II. Звуки абазинского языка</i>	<i>19</i>
Звуки речи и звуки языка (фонемы)	19
Особенности звуковой (фонематической) системы абазинского языка	19
Ограниченное количество гласных звуков	19
Значительное количество согласных звуков	21
Кабардинское влияние на абазинскую фонетику	23
Абазинский алфавит	23
Гласные фонемы абазинского языка	24
Отличие гласных от согласных	24
Гласный <i>a</i>	25
Комбинаторные изменения гласного <i>a</i>	26
Дифтонги <i>ей</i> и <i>оу</i>	27
Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм	28
Гласный <i>ы</i>	29
Комбинаторные изменения гласного <i>ы</i>	31
Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм	32
Согласные фонемы абазинского языка	33
Классификация согласных звуков	33
Соворные фонемы абазинского языка	33

Общая характеристика сонорных согласных	33
Фонема <i>й</i>	34
Фонема <i>у</i>	35
Фонема <i>л</i>	35
Фонема <i>р</i>	36
Фонема <i>м</i>	36
Фонема <i>н</i>	36
Длигие сонанты	36
Спиралтные фонемы абазинского языка	36
Классификация спиралтных фонем	36
Губные спиранты	37
Зубные спиранты	37
Альвеолярные спиранты	39
Переднеязычные спиранты	40
Заднеязычные спиранты	41
Мягкоязычные спиранты	42
Гортанные спиранты	43
Взрывные (смычные) фонемы абазинского языка	44
Общая характеристика взрывных согласных	44
Губные взрывные	44
Зубные взрывные	45
Переднеязычные взрывные	45
Заднеязычные взрывные	46
Гортанный взрывной	47
Аффрикатные фонемы абазинского языка	47
Общая характеристика аффрикат	47
Зубные аффрикаты	47
Альвеолярные аффрикаты	48
Переднеязычные аффрикаты	49
Особенности смычногортанных фонем	49
Классификация фонем абазинского языка	49
Фонетические особенности наречия Шкарава	51
Сочетания звуков	52
Явление ассимиляции	52
Комбинаторные изменения звуков	53
Изменения систематические	53
Изменения спорадические	54
Частичное изменение звуков	54
Полное изменение звуков	55
Слог и виды его	55
Сущность слогообразования	55
Виды слогообразования	56
Колебания в количестве слогов	58
Колебания в границах слогораздела	59
Типы сочетания согласных в слове	59
Правила графического выражения количества слогов	60
Правила слогоразделения	61
Правила переноса слов	62
Ударение	62
Речевые такты	62
Сущность и смысловая роль ударения	63

Ударение словесное	64
Ударение неподвижное	64
Ударение подвижное	65
Ударение в сложносоставных словах	65
Ударение синтаксическое	66
Слияние слов в словосочетании	67
Ударение логическое	67
Необходимость обозначать в письме ударение	67
Интонация	68
Сущность интонации	68
Интонация предложения	68
Интонация частей предложения	69

Глава III. Формы слов абазинского языка (словообразование и словоизменение)

Значение отдельных звуков и простейших звуко сочетаний	70
Омонимия	78
Морфемы и их виды в абазинском языке	78
Классификация морфем по значению	78
Значение глагольной основы	80
Употребление чистой глагольной основы	81
Особое замечание	83
Морфемы реальные и формальные	84
Классификация служебных морфем	85
Сочетание морфем и его виды	85
Понятие синтагмы	85
Классификация синтагм-слов по значению образующих их морфем	86
Синтагмы неразложимые в современном языке	86
Иноязычные слова	88
Морфемы колеблющегося значения	88
Классификация синтагм по звуковой форме морфем	88
Классификация синтагм по их синтаксической структуре	89
Классификация синтагм по их значению	92
Классификация синтагм по их роли во фразе	92
Части речи	92
Классификация частей речи	92
Междометия	93
Местоимения	93
Местоимения личные	94
Распространенная форма личных местоимений	95
Местоимения притяжательные	97
Особые формы притяжательных местоимений	99
Определенный член	101
Местоимения указательные	102
Местоименные наречия места и образа действия	104
Местоимения вопросительные	105
Простейшая форма вопросительных местоимений	106
Местоименные наречия относительные и вопросительные	107
Местоименное относительное	109
Местоимения определительные	111
Местоимения неопределенные	112

Имена существительные	113
Образование существительных	113
Система склонения	118
Следы утраченных падежных форм	121
Множественное число	124
Деление существительных по значению	124
Имена прилагательные	125
Склонение прилагательных	125
Прилагательные качественные	126
Прилагательные относительные	126
Степени сравнения	127
Несамостоятельность прилагательных	127
Причастия	128
Глагольные категории причастий	128
Категория залоговости и ее виды	129
Дополнительные замечания	130
Формальные признаки залогов	131
Понудительный залог	133
Возвратный залог	134
Страдательный залог	134
Категория действия и состояния	135
Категория вида	138
Категория времени	141
Категория лица	144
Склонение причастий	147
Десипричастия	148
Распространенные причастия	149
I. Распространенные причастия предикативного значения	149
II. Распространенные причастия предикативного и полупредикативного значения	149
III. Распространенные причастия полупредикативного значения	151
IV. Суиив	152
Глагол	152
Глагол в узком смысле слова	152
Отглагольное ямя	153
Категория наклонения	153
Повелительное и уступительное наклонения	154
Отрицательные формы повелительного и уступительного наклонения	157
Наклонение желательное	159
Наклонение изъявительное	159
Формы глаголов действия	160
Формы глаголов состояния	164
Глаголы вспомогательные	165
Наклонение вопросительное	166
Наклонение сослагательное	167
Структура синтагм глагольного значения	169
Глагольные префиксы	170
Наречие	173
Послелоги	175
Числительные	177
Числительные количественные	177

Числительные порядковые	179
Прочие числительные	179
Правила орфографии числительных	181
Союзы и частицы	181
<i>Глава IV. Формы словосочетаний в абазинском языке</i>	<i>184</i>
Словосочетания и предложения (фразы)	184
Типы словосочетаний	185
Типы фраз	188
Предложение	189
Члены предложения	190
Виды предложений	191
Порядок слов в предложении	191
Однородные члены предложения	193
Обособленные члены предложения	193
Сказуемое предложения	194
Орфографические правила разделения слов	196

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Г. Брянцева*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Корректор *Г. И. Длугач*

РИСО АН СССР № 34-3В. Сдано в набор 18/III-1955 г.
Подп. в печать 28/IX 1955 г. Формат бум. 70×108 $\frac{1}{16}$
Печ. л. 12,75=17,46. Уч.-изд. лист. 14,6
Тираж 1000. Т-07180. Изд. № 627. Тип. зак. 85
Цена 9 р. 75 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строна	Напечатано	Следует читать
8	7 св.	абазинский	абазинского

А. Н. Генко. Абазинский язык

9 р. 75 к.